

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

№ 2 (14)

Издается с 2009 года

Выходит 4 раза в год

Москва

2015

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 2 (14)

**Published since 2009
Quarterly**

**Moscow
2015**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.
председатель

ректор ГБОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.
заместитель председателя

президент ГБОУ ВО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.
заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бессонов Б.Н.
главный редактор

заведующий общеуниверситетской кафедрой философии
и религиоведения Института гуманитарных наук ГБОУ ВО
МГПУ, доктор философских наук, профессор

Бирич И.А.
заместитель главного редактора

профессор общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук ГБОУ ВО
МГПУ, доктор философских наук, профессор

Жукоцкая А.В.

профессор общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук ГБОУ ВО
МГПУ, доктор философских наук, профессор

Чёрнёнская С.В.
ответственный секретарь

доцент общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук ГБОУ ВО
МГПУ, кандидат философских наук, доцент

Черезов А.Е.

профессор общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук ГБОУ ВО
МГПУ, доктор философских наук, профессор

Чесноков Г.Д.

профессор общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук ГБОУ ВО
МГПУ, доктор философских наук, профессор

Мамедова Н.М.

профессор кафедры философии Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова,
доктор философских наук, доцент

Ксенофонов В.Н.

профессор общеакадемической кафедры философии
и социально-экономических дисциплин Московского
государственного юридического университета им. О.Е. Кута-
фина, доктор философских наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2074-7829

© ГБОУ ВО МГПУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	8
---------------------	---

Общество: ценности и смыслы

<i>Жукоцкая А.В.</i> Старые опасения и новые идеологии	10
<i>Глазунов Н.Г.</i> Ментальные предпосылки становления обществ современного типа	22
<i>Ковалев В.Г.</i> Типы социального взаимодействия и социальное творчество.....	30

Философия науки

<i>Каменев А.С.</i> Теория относительности А. Эйнштейна и некоторые философские проблемы времени	42
<i>Зыбина Н.В.</i> Генезис естественно-научной картины мира	60

Философия образования

<i>Дзиов А.Р.</i> Студент и наука: воспитание творчеством.....	67
<i>Чёрнёнская С.В.</i> Гипертекст как способ организации учебного материала	74

Философия религии

Наджафов Рахиль. Место и роль философии исламского региона
в эволюции европейской философии..... 82

Шабантур Монирех. Мировоззрение Древнего Ирана,
отраженное в персидской живописи..... 90

Философия и литература**Год литературы в России**

Бессонов Б.Н. Уильям Шекспир — великая творческая личность 95

**Авторы «Вестника МГПУ», серия «Философские науки»,
2015, № 2 (14)..... 111**

Требования к оформлению статей..... 113

CONTENTS

The Word of Editor-in-Chief

The Issues of Vestnik	8
-----------------------------	---

Society: Values and Meaning

<i>Zhukotskaya A.V.</i> The Old Fears and New Ideologies	10
<i>Glazunov N.G.</i> Mental Prerequisites of the Formation of the Societies of Modern Type.....	22
<i>Kovalev V.G.</i> Types of Social Interaction and Social Creativity	30

Philosophy of Science

<i>Kamenev A.S.</i> Einstein's Relativity Theory and Some Philosophical Problems of Time	42
<i>Zybina N.V.</i> The Genesis of the Natural and Scientific Picture of the World	60

Philosophy of Education

<i>Dzirov A.R.</i> Student and Science: Upbringing by Means of Creativity	67
<i>Chiornenkaya S.V.</i> Hypertext as a Way of Organizing the Educational Material	74

Philosophy of Religion

Najafov Rachel. The Place and Role of Philosophy
of Islamic Region in the Evolution of European Philosophy 82

Shabanpur Monireh. World Outlook of Ancient Iran,
as Reflected in the Persian Painting..... 90

Philosophy and Literature

The Year of Literature in Russia

Bessonov B.N. William Shakespeare is a Great Creative Personality 95

«MCTTU Vestnik» / Authors, Series «Philosophical Sciences»,
2015, № 2 (14) 111

Style Sheet..... 113

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЗАДАЧИ НОМЕРА

Очередной номер нашего журнала открывает статья «Старые опасения и новые идеологии», в которой ее автор профессор А.В. Жукоцкая призывает «избавиться от страхов и опасений», что наше общество «погибает» без единой идеологии или же вновь может оказаться под властью одной тоталитарной идеологии. А.В. Жукоцкая считает, что в наше время мы через СМИ постоянно получаем «идеологические инъекции», о силе влияния которых даже и не подозреваем. Вместе с тем автор статьи подчеркивает, что потребность общества в идеологии — объективная потребность, причем по мере развития общественных связей все формы духовной жизни так или иначе идеологизируются. В этом нет ничего катастрофического, если мы способны реалистично и практично оценивать реальную действительность.

Н.Г. Глазунов в статье «Ментальные предпосылки становления обществ современного типа» доказывает, что в качестве таковых выступает Реформация, которая, в свою очередь, привела к секуляризации государственной-политической и культурной жизни и к рационализации мышления, что и позволило личности выделиться

из универсума традиционного общества и стать центральной фигурой общества Модернити.

В разделе «Философия науки» профессор А.С. Каменев в связи со 150-летием со дня рождения Альберта Эйнштейна подготовил статью, посвященную великому физическому и созданной им теории относительности. В этом же разделе аспирантка кафедры философии и религиоведения Н.В. Зыбина рассматривает проблемы генезиса естественно-научной картины мира. Анализируя взгляды выдающихся естествоиспытателей, Н.В. Зыбина отмечает, что концепция собственно научной картины мира включает систему важнейших понятий, принципов и фундаментальных законов, лежащих в основе понимания окружающей нас природы. Общая же научная картина мира представляет собой синтез фундаментальных понятий, принципов и закономерностей естествознания и обществознания.

Как всегда, наш журнал важное место отводит проблемам философии образования. А.Р. Дзиов в статье «Студент и наука: воспитание творчеством» рассматривает научно-исследовательскую работу как высшую форму трудовой активности студента, подчеркивает, что научно-исследовательская

деятельность — важнейший фактор трудового, профессионального и духовно-нравственного становления будущих специалистов.

При этом автор подчеркивает, что в нашей стране с каждым годом все сильнее ощущается нехватка молодых научно-педагогических и инженерно-технических кадров, способных прийти на смену опытным специалистам, принадлежащим к старшему поколению.

Задача государства, органов образования и науки — содействовать созданию масштабной и полнокровной системы научно-технического творчества студенчества и молодежи.

С.В. Черненко в своей работе «Гипертекст как способ организации учебного материала» анализирует гипертекст как одну из информационных технологий, которую нужно более широко применять в учебном процессе. Гипертекст не имеет жесткого направления в развертывании информации, он позволяет совместить замысел автора с интересами читателя, что конечно же улучшает организацию учебного материала и способствует его более эффективному пониманию.

В разделе «Философия религии» Р. Наджафов в своей работе «Место и роль философии исламского региона в эволюции европейской философии» говорит о весомом вкладе философов исламского культурного региона в трактовку трудов античных мыслителей, в развитие европейской средневековой философии. Ислам-

ские мыслители, анализируя труды античных философов, сопровождали их тщательными обширными комментариями, своими собственными размышлениями о Разуме и Душе, человеке и творце. Автор считает, что идеи и теории исламских мыслителей активно способствовали формированию духовного климата Возрождения.

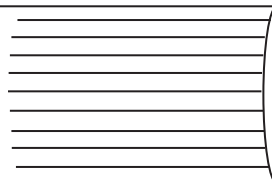
Шабанпур Монирех, аспирантка Московского государственного университета культуры и искусства, исследуя проблемы преемственности в национальной культуре Персии на примере персидской живописи, отмечает, что одной из важных особенностей персидского изобразительного искусства является символичность. Если для греческого художника идеал красоты воплощает обнаженное совершенное тело, то идеал для персидского художника выражен в символическом образе человека, изображенного в профиль, или же в образах существ с человеческой головой и туловищем животного или крылатых людей и т. п. При этом автор считает, что персидское искусство неверно относить к исламскому, ибо оно уже существовало в эпоху, предшествовавшую появлению ислама на территории Персии.

В раздел «Философия и литература» включена статья, посвященная анализу творчества У. Шекспира, выдающегося представителя эпохи Возрождения, который в своих произведениях проник в самые глубины души человека.

Б.Н. Бессонов

Редакция приносит свои извинения в связи с тем, что в предыдущем номере «Вестника МГПУ» в «Слове главного редактора» фамилия автора О.А. Сухоруковой напечатана с искажением.

ОБЩЕСТВО: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

А.В. Жукоцкая

Старые опасения и новые идеологии

Статья посвящена исследованию феномена новых современных идеологий и идеологических конструктов, которые уже не являются результатом деятельности только властных механизмов. Автор рассматривает их как результат сложного взаимодействия средств массовой информации и коммуникации, психосемантической деятельности нашего сознания и информационных технологий. Политический дискурс рассматривается как манипулятивный инструмент и инструментальная форма проявления современных идеологических конструктов.

Ключевые слова: mass media; «производство» идей; политико-идеологический дискурс; языковое поведение; идеологические установки.

Не столь давно от одного из депутатов Госдумы поступило предложение из плохо забытого «старого времени». Депутат заявил, что положение о запрете государственной идеологии должно быть исключено из Конституции Российской Федерации. Оставим пока в стороне вопрос о законности такого предложения. Депутату должно быть все-таки известно, что подобная «поправка» подразумевает исключение из текста Конституции РФ пункта 2 статьи 13 о том, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но эта статья находится в первой главе Основного закона, положения которой запрещает пересматривать сама же Конституция. Эксперты отмечают, что изменить первую главу Конституции только после обсуждения Федеральным собранием невозможно. Чтобы внести поправки, за них должны вначале проголосовать не менее 60 % депутатов, затем должно собраться Конституционное собрание, в которое, помимо парламентариев, входят президент страны, председатели всех трех судов, где уже за принятие документа должны будут проголосовать две трети членов этого Собрания. Дальше проект Конституции должен быть вынесен на общенародный референдум. Чтобы принять обновленную Конституцию, потребуется участие не менее 50 % избирателей страны. Свое смелое предложение об отмене запрета на государственную идеологию депутат-единорос объяснил таким образом: «Идеология — это государственная

поддержка ценностей: добра и зла, патриотизма. Мы не можем осуществлять нормальное государственное строительство, имея запрет на государственную поддержку некоторых ценностей» [15]. В задачу этой статьи не входит полемика со сторонниками либо противниками единой государственной идеологии. Не будем также полемизировать с народным избранником по поводу того, что он и что мы понимаем под идеологией. Не будем убеждать его, что идеология — это не «государственная поддержка ценностей: добра и зла, патриотизма» и что «нормальное государственное строительство» вполне возможно и при той Конституции, которую мы имеем. И от поправок либо изменения Основного закона «нормальное государственное строительство» само по себе не начнет осуществляться, пока его не начнут осуществлять нормальные люди, с нормальными ценностями, которые должны быть кодексом чести человека, а не буквой Конституции. Кроме того, смоделируем ситуацию. Итак, желаемые поправки благополучно прошли через Федеральное собрание, Конституционное собрание, наконец, через Референдум. Злополучный пункт 2 статьи 13 убрали из Конституции. Запрета на государственную, обязательную, официальную идеологию больше нет. А сама-то государственная идеология есть? Тоже нет. И начнутся лихорадочные «поиски» такой идеологии, либо поспешное ее конструирование. Доморожденные идеологи опять будут метаться между «православием» и «народностью», не забывая и государство, конечно. В результате мы обречем взрывную смесь национализма, шовинизма и мракобесия с заведомо неудачным названием. Это будет либо идеология «духовных скреп», либо «народного единства» и «суверенной демократии», либо идеология «консервативных ценностей», либо, на худой конец, «инновационной модернизации». Другими словами, это будет то, что никогда не приживется, не будет понято и принято, а значит, никогда не станет — по выражению Д. Белла, ярого противника официальной доктринальной идеологии, — «народной реальностью». Так надо ли «огород городить» вокруг запрета, или разрешения идеологии? Быть может, следует внимательно присмотреться к современной ситуации, чтобы увидеть, что идеология как система любых идей, а не только политических, как интерпретация бытия, была, есть и будет имплицитно встроена в социальную ткань любого общества. Потому что идеология, по выражению Р. Боудена, это — «природный ингредиент» социальной жизни, «клей общественных структур» [9: с. 11].

Вот об этой весьма тонкой материи — идеологии, которую Д. Белл назвал «падшим словом и греховным делом», — и поговорим [8: с. 213]. Не о марксизме-ленинизме, и даже не о консерватизме и либерализме, а о тех идеологических конструктах, которые не представлены столь явно. Порой они даже не конституированы, следовательно, их нельзя «отменить» или «ввести». Но они есть всегда и их можно выявить, обнаружить, например, через такие онтологические формы, как язык, речевые коммуникации и институциональные формы — такие, как масс-медиа. Средства массовой информации и коммуникации являются трансляторами (каналами) такой подчас неконституированной, неперсонифицированной,

размытой, «скрытой идеологии». Они же, как правило, выступают в роли «фабрики сознания». Сегодняшняя реальность, на мой взгляд, такова, что в условиях современного экономического, политического, эстетического и этического фристайла такие неявные идеологические формы могут оказаться куда более жесткими и авторитарными, чем классические идеологические доктрины XX века. Воздействуя то на одну, то на другую сторону «массового» человека различными приемами и способами, СМИ и коммуникации «растворяют» индивидуальное сознание в массовом сознании, а точнее — в «коллективном бессознательном» (К. Юнг). Именно таким образом идеология в современном обществе обретает огромную власть, а сами средства массовой информации и коммуникации оказываются полем социального и политического противоборства. Зачастую исход этой борьбы зависит от того, представители каких элит овладевают системой массовых коммуникаций. Развитие средств массовых информаций осуществляется не какими-то анонимными силами, а вполне конкретными людьми: владельцами теле- и радиокомпаний, газет, журналов, управляющими, многотысячной армией редакторов, репортеров, обозревателей, режиссеров, ведущих, монтажеров и т. д. Но все они в конечном итоге подчинены властным монополизированным группировкам.

Одобренные тексты, мифы, повторяемые по TV во время новостных или других передач, — это примеры действия пропагандистского, а значит, идеологического аппарата. Манипулирование массами, «производство» сознания имеет всегда конкретно-политическую обусловленность и конкретно-социальную направленность.

Но ограничиваться анализом лишь манипулятивной функции средств массовой информации и коммуникации, что чаще всего и делают, означает вульгаризировать, упрощать сложнейший общественный феномен. Еще Т. Парсонс считал, что современная система коммуникации существенным образом расширила возможности доступа к культуре всем слоям населения, обеспечив существенный прогресс, например, в сфере образования. Он был убежден, что дифференциация, представленная в СМИ и коммуникации, открывает альтернативы для реципиентов. Поле их свободного выбора расширяется и за счет источника информации, и за счет культурных типов и уровней информационного содержания. Заметим, Т. Парсонс говорил о системе коммуникации XX века, ясно, что коммуникационные и информационные возможности XXI века значительно шире.

Однако Д. Белл, Р. Низбет, М. Новак, И. Кристолл совсем иначе смотрели на этот процесс. Они полагали, что, «поднимая» сознание масс до уровня массовой культуры (что в их понимании равносильно антикультуре), мы скорее «опускаем» его, а не возвышаем. Й. Шумпетер утверждал, что «информация и аргументы попадут в цель, только если они соответствуют уже сложившимся взглядам гражданина. Как правило, эти взгляды недостаточно определены для того, чтобы предопределить конкретные выводы. Поскольку сами эти выводы можно сфабриковать, то эффективная политическая аргументация... неизбежно является фальсифицированной или выборочной и состоит в том, чтобы превратить некоторые положения в аксиомы, а иные, наоборот, замолчать; таким образом, она сводится к психотехническим приемам» [7: с. 662].

Споры западных социологов по поводу принципиальных различий эффектов воздействия на население средств массовой информации и коммуникации лишь доказывают идеологическую актуальность проблемы и подчеркивают ее властное основание.

«Производство» идей в социальном мире в конечном итоге всегда оказывается подчиненным логике власти. Этой логикой владеют идеологи, умеющие манипулировать идеями и социальными группами. Недооценка лингвистического и семантического аспектов таких манипуляций означает неумение разглядеть в информационном поле наличие идеологического дискурса, следовательно — неумение противостоять манипуляциям.

«Лучшее», что мог изобрести идеологический аппарат, — это особый, специфический язык. Лингвист и культуролог Э. Шульц, сравнивая возможности языка американцев в Америке и русских в России «времен Бахтина», отмечал, что «двуязычие и разноязычие в России были чем-то само собой разумеющимся в обыденной жизни, между тем как на внешних официальных уровнях речи всякое разноязычие и всякие различия, в особенности в том, что касалось «содержания», — были насильственным образом ограничены властителями, которые навязывали каждому как раз невариативную, несоциальную авторитарно-анонимную речь» (цит. по: [7: с. 145]).

Табуирование официального языка власти в России — факт несомненный. Но другой стороной этого процесса является мобилизация всех внутренних ресурсов языка: парафраза, метафоричность, символизм. Так постепенно сформировалось умение всеми доступными средствами сказать больше, чем можно, сказать нечто другое и по-другому, чем позволяют стандартизированные формы речи. Язык достиг поразительной тонкости и богатства оттенков значений. Эзопов язык революционной традиции был унаследован последующими поколениями. Он и сейчас во многом формирует не только нашу речь, но и картину мира.

Любой язык является носителем культурного кода, традиции. Политизация и идеологизация языка определяются политизацией мышления. Этот процесс давно вышел за рамки какой-либо одной страны. Бессмысленно отрицать наличие определенного слоя специфической политико-идеологической универсальной лексики: «демократический» (democratic), «законный» (legitimate), «суверенный» (sovereign), «государственный» (state), «буржуазный» (bourgeois) и так далее. В политике и идеологии важно не только то, о чем говорится, но и как об этом говорится.

Язык позволяет не только передавать информацию, но и исказить ее. Выбор слова помогает не только по-разному интерпретировать действительность, но конструирует смысловое отношение к обсуждаемому факту. Например, различия в оттенках значений таких понятий, как «демократия» и «управляемая демократия», «девальвация» и «мягкая девальвация», «вооруженный конфликт» и «военная операция по принуждению к миру», на наш взгляд, очевидны.

Эта особенность языка позволяет не только информировать аудиторию, но и манипулировать ее сознанием, искажая информацию в пользу заинтересованной стороны. Например, в политической лексике широко распространено

понятие «реакционные силы». Но его содержание является смутным и неопределенным. Не очень ясно, что точно означает это понятие и «кто» эти реакционные силы, так как в реальной политике периодически «реакционные силы» с «прогрессивными» меняются местами, как «правые» с «левыми». Заметим, что это понятие несет не только идеологическую, но и этическую нагрузку. Оно придает политическим разногласиям абсолютный смысл, поднимает их до уровня противостояния «добра» и «зла». Кто согласится с тем, что он принадлежит к реакционным силам? И кто захочет пойти на компромиссы и сотрудничество с силами, которые «все» считают реакционными? Широко употребляемые в последнее время в официальной лексике понятия «консервативные ценности», «традиционные ценности» или «эффективные традиции» (из Послания Президента РФ Федеральному собранию 2013 г.) тоже не многое проясняют. Что именно следует включать в эти «консервативные» и «традиционные» ценности, а что следует из них исключить? А что можно отнести «к эффективным традициям»? Например, «инновации» и «модернизация» — это ценности «традиционные» и «консервативные»? А может, это уже относится к «эффективным традициям»? Здравый смысл подсказывает, что если «инновации» с «модернизацией» стали уже традицией, то пока явно малоэффективной.

Политический и идеологический язык — знаковая система, которая прежде всего используется для пропаганды и политической коммуникации. Политический дискурс давно уже стал рабочим инструментом идеологов. В политической коммуникации через языковое поведение реализуются определенные идеологические установки и языковые деятельностные стратегии¹.

Стратегии в политическом дискурсе всегда будут определяться целями. Чего, как правило, желает политик? Во-первых, чтобы «правильно» проголосовали на выборах; во-вторых, завоевать авторитет или укрепить свой имидж, то есть «понравиться» народу; в-третьих, убедить адресата согласиться с его (политика) мнением и принять его точку зрения; в-четвертых, создать определенный эмоциональный настрой; и лишь в последнюю очередь — сообщить какие-то новые знания, дать новую информацию. В политическом дискурсе невозможно просто «информировать» о чем-либо. В любом сообщении скрыто или явно сквозит желание сформировать положительное или отрицательное отношение адресата к чему-либо. А это не что иное, как формирование и внедрение определенных идеологических установок. Читая или слушая политическую лексику, мы невольно оказываемся в идеологических сетях. Но какими идеями нас хотят «поработить»? Так ли это важно, если принять во внимание, что в современном хаотичном информационном пространстве невозможно вычленивать какие-либо глобальные идеологические стратегии. Мы все сегодня своеобразные «конструкторы» или со-конструкторы идеологического пространства, создаваемого через масс-медиа.

¹ Под языковой стратегией в политическом дискурсе понимается определенная направленность речевого поведения в определенной ситуации в интересах достижения цели политической коммуникации.

Политико-идеологический язык обладает определенным лексическим «кодом». Его выявление особенно важно, когда пропагандистский уклон скрыт, завуалирован. Такой особенностью обычно отличаются материалы журналов и газет. В публицистическом стиле часто используются выразительные элементы и терминология, в которые уже вложено «нужное» содержание, задан определенный вектор и стиль мышления. Характерно, что наиболее частотные слова и выражения одинаковы в речах как российских, так и американских политических деятелей. Например, *our rights, our liberties, justice, freedom, human rights, free, a free society, free men, peaceful, progress, republican government, sovereignty, brotherhood, free labor, well-being, peace and expression, peace on earth, democracy, free nations, agreement and so on*. Вся лексика фактически интернациональна. В докризисной лексике российских политиков чаще всего звучали такие понятия, как «финансовая стабилизация», «структурные изменения» (в законодательстве, правительстве и т. д.), «оппозиция», «нормативная база», «налоговая политика», «реорганизация банков», «вынужденные переселенцы» и другие.

Во время разразившегося кризиса стратегическое направление в обработке нашего сознания поддерживалось следующим обязательным лексическим набором: «антикризисная стратегия», «антикризисный механизм быстрого реагирования», «конкурентоспособная экономика», «реальный сектор экономики», «консолидированные усилия», «защита интересов производителей», «вложения в человеческий капитал» и т. д.

В посткризисный период наше сознание массированно обрабатывается такими понятиями: «социальное государство», «социально-ориентированный бизнес», «социальная ответственность бизнеса», «точки роста нашей экономики», «антикоррупционная кампания», «конструктивный диалог», «прагматический интерес», «политическая целесообразность» и т. д.

Даже самое поверхностное сравнение общеупотребительной официальной журнальной и газетной лексики показывает, что пропагандистский аппарат с советских времен не прекращал работу ни на один день и существенно не менял средств и способов воздействия на массовое сознание [3: с. 181–213].

Частотная лексика наших, и не только наших, политических деятелей, сейчас все более походит на профессиональный язык бухгалтеров. Мы не столько «граждане», «народ» или «электорат», сколько — «потребители услуг». Даже в системе образования наши дети не обучаются и получают знания, а «потребляют образовательные услуги». Наше время, как справедливо замечено Э. Канетти и С. Московичи, характеризуется тем, что «каждый должен рассматривать индивидов и вещи сквозь призму денег, под углом счета и точности. Все остальное не имеет значения, являясь лишь ошибками и блужданиями души... Каждый, кто умеет смотреть и видеть, знает, что в искусстве или технике, науке или общественной жизни все измеряется с этой точки зрения» [4: с. 117].

Аффективная и эмоциональная тональность почти исчезли из объяснения социальных процессов. Все, что происходит в сфере труда, науки, частной

и общественной жизни, измеряется в терминах операций, осуществляемых над деньгами. Индивид уже не имеет качественной ценности. Парадоксально, но сейчас, в «эпоху демократии», определение человека стало чисто количественным — «один человек — один голос». Г. Зиммель называет этот феномен «нумерологическим влечением к жизни», то есть пониманием мира как огромной математической задачи, пониманием событий и качественных отличий вещей как системы чисел. Г. Зиммель полагает, что это есть неизбежное следствие «монетарной экономики». На наш взгляд, это еще и важнейший показатель доминирования технократического сознания элиты, внедряющей в массовое сознание набор технократических идеологем. В.В. Зинченко отмечает: «Сам человек превратился в товар, и рассматривает свою жизнь как капитал, который необходимо выгодно вложить. Если он этого достиг, его жизнь имеет смысл, если же нет — он неудачник. Его ценность определяется спросом, а не человеческими качествами. Поэтому его социально-психологическая самооценка зависит от внешних факторов, обусловленных рыночной потребительской ориентацией общественного управления» [13].

Итак, господствующие технократические идеологемы навязывают нам принципы «потребительства» и всеобщей «производительности», они пропагандируются как самый приемлемый для человека «образ реальности», закладываются в фундамент социально-этических систем. «Следствием является потребление как идеал жизни. У человека нет потребности развивать свое уникальное “Я”, поскольку идеалом является личность как система удовлетворенных желаний, которые постоянно стимулируются и направляются экономико-политической и идеологической системами» [13]. Г. Шиллер, великий специалист по проблемам манипуляции и пропаганды, был, безусловно, прав, заметив, что именно господствующие интересы государственной экономики чаще всего определяют характер информационного потока и контроля над ним.

Разумеется, было бы наивным полагать, что успех манипулирования полностью зависит от процесса *понимания* людьми языка, на котором с ними говорят. Как-то один русский издатель обратился к К.П. Победоносцеву, российскому государственному деятелю, с просьбой о широком распространении книг среди народа. На что получил ответ: «Нам *именно понимания* и не нужно, нам нужен только благоговейный страх» [2: с. 399–417].

Американские психологи обнаружили, что у субъекта работают три типа последовательной реакции на любое воздействие-высказывание. Первое — слушатель понимает высказывание, то есть постигает его значение. Второе — слушатель оформляет отношение к притязанию (своего рода «насилию»), содержащемуся в языковом действии. Он принимает или отвергает его. Третье — как следствие достигнутого взаимопонимания — слушатель направляет свое действие согласно субъективному анализу ситуации, но в соответствии с «конвенционально установленными обстоятельствами» [10: с. 117]. Что такое конвенционально установленные обстоятельства? Например, принятие обществом тех или иных ценностей: свобода, справедливость, демократия, законность и так далее, но в одном

и том же значении для всех. А как этого добиться? Как можно заставить или убедить всех трактовать столь многозначные понятия в одинаковом для всех значении? Это уже профессиональная сфера деятельности идеологов и идеологии.

Философ и экономист Ф. Хайек считал, что политическая лексика играет огромную роль в идеологической «обработке» сознания. «Легче всего убедить людей в подлинности ценностей, которым их заставляют служить, если объяснить им, что это те же самые ценности, в которые они всегда верили: просто раньше эти ценности они понимали неправильно. Людей вынуждают низвергнуть старых богов и начать поклоняться новым под тем предлогом, что новые боги воплощают все, что люди и прежде смутно ощущали, во что всегда инстинктивно верили. Наиболее эффективный для этой цели прием — употребление прежних слов, но с измененным смыслом. Хуже всего, конечно, слову «свобода». Но то же самое происходит и со словами «справедливость», «законность», «право», «равенство». Этот список можно расширить за счет почти всей общеупотребительной морально-этической и политической терминологии» [6: с. 198].

Задача любого идеолога — превратить идейное течение в политическое движение. Для этого идеи должны получить признание вне круга профессионалов. Они должны превратиться в «форс-идеи»². В идеологии, в отличие от сферы науки, мощностъ выдвигаемых идей измеряется не ценностью истины или достоверности, а заключенной в них мобилизующей силой. Поэтому в идеологии нет иного основания компетентности, чем хорошо понятый и сформулированный интерес социальных групп. Плебисцитарность идей — ее важнейшее оружие. В идеологии и политике «делать» — это прежде всего «говорить». Здесь вполне уместно высказывание К. Маркса, что «язык есть действительное, практическое сознание» [5: с. 23].

Идеолог и политик должен убеждать, внушать, провозглашать лозунги. Политическое слово «ангажирует» своего автора, оно представляет собой обязательство, которое надо выполнять. Только при таких условиях слово эквивалентно действию. Но политические предложения, идеологические программы, обещания, предсказания и прогнозы не могут быть проверены в тот момент, когда они делаются. Их «эффективность» зависит от их долгосрочности. Мы можем сказать, достоверны они или нет, лишь тогда, когда они получили или не получили исторического подтверждения. Но к тому времени о них, как правило, забывают. К сожалению, как «у стоимости не написано на лбу, что она такое» (К. Маркс), так и у политика и идеолога. Профессиональные политики и идеологи оценивают шансы на успех не по реальности осуществления той или иной идеологической программы, а по силе манипулятивного воздействия на сознание субъектов и социальных групп.

² Форс-идея (*idée force*) — (идея — сила). Термин, используемый французским философом Альфредом Фуйе для обозначения психологических феноменов в их двойном аспекте: интеллектуальном и действенном. См.: Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 202.

Итак, подведем итоги. Во-первых, феномен масс-медиа порой толкуется так широко, что поглощает все коммуникационные процессы и сливается с понятием «электронные средства коммуникации» или даже «информационное общество». В упрощенном, технологическом понимании масс-медиа целиком отождествляются с «рациональностью господства», сливаясь с властью и идеологией. Исследования важнейшего феномена массового общества — средств массовой информации и коммуникации есть также проявление идеологической деятельности, идеологической позиции.

Во-вторых, изменения социальной жизни, связанные с развитием электронных средств информации и коммуникации, следует рассматривать как поле новых возможностей, прекрасных, но иногда и опасных. Но человечество само определяет свою судьбу, способствуя реализации одних возможностей и препятствуя осуществлению других. «Информационный человек» — это не обязательно «мифологизированный» человек, но это — человек, постоянно испытывающий на себе манипулятивное давление СМИ.

В-третьих, массовое и индивидуальное, нетеоретическое, обыденное сознание, несмотря на манипулятивное воздействие, вполне способно дифференцировать любые, в том числе и идеологические, доктрины. Не надо забывать, что общественное сознание всегда функционирует в социальной практике, которая все расставляет по своим местам, отделяя истину и достоверность от заблуждения, а заблуждение от лжи. Й. Шумпетер утверждал, что «со временем коллективное сознание людей вырабатывает мнения, которые весьма часто представляются разумными и проницательными» [7: с. 662]. Социальная практика подтверждает и слова Линкольна о том, что нельзя «дурачить всех и все время», и слова Джефферсона о том, что в конечном счете народ мудрее каждого отдельного индивида.

В-четвертых, от каких-либо манипуляций с 13-й статьей (п. 2) Конституции РФ суть проблемы не изменится. А сама проблема заключается в том, что прежние идеологии, идеологии XX века, базировавшиеся на какой-то одной смысловой доминанте, ушли в прошлое. Современное общество «потребляет» огромный объем информации, как правило, хаотичной, плохо структурированной, достоверность которой необходимо подвергать сомнению. Этот информационный поток влияет и «конструирует» наше сознание, внедряя в него идеологемы, о которых мы порой и не подозреваем. Этноцентризм, отчуждение, социальные фобии, поиски самоидентичности, социально-информационные «перформансы» (performance) и «экшены» (action), ежедневно навязываемые нам через масс-медиа и сопровождающие наше социальное поведение, оставляют ощущение тревоги, страха, неуверенности. Но это все не что иное, как новые современные идеологии. В обществе постмодерна они не имеют привычной для нас формы стройных теоретических доктрин. Современные идеологии, точнее, идеологические конструкты, больше не являются результатом деятельности только властных механизмов. Скорее они — результат психосемантической деятельности нашего сознания

и информационных технологий. Эти современные идеологии и их идеологи постоянно создают собственные сценарии социальных действий, или социальных диспозиций, собственные «перформансы», которые получают развитие в СМИ.

В-пятых, не стоит забывать, что для осуществления коммуникаций между властью и обществом всегда есть люди, профессиональной задачей которых является либо изменение, либо сохранение представлений других людей о власти и существующем режиме. Кроме того, специфика современных идеологий в том, что функции, которые раньше имманентно принадлежали одному человеку, теперь дифференцированы и расплывлены. Функции генерирования представлений людей, например, выполняют и ньюсмейкеры, и опинионмейкеры (opinion), де-сйженмейкеры (design), эксперты, журналисты, блоггеры и многие другие. Интересно, что, с одной стороны, происходит генерализация идеологических конструкций: в головах заказчиков всегда присутствует строгое понимание целей и задач того или иного информационного воздействия. С другой стороны, средства массовой информации и коммуникации настолько редуцируют, расплывают, растворяют эти цели, что даже опытные профессионалы порой затрудняются вычислить заказчика того или иного информационного сценария или события.

И последнее. Пора уже избавиться от страхов и опасений, что мы либо вновь окажемся под властью одной тоталитарной идеологии, либо вовсе «погибнем» без единой идеологии, и «спасти» нас смогут только изменения в Конституции РФ. Мы давно находимся в щупальцах «идеологической гидры» (Х. Арендт) нового образца. Через СМИ, социальные сети, рекламу ежедневно мы получаем такую «идеологическую инъекцию», о которой многие, конечно, подозревают, но вряд ли знают степень глубины проникновения в наше индивидуальное и коллективное сознание этих неструктурированных и неоформленных идей. Так что наша «идеологическая свобода» — величина, обратно пропорциональная развитию информационных технологий.

Современные идеологии, конечно, сильно отличаются от идеологических доктрин прошлых веков. Они насыщены рационально и эмоционально, могут сочетать несовместимые идеи, носить эклектичный характер, легко интерпретируются, мимикрируют под любые формы духовной жизни общества, интерактивны и технологичны. Но по сути своей они все равно остаются идеологиями. В этом нет ничего катастрофического, если мы способны реалистично и критически оценивать ситуацию и наш интеллектуальный и эмоциональный потенциал располагает защитным механизмом, позволяющим сводить манипулятивное воздействие масс-медиа к минимуму. В любом случае идеологии бояться не стоит. Потребность общества в идеологии — объективная потребность. Идеологическое воспроизводство в обществе осуществляется непрерывно. По мере развития общественных связей и социальных структур все формы духовной жизни общества так или иначе, но идеологизируются. Поэтому как бы ни трансформировалось общество, сила идей всегда остается неизменной. Меняются лишь инструментальные формы, которые обеспечивают идеологии практический выход, и именно они представляют сейчас особый интерес.

Литература

1. *Бурдые П.* Социология политики / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. *Григорьян Н.* Противостояние системе. К оценке социально-политической позиции И. Павлова // *Философские исследования.* 1993. № 4. С. 399–417.
3. *Жукоцкая А.В.* Феномен идеологии. Самара: Изд-во МГПУ (Самарский филиал), 2009. 272 с.
4. *Канетти Э., Московичи С.* Монстр Власти / Перевод Р. Каралашвили, Т. Емельянова, Г. Дилигенский. М.: Алгоритм, 2004. 240 с.
5. *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения:* в 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1985. 639 с. С. 23.
6. *Хайек Ф.* 2005. Дорога к рабству: пер. с англ. М.: Новое изд-во., 2005. 264 с.
7. *Шумпетер Й.* Теории экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер; [предисл. В.А. Автономова; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семенко, Э.Г. Соловьёва]. М.: Эксмо, 2007. 846 с. (Антология экономической мысли.)
8. *Bell D.* Afterword, 1988: The end of ideology revisited // *The end of Ideology / Ed. D. Bell. (Revised edition, p. 447). Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 540.*
9. *Boudon R.* The Analysis of Ideology / Translated by M. Slater // *Polity Press Cambridge, 1989. 241 p.*
10. *Klapper J.* The social effects of mass communication // *The science of human communication. N.Y. Free Press, 1973. 247 p.*
11. *Novak M.* The American Vision: An essay on the future of democratic capitalism. Washington: DC American Enterprise Institute, 1979. 312 p.
12. *Shiller H.* The Mind Managers. Boston, MA: Beacon, 1973. 304 p.

Интернет-ресурсы

13. *Зинченко В.В.* Идеологемы бессознательного. Социально-психологическое измерение индивидуальных, политических и экономических девиаций общественного развития // *Журнал «Alma mater» (Вестник высшей школы. Специальный выпуск «Премия Менегетти-2012»).* URL: http://onto.ru/public/publications/meneghetti_2012/zinchenko (дата обращения: 12.12.2013).
14. Служба новостей «URA.Ru». URL: <http://www.ura.ru/content/svrd/29-11-2013/news/1052169958.html> (дата обращения: 10.12.2013).
15. URL: <http://www.newsru.com/russia/29nov2013/fedorov.html> (дата обращения: 10.12.2013).

Literatura

1. *Burd'e P.* Sociologiya politiki / Per. s fr.; sost., obshh. red. i predisl. N.A. Shmatko. M.: Socio-Logos, 1993. 336 s.
2. *Grigor'yan N.* Protivostoyanie sisteme. K ocenke social'no-politicheskoy pozicii I. Pavlova // *Filosofskie issledovaniya.* 1993. № 4. S. 399–417.
3. *Zhukoczkaya A.V.* Fenomen ideologii. Samara: Izd-vo MGPU (Samarskij filial), 2009. 272 s.

4. *Kanetti E', Moskovichi S.* Monstr Vlasti / Perevod R. Karalashvili, T. Emel'yanova, G. Diligenskij. M.: Algoritm, 2004. 240 s.
5. *Marks K.* Kritika Gotskoj programmy' // Marks K., E'ngel's F. Izbranny'e proizvedeniya: v 3 t. T. 3. M.: Politizdat, 1985. 639 s. S. 23.
6. *Xajek F.* 2005. Doroga k rabstvu: per. s angl. M.: Novoe izd-vo., 2005. 264 s.
7. *Shumpeter J.* Teorii e'konomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya / J.A. Shumpeter; [predisl. V.A. Avtonomova; per. s nem. V.S. Avtonomova, M.S. Lyubskogo, A.Yu. Chepurenko; per. s angl. V.S. Avtonomova, Yu.V. Avtonomova, L.A. Gromovoj, K.B. Kozlovoj, E.I. Nikolaenko, I.M. Osadchej, I.S. Semenko, E'.G. Solov'yova]. M.: E'ksmo, 2007. 846 s. (Antologiya e'konomicheskoy my'sli.)
8. *Bell D.* Afterword, 1988: The end of ideology revisited // The end of Ideology / Ed. D. Bell. (Revised edition, p. 447). Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 540.
9. *Boudon R.* The Analysis of Ideology / Translated by M. Slater // Polity Press Cambridge, 1989. 241 p.
10. *Klapper J.* The social effects of mass communication // The science of human communication. N.Y. Free Press, 1973. 247 p.
11. *Novak M.* The American Vision: An essay on the future of democratic capitalism. Washington: DC American Enterprise Institute, 1979. 312 p.
12. *Shiller H.* The Mind Managers. Boston, MA: Beacon, 1973. 304 p.

Internet-resursy'

13. *Zinchenko V.V.* Ideologemy' bessoznatel'nogo. Social'no-psixologicheskoe izmerenie individual'ny'x, politicheskix i e'konomicheskix deviacij obshhestvennogo razvitiya // Zhurnal «Alma mater» (Vestnik vy'sshej shkoly'. Special'ny'j vy'pusk «Premiya Menegetti-2012»). URL: http://onto.ru/public/publications/meneghetti_2012/zinchenko (data obrashheniya: 12.12.2013).
14. Sluzhba novostej «URA.Ru». URL: <http://www.ura.ru/content/svrd/29-11-2013/news/1052169958.html> (data obrashheniya: 10.12.2013).
15. URL: <http://www.newsru.com/russia/29nov2013/fedorov.html> (data obrashheniya: 10.12.2013).

A.V. Zhukotskaya

The Old Fears and New Ideologies

The article is devoted to the research of the phenomenon of new modern ideologies and ideological constructs that are no longer the result of the activity of only power mechanisms. The author considers them as the result of a complex interaction of media and communication, psychosemantic activity of our consciousness and IT technologies. Political discourse is seen as a manipulative tool and instrumental form of manifestation of contemporary ideological constructs.

Keywords: mass media; “production” of ideas; political and ideological discourse; linguistic behaviour; ideological guidelines.

Н.Г. Глазунов

Ментальные предпосылки становления обществ современного типа

В статье анализируются ментальные предпосылки возникновения в Западной Европе обществ современного типа. Истоки формирования обществ подобного типа восходят к эпохе Реформации. Кризис традиционных обществ сопровождался процессом индивидуализации, который позволил личности выделиться из коллектива, а также рационализацией социально-политического и экономического поведения субъекта. Данные процессы сопровождалась секуляризацией и плюрализацией мышления, что способствовало формированию светской модели мировосприятия.

Ключевые слова: Реформация; секуляризация; рационализация; индивидуализация; плюрализм.

Общества, которые испытывают потребность в идейном и структурном обновлении, как правило, вступают в период социально-политических и экономических преобразований, являясь обществами стабильными, более того, стабильность возведена едва ли не в абсолют. Ориентация на стабильность как на самоценность в конечном итоге предопределяет переход общества в стадию стагнации и сопровождается снижением эффективности функционирования общественных структур и институтов. Гипертрофированная стабильность сама провоцирует потребность в изменениях, ибо в противном случае социальная система сталкивается с угрозой своему дальнейшему существованию. Таким образом, первейшая задача общества, нуждающегося в социально-экономических и политических преобразованиях, — это задача выйти из наличного состояния равновесия. Утрачивая стабильность, а без этого процесс социальных преобразований не сможет начаться, общество приобретает характерные черты общества переходного типа, когда имеющиеся социальные структуры и институты уже не обеспечивают его функционирования на необходимом для существования и воспроизводства уровне, а новые структуры и институты еще не могут принять на себя подобные функции в силу своей неукорененности в социальной системе, отсутствия устойчивой практики взаимодействия между элементами системы и т. п.

За процессами социальных преобразований, как правило, стоят наиболее социально активные силы, которые связывают с происходящими изменениями свое будущее и будущее общества в целом. «Именно реформируемые, переходные общества как нестабильные, развивающиеся системы демонстрируют свою потенциальность, т. е. способность непрерывно генерировать новые идеи, новые

структуры, новые движения, т.е. варианты, альтернативы развития системы», — отмечает отечественный исследователь Н.Ф. Наумова [6: с. 8].

Пожалуй, первый образец практического воплощения «альтернативы развития системы» — это европейская Реформация, которая явилась грандиозным по масштабам, социально-экономическим, политическим, духовным опытом, ставшим своеобразным прологом эпохи Нового времени. Говоря о становлении обществ новоевропейского типа, необходимо остановиться на феномене традиционного общества, ибо возникновение западноевропейских обществ Нового времени есть процесс преодоления наследия Средневековья и — шире — наследия традиционного общества вообще.

Социальные институты, имея четкую структуру, характеризуются значительной устойчивостью, поэтому процесс социальных преобразований начинается со сферы массового сознания как более подвижной и менее устойчивой к внешним влияниям. «Традиционное общество... выступает как единое целое, содержит некие культурные алгоритмы, унифицированные формы сознания, фиксированные и отчужденные от индивидуального сознания и индивидуальных действий», — отмечают отечественные специалисты [3: с. 18]. Данная характеристика достаточно четко указывает на «несущие опоры» традиционного общества.

Именно «унифицированные формы сознания» обеспечивают устойчивость традиционных обществ. Отчужденность подобных «форм» от индивида, его сознания и деятельности задают некий шаблон, действуя по которому субъект демонстрирует не только социально одобряемую модель поведения, но и, что на наш взгляд значительно важнее, обеспечивает воспроизводство норм, целей и ценностей общества. Данные факторы, стабилизируя общество в силу повторяемости социальных действий, существенно затрудняют реализацию инноваций, обеспечивающих динамику развития общества. Субъектом инноваций является личность, следовательно, чтобы она могла проявить свой инновационный потенциал, над ее сознанием должны утратить власть «алгоритмы», задающие его действия и устранившие его как самостоятельную действующую единицу социальных отношений.

Именно во взаимоотношениях с окружающим миром, в понимании субъектом своего места в этом мире кроется ключ к личности либо традиционной, которая доминировала в истории человечества до эпохи Нового времени, либо инновационной, которая создала качественно иное общество, отсчет которого идет с Нового времени. «Пока человек был неотделимой частью мира, пока не осознавал ни возможностей, ни последствий индивидуальных действий, ему не приходилось и бояться его. Но, превратившись в индивида, он остается один на один с этим миром, ошеломляющим и грозным», — отмечал Э. Фромм [9: с. 203]. Таким образом, мы можем с полным основанием утверждать, что у истоков западноевропейских обществ Нового времени, у истоков общества Модернити, стояла личность, выделившаяся из природного и социального «целого».

Становление обществ новоевропейского типа напрямую связано с процессом индивидуализации, и чем глубже социальные слои затрагивались данным процессом, тем все более атомарным по своему характеру становилось общество и тем более значимым становился параметр личной ответственности как за свою жизнь, так и за существование общества в целом. З. Бауман в этой связи отмечал: «Быть личностью *de jure* означает, что невозможно винить за собственную жалкую участь никого, кроме самого себя, что причины своих поражений следует искать лишь в собственных праздности и лени, что избавление от проблем требует все более серьезных (собственных) усилий» [1: с. 133–134].

Итак, одним из магистральных направлений модернизации массового сознания в эпоху Нового времени была его индивидуализация. Выделение индивидуальных интересов, целей, решений в сферу личной ответственности субъекта со временем превратилось в важнейший вектор развития западноевропейского общества вообще. Позднее данное понимание проблемы приобрело фактически всеобщее признание, что позволило французскому исследователю А. Рено констатировать: «...индивидуализм составляет “кардинальную ценность современных обществ”, в частности в экономико-политическом плане...» [8: с. 92].

У истоков процесса индивидуализации мы находим события эпохи Реформации. Именно она знаменовала собою радикальный слом средневекового менталитета, основанного на идеях христианского холизма. Как известно, Реформация сопровождалась подлинным «взрывом» религиозных чувств, религиозной экзальтацией, которые сопровождали появление многочисленных протестантских течений. Протестантизм уже в себе самом, в своих базовых теологических установках нес мощный заряд индивидуализации. Ведь важнейшая для христианина задача — спасение души — мыслилась теперь в отрыве от церкви и становилась индивидуальной заботой каждого субъекта. А если этот вопрос (бесспорно, главный для верующего человека) становился его личной заботой, то вполне естественно, что все остальные личные и общественные вопросы, не сопоставимые с этой грандиозной задачей, тем более становились сферой ответственности субъекта. Таким образом, весь мир постепенно становился сферой деятельности и сферой ответственности индивида, втягивался в его преобразующую деятельность.

Идея самодостаточности индивида достигает, пожалуй, своей высшей точки в философии К. Маркса. Как известно, в своих знаменитых «Тезисах о Фейербахе» Маркс писал: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить его*» (выделено Марксом. — *Н.Г.*) [4: с. 4]. В данном тезисе Маркса, на наш взгляд, в концентрированной форме содержится вся будущая доктрина марксизма. Нацеленность на изменение мира указывает на то, что субъект больше не воспринимает себя как часть этого мира; мир понимается как подлежащий преобразованию объект, что предполагает знание его устройства, механизмов и движущих сил развития, а также конечных целей существования общества. Новоевропейская философия — от Ф. Бэкона

до К. Маркса — свидетельствует о том, какие радикальные изменения произошли в сознании европейцев, если они приняли на себя те функции, которые ранее мыслились божественными, — определять цели развития общества, направлять людей на их достижение, определять конечные смыслы развития социума.

Итак, первым этапом в становлении теории и практики новоевропейских обществ стало выделение индивида как самостоятельно и ответственно мыслящей и действующей единицы, которая связывает направление и динамику развития общества исключительно со своей деятельностью и деятельностью других индивидов, разделяющих общие цели, ценности и имеющих схожие мотивы деятельности.

Определив индивидуализацию как основной вектор становления в Европе обществ нового типа, мы должны остановиться на механизме, который сделал возможным выделение индивидуальности из тотальной всеобщности средневекового менталитета. Этим механизмом была секуляризация. И здесь мы вновь должны обратиться к опыту Реформации.

Изначально стремление протестантов создать Царство Божие на земле имело отчетливо разрушительный характер. Подлежащей разрушению, в первую очередь, мыслилась католическая церковь, а также все социально-политические институты, с нею связанные и ею благословленные. Католицизм воспринимался протестантами как теологическая доктрина и социально-политическая практика, поправшая заветы Христа. Создание нового общества мыслилось при условии последовательного уничтожения унаследованного церковного и светского порядков. Подобные идейные установки в конечном итоге привели к политическим переворотам. Так, анализируя роль идеологии Реформации в английской истории, отечественный исследователь Н.В. Ревуненкова констатирует: «Экзальтированная пророческая вера низов в социальный переворот и построение на земле “царства святых” сыграла мобилизующую роль в ходе Английской буржуазной революции» [7: с. 107]. Таким образом, Реформация, знаменовав собою разрыв с социально-политическими традициями Средневековья, радикально изменила идейно-ценностные установки массового сознания, что позволило спустя некоторое время не просто влиять на социально-политические процессы, но и произвести столь масштабный переворот, как Английская революция.

Секуляризация явилась следствием кризиса традиций христианской религиозности. Это отчетливо проявилось в эпоху Реформации. Противоборство религиозных и секулярных компонентов массового сознания достаточно продолжительное время являлось существенным фактором не только интеллектуальной истории, но и реальной социально-политической борьбы, пока секулярная тенденция в Европе окончательно не возобладавала.

В узком смысле секуляризация — это процесс эмансипации, «высвобождения государственно-политической и культурной системы из зависимости от религиозно-теологических определений» [5: с. 135]. Если секуляризацию

рассматривать шире, то она была выходом европейского общества на новый путь развития, принципиально отличный от средневековой традиции. Чтобы создавать новые социальные структуры и налаживать новые функциональные связи, существовавшие структуры и отношения должны были подвергнуться критическому анализу на предмет их нужности обществу в новых условиях. А для этого их нужно было предварительно лишить ореола святости и неприкосновенности.

Новый тип европейской культуры — светский — стал закономерным следствием Реформации. Этот был переворот, «разрушивший духовную диктатуру католической церкви и положивший начало развитию светской культуры и буржуазного светского мировоззрения» [7: с. 3]. Подобный идейный переворот способствовал развитию такого аспекта новоевропейской психологии и идеологии, как самостоятельность мышления и неприятие «общеизвестных» авторитетов.

Секуляризация, которую несла с собою Реформация, не была частным явлением, спровоцированным выступлением М. Лютера и имевшим четкую локализацию — Германию. Это было явление общеевропейского масштаба. Ф. Энгельс, анализируя феномен Реформации и вызванные ею последствия, писал об этой европейской «революции № 1», что она «была более европейской, чем английская, и стала европейской гораздо быстрее, чем французская, — победила в Швейцарии, Голландии, Шотландии, Англии, а также в известной мере в Швеции... и в Дании...» [10: с. 417].

В Западной Европе, имевшей опыт Реформации, несмотря на первоначальный всплеск религиозных чувств и обоснование нового мировоззрения посредством религиозных же идей, с течением времени секулярная тенденция, заложенная в идеологии Реформации, возобладала, что неуклонно сужало возможности религиозного миропонимания.

Итак, важнейшим культурным фактором, позволившим индивидуализации стать социально значимым феноменом, явилась секуляризация. Она избавила не только индивида и общество от влияния «теологических определений», как это характеризовал У. Матц, но и позволила индивиду в процессе деятельности ориентироваться на собственное видение целей и смыслов общественного развития. Секуляризация освободила индивида от влияния традиций и способствовала формированию еще одного важнейшего критерия современных обществ — рационализма.

Рационализм — явление, имманентно присущее европейской культуре. Несмотря на специфику средневековой культуры, наследие античности в европейской интеллектуальной жизни всегда присутствовало. Повышенный интерес к античной культуре, в первую очередь к рационалистической философии, еще более обострился в эпоху Возрождения. Это способствовало росту интереса к рациональности как фундаментальному принципу мышления. С XVII века именно рационалистическая философия занимает доминирующее

положение в интеллектуальной жизни Европы. Фактически рационализм становится основным квалификационным признаком европейской научной мысли вообще.

Вследствие кризиса традиционной религиозности и разворачивающегося процесса секуляризации рациональный стиль мышления стал доминирующей интеллектуальной парадигмой, выделившись из системы религиозного универсализма. Таким образом, Реформация определила секуляризацию и рационализацию мышления как важнейшие характеристики духовной культуры Европы, а рационализацию социального действия М. Вебер считал основной тенденцией самого исторического процесса, судьбой западной цивилизации [2: с. 109].

Как мы уже отмечали, результатом Реформации явился кризис традиционного миропонимания, который затронул основополагающие принципы социально-политического устройства общества. Процесс секуляризации неуклонно сужал возможность религиозной легитимации социальной и политической сфер общества. Субъект в силу процесса индивидуализации становился самодостаточной единицей социального процесса, рационально обосновывая для себя и общества цели и ценности общественной жизни, а также мотивы деятельности. Во что при подобных условиях могла трансформироваться некогда монистичная социально-политическая жизнь общества? Наиболее вероятный ответ, подтвержденный историей Западной Европы с начала Нового времени, — в плюрализм. В данном случае мы говорим не о том, по каким сценариям протекало социально-политическое развитие того или иного общества. Конкретно-исторические отличия здесь непринципиальны. Речь идет о плюралистичности как методологической установке, посредством которой общества Модернити сохраняли и сохраняют себя на уровне постоянно изменяющихся требований современности. Секуляризация политики и принятие плюрализма как важнейшего принципа существования и развития социально-политической и духовной сфер общества явились выходом из той кризисной ситуации, в которой Западная Европа оказалась на закате Средневековья. Христианская религия, многие века выполнявшая функции легитимации существующего порядка вещей, «в силу ее плюрализации и терпимости уже вытеснена со своей позиции фундамента сообщества, а в силу ее политической функционализации она... обмирщена», — отмечал У. Матц [5: с. 136].

Учитывая вышесказанное, становится понятным, почему европейская мысль Средневековья, изначально представляющаяся неким идейным монолитом, в эпоху Реформации, несмотря на, казалось бы, абсолютно религиозный характер, способствовала зарождению светского стиля мышления. «Борясь за “истинную веру”, каждый из них (реформаторов. — Н.Г.) способствовал возникновению новых направлений *светского* (выделено нами. — Н.Г.) мышления», — отмечает исследователь идеологии Реформации Н.В. Ревуненкова [7: с. 14].

Таким образом, говоря о ментальных предпосылках становления обществ современного типа, мы можем указать на Реформацию как на исток подобных обществ, спровоцировавшую секуляризацию и, как следствие, рационализацию

мышления, что позволило личности выделиться из универсума традиционного общества и стать центральной фигурой обществ Модернити.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. Под. ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб.: Ольга, 1996. 286 с.
3. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.: ИФ РАН, 1994. 245 с.
4. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 1–4.
5. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху Модерна // Политические исследования. 1992. №1–2. С. 130–142.
6. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Под ред. В.Н. Садовского, В.А. Ядова. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 176 с.
7. Ревуненкова Н.В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М.: Мысль, 1988. 205 с.
8. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности / Пер. с фр. С.Б. Рындина. Под ред. Е.А. Самарской. СПб.: Владимир Даль, 2002. 472 с.
9. Фромм Э. Бегство от свободы // Догмат о Христе. М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998. С. 176–414.
10. Энгельс Ф. К «Крестьянской войне» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 417–418.

Literatura

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo / Per. s angl., pod. red. V.L. Inozemceva. M.: Logos, 2002. 390 s.
2. Gromov I.A., Maczkevich A.Yu., Semenov V.A. Zapadnaya teoreticheskaya sociologiya. SPb.: Ol'ga, 1996. 286 s.
3. Krizisny'j socium. Nashe obshhestvo v trex izmereniyax. M.: IF RAN, 1994. 245 s.
4. Marks K. Tezisy' o Fejerbaxe // Marks K., E'ngel's F. Sochineniya: v 50 t. T. 3. M.: Politizdat, 1955. S. 1–4.
5. Matcz U. Ideologii kak determinanta politiki v e'poxu Moderna // Politicheskie issledovaniya. 1992. №1-2. S. 130–142.
6. Naumova N.F. Recidiviruyushhaya modernizaciya v Rossii: beda, vina ili resurs chelovechestva? / Pod red. V.N. Sadovskogo, V.A. Yadova. M.: E'ditorial URSS, 1999. 176 s.
7. Revunenkov N.V. Renessansnoe svobodomy'slie i ideologiya Reformatsii. M.: My'sl', 1988. 205 s.
8. Reno A. E'ra individa. K istorii sub''ektivnosti / Per. s fr. S.B. Ry'ndina; pod red. E.A. Samarskoj. SPb.: Vladimir Dal', 2002. 472 s.
9. Fromm E'. Begstvo ot svobody' // Dogmat o Xriste. M.: Olimp, AST-LTD, 1998. S. 176–414.
10. E'ngel's F. K «Krest'yanskoj vojne» // Marks K., E'ngel's F. Sochineniya: v 50 t. T. 21. M.: Politizdat, 1961. S. 417–418.

N.G. Glazunov

Mental Prerequisites of the Formation of the Societies of Modern Type

The article analyses mental prerequisites for the appearance of the societies of modern types in Western Europe. The sources of the formation of societies of such type date back to the Reformation epoch. The crisis of the traditional societies was accompanied by the process of individualization, which allowed a person to step out of the collective, as well as by the rationalization of subject's social, political and economical behaviour. These processes were accompanied by the secularization and pluralization of thinking, which contributed to the formation of the secular model of worldview.

Keywords: Reformation; secularization; rationalization; individualization; pluralism.

В.Г. Ковалев

Типы социального взаимодействия и социальное творчество

В статье раскрывается взаимосвязь социального творчества и социального взаимодействия. Показывается, как в зависимости от того или иного типа социального взаимодействия меняется характер и содержание социального творчества. Обосновывается вывод о двустороннем характере социального творчества, включающего как формирование индивида, так и развитие общества одновременно в их взаимосвязи.

Ключевые слова: индивид; социум; социальное взаимодействие; социальное творчество.

Социальное творчество свойственно социальному взаимодействию на определенных этапах его развития и в зависимости от того или иного его этапа меняется в своем содержании. Поэтому важно определить соотношение социального взаимодействия и социального творчества и показать характер этой взаимосвязи.

В различных определениях социального творчества фиксируются две основные стороны — личность, или группы людей, с одной стороны, и социальная среда, с другой [6–8]. Личность и социальная среда в процессе социального творчества входят в ситуацию социального взаимодействия. Социальная среда в ситуации социального взаимодействия персонифицируется в других (другом) субъектах (субъекте). В процессе социального взаимодействия индивиды оказывают влияние на поступки, образ мыслей, моральные ценности и нормы, стереотипы поведения и в целом — на формирование всех сторон личности друг друга и изменяют те или иные социальные отношения, структуры, процессы, институты общества. Поэтому социальное взаимодействие одновременно есть и процесс социализации, с одной стороны, и изменений в социальной среде, с другой, шире — в обществе в целом. Обе стороны — как изменения личности в ходе социализации, так и изменения социума в процессе социоморфогенеза — составляют социальное творчество.

Мы исходим из синтетического представления, принимающего обе стороны в качестве равноправных участников меняющейся реальности и разрешающего это противоречие в утверждении единства личности и общества, субъекта и социальной среды. Субъект детерминирован внешней средой, и одновременно детерминирует среду — он активно соединяет в себе обе стороны и активно преобразовывает действительность. Это происходит во взаимодополнительном и одновременно противоположно направленном процессе «овнешвления» субъекта, его опредмечивания, превращения форм субъектности в объективно

данные формы внешней реальности (экстериоризации), с одной стороны, и с другой — субъективизации внешнепредметной реальности, превращении ее в формы субъектности (интериоризации).

Субъект в этом двустороннем процессе активно преобразовывает внешнюю действительность и опосредованно детерминирует себя, создавая новые социальные нормы. Решающую роль в таком подходе приобретает творчество как источник, порождающий эту самодетерминацию. Творчество здесь понимается как процесс производства сознания, т. е. образов окружающей реальности и образов самого себя, регулирующих жизнедеятельность личности и общества в социальной и природной среде и, следовательно, при реализации образов сознания — как процесс порождения новой социально-природной реальности.

Рассмотрение социального творчества необходимо на всех ступенях развития социального взаимодействия и во всех его возможных разновидностях. Это требование предполагает выстраивание логической классификации форм социального взаимодействия, в рамках которых и будет возможен анализ социального взаимодействия, а в его контексте — и социального творчества как разновидности последнего. Построение классификации форм социального взаимодействия для определения места социального творчества в континууме значений социального взаимодействия составляет таким образом необходимое методологическое требование. Для начального анализа выстроим простейшую логическую классификацию форм социального взаимодействия, в основу критерия которой положим количество прямых и обратных связей между двумя его взаимодействующими сторонами по степени их возрастания или по возрастанию степени глубины и сложности взаимодействия (см. рис. 1).

В рамках этой классификации проследим, какое место занимает в каждой из форм (на каждом уровне) социального взаимодействия социально-творческий компонент. Дадим краткую характеристику личностного содержания и социальной среды, связанных друг с другом в процессе социального взаимодействия, и определим характер этого взаимодействия. Обозначим место социального творчества как типа социального взаимодействия на определенном уровне его развития.

I уровень

Полное отсутствие взаимосвязей между социумом и индивидом, при котором они не воздействуют друг на друга в буквальном смысле понятия «воздействие» как такого действия на своего партнера, которое вызывает в нем какие-либо изменения. В этом состоянии ни одно из изменений в поведении партнера не вызывает в другом никаких видимых или внутренних изменений. Это состояние замкнутых друг в друге, самодостаточных и полностью независимых в своем существовании «вещей в себе». На схеме это иллюстрируется разделяющей индивида и социум линией. В жизни состояние I уровня в чистом виде не встречается, оно существует только как скрытая тенденция в разной степени выраженности, как идеальная модель. Например, она была отчасти выражена в состоянии

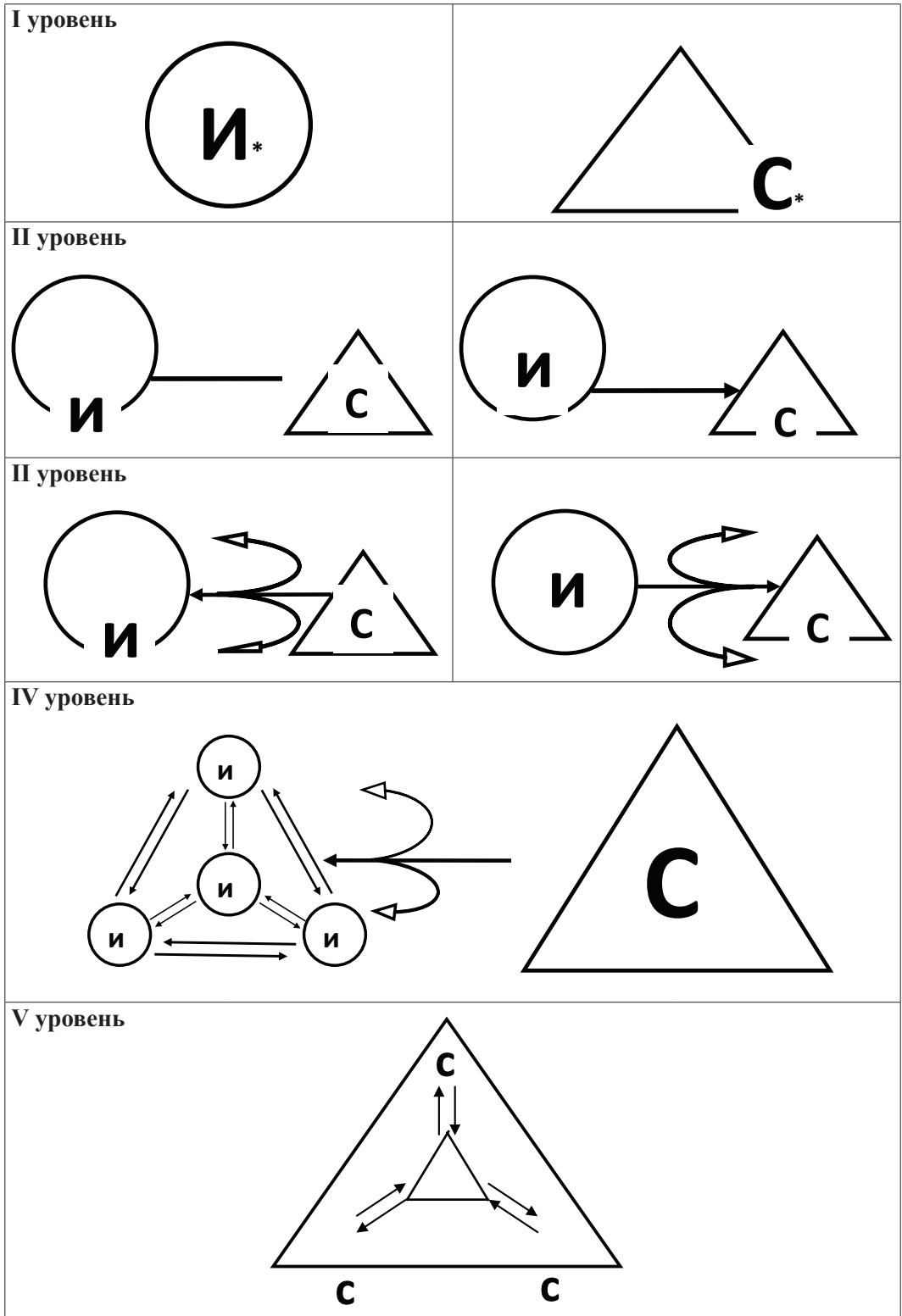

Рис. 1. Под символами «И» и «С» подразумеваются индивид и социум

советского общества 1937 года, когда атомизация его рядовых членов, взаимная отчужденность одного индивида от другого, взаимное недоверие и страх достигли значительной степени. Более адекватной иллюстрацией этого состояния является пример из онтогенетического развития личности, который характеризуется как «социальное сиротство», когда социум не включает в себя индивида, а индивид не входит в социум. В таком состоянии социум и индивид сосуществуют в отделенном друг от друга виде как две независимые друг от друга сущности. В педагогике это называется состоянием педагогической запущенности и характеризует личность как одну из сторон социального взаимодействия в ее крайне неразвитом состоянии, когда она не обладает сформированными навыками и способами контактировать с окружающим социальным окружением и является, по существу, изолированной от общества.

II уровень

Следующий — по степени нарастания связей в процессе социального взаимодействия от индивида к социуму или наоборот — уровень социального взаимодействия характеризуется наличием однонаправленного воздействия социума на индивида или наоборот — индивида на социум, которое (воздействие) вызывает в последнем изменения в его поведении, но не вызывает ответной реакции, рассчитанной на изменения в инициаторе воздействия. Это изменение в поведении только исполнительского характера, как реализация инициаторного воздействия. Как можно видеть на схеме, направленное действие может быть как от социума в сторону индивида, так и от индивида в сторону социума. Учитывая, что социум, принуждающий индивида, всегда персонифицирован в другом индивиде или группе людей, представляющих собой управляющий аппарат общества, эти два вида воздействия — от индивида к обществу и от общества к индивиду — можно рассматривать как проявления одного типа воздействия с двух разных сторон. Со стороны принуждаемой — это принуждение социумом индивида, а со стороны принуждающей — это принуждение индивидом социума. Этот тип социального взаимодействия наиболее ярко представлен в тоталитарных диктаторских режимах, а также (в несколько смягченной форме) в недавнем прошлом нашего общества во времена расцвета административно-командной системы. Это приказно-исполнительские отношения: приказные — для социума, исполнительские — для индивида.

Кратко отметим основные отличительные особенности общества этого типа социального взаимодействия.

Для этого общества характерно расслоение на общность, занятую в сфере управления, и его часть, занятую исполнительскими функциями в той или иной сфере деятельности. Это расслоение в крайних формах доходит до кастового государства, в смягченном виде представлено сословным государством. В недавнем прошлом расслоение проявлялось в закреплении привилегий за номенклатурным слоем партийных бонз, а в наше время оно выражается концентрацией

собственности в руках олигархии и вытекающем отсюда неравноправии и пресловутой «вертикали» власти, законодательно оформляющей это неравноправие.

В такой системе отношений активным субъектом, служащим инициатором всей ее жизнедеятельности, является управляющее звено (государство, властные структуры), а объектом управления являются исполнители (различные в разные эпохи — рабы, пленные, крестьяне, вассалы, рабочие, крестьяне, наемные работники и т. д.), средства производства, сырьевые ресурсы и все, что входит в сферу общественной деятельности. Если брать масштаб более мелкий, то это администрация государственного учреждения, с одной стороны в роли активного субъекта, и рядовые его работники, с другой стороны, как пассивные исполнители. Исполнительское звено является пластической массой, которую формирует по своему усмотрению управляющий центр. Управление всей общественной жизнью осуществляется из центра через постепенно опускающиеся уровни государственно-бюрократического аппарата так, что вся структура общественной организации имеет вид иерархии, вершиной которой являются в разное время вождь, фараон, император, царь, диктатор, а основанием — масса рабов, рабочих, крестьян, интеллигенции, граждан.

Субъектом социального творчества при этом типе социального взаимодействия является все общество. Социальное творчество тотально, но не индивидуально, т. е. охватывает все общество. Оно осуществляется с разделением функций: высшие творческие функции исполняют руководящие управленческие звенья этого общества, а функции исполнительские несут основные массы населения. Содержание целей социального творчества, которые ставит перед собой такое общество, обуславливается угрозами существованию этого общества как со стороны внешнего агрессивного окружения — угрозами порабощения со стороны империалистических держав, как это было в Первую и Вторую мировые войны для России, так и угрозами изнутри — голода, невежества и сопротивлением советской власти со стороны ее противников в первые ее годы и т. д. Любые цели социального творчества формулируются в терминах войны, всеобщей мобилизации, героизма — «трудовой подвиг», «трудовые победы», «завоевание космоса», «покорение целины», «борьба с невежеством» (пьянством, прогулами и т. д.) и т. п.

Развитие такой социальной организации может осуществляться в силу присущих ей особенностей только через слом всей системы и первоначальную ее отстройку от самых нижних этажей вплоть до верхних в соответствии с новыми целями и задачами, формулируемыми ею перед самой собой. В этот первоначальный момент построения всей системы ее сознание адекватно фиксирует все особенности объекта своего воздействия и свои наличные способности и адекватно строит свою тактику и стратегию поведения по отношению к этому объекту для достижения сформулированных целей. Самое создание государства вдохновляемо новыми целями: «Государство, прежде всего, это план работ и программа сотрудничества. Оно собирает людей для совместного

дела. Государство — не общность языка или крови, территории или уклада жизни. В нем нет ничего материального, инертного, предварительного и предельного. Это чистый динамизм — воля к совместному делу — и потому у государственной идеи нет никаких природных ограничений» [6: с. 146]. В период становления этого типа социального взаимодействия все инициативы власти находят горячую поддержку со стороны народа. Развитие такой системы осуществляется путем полной «перезагрузки», и к ней в полной мере относится лозунг: «Мы старый мир разрушим до основания, а затем — мы свой, мы новый мир построим; кто был никем, тот станет всем!» Эта система не способна, постепенно или скачками эволюционизируя, совершенствоваться в достижении своих целей и ставить новые цели: она погибает вся, целиком, и, отпочковывая внутри себя свою копию, нацеленную на создание новой матрицы поведения с новым составом, она вновь воспроизводит в своей новой репликации старый тип приказно-исполнительских отношений, который рано или поздно неизбежно вновь приведет ее к гибели из-за накапливающихся со временем отклонений в своем поведении от особенностей объекта. Поэтому в первоначальный период своего становления система демонстрирует свою чрезвычайную эффективность и лишь со временем, в результате накапливающихся по мере становления аппарата управления и его разрастания, происходит рассогласование управляющих команд с реальной практической жизнедеятельностью, что, в свою очередь, приводит к истощению ресурсов, обесточиванию всей системы и ее гибели. Так происходило с гитлеровской Германией, в период свержения царской российской монархии в 1917 году, с советской Россией, и, если брать совсем уж древние времена, со средневековым Китаем [4: с. 61–64].

С течением времени централизованное управление рано или поздно начинает страдать от своего несоответствия с поведением объекта (хозяйственной, экономической, культурной, научной, педагогической и другими сферами жизнедеятельности общества) вследствие недостаточной обратной информации от объекта. Субъективное представление об управляемом объекте, когда управляющая система находится в периоде своего расцвета (начальный период формирования этой системы в адекватном соответствии с особенностями управляемого объекта), воспроизводится в рамках системы вновь и вновь, пока, наконец, не превращается в идеализацию этой действительности. Сознание общества становится ирреальным, галлюцинирующим, живущим в мире собственных призрачных видений, а его «тело» — бредущим слепо в пропасть, смертельно больным от гнездящейся внутри него болезни, истощающей его все больше и больше.

Естественной реакцией государственного аппарата принуждения на отклонение управляемого объекта становится «завинчивание гаек». В такой системе отношений расхождение между способами управления сверху и поведением управляемого объекта, все более выходящим из-под контроля, пытаются

устранить, не изменяя самой системы, в рамках сложившихся приказно-исполнительских отношений теми же способами директивного управления. Измениться эти отношения не могут в силу свойственного им консерватизма. Единственно возможной реакцией государства на усиливающееся отклонение объекта является увеличивающаяся сила отправления своих функций, т. е. усиления диктата по отношению к управляемому народу, «завинчивание гаек». Для осуществления этой функции формируются органы насилия. В царской России для этого было создано в составе Собственной канцелярии Его Императорского величества Третье отделение, а в советское время — ВЧК, НКВД, ГПУ, КГБ и вся пеницитарная система наказания. Такая стратегия приводит к еще большему расхождению способов управления и хозяйственной деятельности народа. Это ведет к уменьшению эффективности хозяйственной деятельности, особенности которой не учитывались при управлении ею. Поэтому с усилением такого несогласия оскудевает поступление продуктов, питающих всю государственную систему — государство необратимо обесточивается и истощается. Феномен дефицита является выражением этого истощения.

В последней стадии разрушения этой системы социальное творчество, лишенное опоры на поддержку властных инициатив со стороны населения, когда власть утрачивает свою легитимность, злокачественно перерождается в субъективный волюнтаризм и произвол руководства, опирающийся только на репрессивный аппарат [3]. Общественное сознание, первоначально идентифицирующее свои цели с целями руководства (в период становления системы), противопоставляет свои устремления тем целям, которые выдвигают перед населением властные структуры; формируется негативная идентичность [2]. Все, что исходит от руководства, воспринимается как угроза.

III уровень

Следующий — по степени нарастания связей в процессе социального взаимодействия от индивида, к социуму или наоборот — уровень социального взаимодействия характеризуется наличием однонаправленного воздействия социума на индивида или наоборот — индивида на социум, которое (воздействие) вызывает в последнем изменения в его поведении и вызывает ответную реакцию, не рассчитанную на изменения в инициаторе воздействия. Иначе говоря, ответная реакция воздействуемого является внешней, механической, формальной и не имеет своей целью изменить поведение управляющего, скорректировать его в сторону большего соответствия с особенностями воздействуемого объекта. На уровне отдельной индивидуальности таково может быть изменение поведения проштрафившегося ученика, который, однако, не чувствует за собой вины и исполняет внешние требования взрослого чисто формально, оставаясь по внутреннему содержанию своего поведения не изменившимся. Поэтому как только внешние требования исчезают или ослабевает контроль за их следованием,

ученик тотчас же возвращается к своему прежнему поведению. Таким образом, его поведение остается прежним, а изменения в поведении являются формальными и мимолетными. В такой роли проштрафившегося ученика находится взрослый в социуме, находящемся по степени социализированности своих отношений на 3-м уровне. Со стороны социума отношение к индивиду на этом уровне выражается в формальном декларировании его прав, хотя фактически реализация этих прав на деле отсутствует. Этот тип отношений всегда сопровождает связи 2-го уровня и является скорее дополнением к нему.

IV уровень

Этот уровень социального взаимодействия является переходным от II и III к следующему, V уровню. Поэтому в нем присутствуют характеристики предыдущего II и III и последующего, V, уровней одновременно. Кратко отметим свойства этого типа социального взаимодействия, общие для предыдущего и последующего типов, и отличия от них. Он характерен для замкнутых сообществ этнического, религиозного, экономического, культурного и др. типа. Внутри это замкнутое сообщество имеет взаимодействие V уровня, а отношения с внешним социумом соответствуют II и III уровням. Образование замкнутых сообществ внутри «большого» общества с иным типом организации является, по-видимому, общим законом при всех трансформациях общества. Замкнутые сообщества образуются как при командной системе, и в этом случае одна приказно-исполнительская система отношений сменяет другую, так и при переходе к следующему, высшему, типу социального взаимодействия, когда приказно-исполнительскую систему сменяет общество, основанное на высшем типе социального взаимодействия. В первом случае внутри «большой» системы образуются теньевые сообщества (революционные группировки, мафиозные структуры и т. д.), в которых действует тот же тип приказно-исполнительских отношений, что и во всем обществе. Более того, внутри них действуют еще более жесткие централизованные отношения, построенные на еще большем подчинении диктатуре управляющего центра.

В последнем случае общество старого типа, основанное на приказно-исполнительских отношениях, сменяется сообществом повышенной степени сложности и организации, неизбежно в силу своей повышенной сложности вынужденное воздвигать защитные «мембраны» между ним и окружающей средой для своего самосохранения и для того, чтобы избежать растворения в окружающей социальной среде с пониженным по сравнению с ним уровне сложности. Именно последний случай рассматривается в качестве IV уровня социального взаимодействия. Этот уровень взаимодействия внутри себя характеризуется тем, что в ответ на воздействие одного партнера следует изменение поведения другого, которое, в свою очередь, снова изменяет воздействие первого. Таким образом, в этом типе связей наличествует обратная информация, которую использует управляющая сторона для изменения своих

команд в соответствии со спецификой условий, в которых команды должны быть реализованы. При формировании личности, например, на первом этапе социального взаимодействия поведение индивида изменяется в соответствии с воздействием социума (ребенок осваивает социальную норму поведения), а во второй фазе взаимодействия социум изменяется в соответствии с произошедшим изменением индивида — освоенная социальная норма ребенком изменяется в соответствии с его индивидуальными особенностями: ее реализация в отдельных актах коммуникации ребенка с другими людьми (т. е. обществом, персонифицированным в облике этих других людей) трансформируется со стороны ребенка. Здесь активным партнером, изменяющим поведение другого партнера, т. е. общества, является ребенок. Во второй фазе изменяется, таким образом, общество, представленное в узком локальном месте и в виде своей частности — социальной нормы. В конечном итоге построение взаимоотношений социума и индивида по этому типу означает совмещение общих и личных интересов. Изменение поведения при этом одного партнера выгодно другому и наоборот. Это возможно только при единой для них цели деятельности: личный смысл и общественное значение деятельности совпадают. Это отношения сотрудничества. Именно на этом уровне социального взаимодействия становится возможным и необходимым полноценное творчество — как индивидуальное (внутреннее развитие в процессе освоения внешних социальных норм), так и социальное (внешнее преобразование социальных норм в процессе их внутреннего освоения). Оно имеет две стороны — социализацию индивида и развитие социума и является взаимоизменением социума и индивида, в процессе которого индивид осваивает нормы поведения, предлагаемые ему со стороны социума, а социум изменяется со стороны индивида таким образом, чтобы эти нормы соответствовали интересам и особенностям индивида. Свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех.

Как сказано выше, рассматриваемый случай социального взаимодействия имеет переходный характер и обладает качествами как следующего, более высшего V уровня, так и предыдущих, II и III, уровней. Во внутренней организации он обладает качествами высшего уровня, а во взаимоотношениях с социальной средой он проявляется в характеристиках предыдущего уровня. Действовать иначе в социальной среде, основанной на приказно-исполнительских видах связей, новая социальная общность не может в силу ее встроенности в существующий социальный порядок, определяющий те отношения, которые в ней существуют. Такой переходный характер обнаруживают закрытые сообщества прогрессивного социального типа, идущие на смену существующим режимам.

V уровень

Следующий по степени нарастания связей в процессе социального взаимодействия от индивида к социуму или наоборот уровень социального взаимодействия характеризуется наличием противоположно направленного воздействия социума на индивида и наоборот — индивида на социум, которое

(воздействие) вызывает в последнем изменения в его поведении и вызывает ответную реакцию, рассчитанную на изменения в инициаторе воздействия. Основное отличие взаимодействия II уровня от взаимодействия V уровня состоит в том, что на втором происходит подавление и вырождение внутреннего «Я», индивид формируется в зависимости от внешних воздействий, обучаясь действовать по схеме «стимул-ответ», что делает его «экстерналом», не обладающим собственной активностью и реактивно отвечающим на воздействия окружающей среды.

На V уровне социального взаимодействия происходит подлинная социализация личности как расцвет всех ее потенциалов и развитие внутреннего «Я»; человек формируется в равновесном взаимодействии внутреннего и внешнего, действуя по схеме: «инициативное воздействие субъекта — ответ социальной среды — изменение первоначального воздействия субъекта». Схема поведения в последнем случае принципиально иная, чем в предыдущем. Здесь активным побуждающим звеном в социальном взаимодействии является субъект, а не среда, как в первом случае. Роли их переворачиваются. Ответное воздействие осуществляется не индивидом, а, наоборот, средой. Эта ответная реакция всегда соответствует качеству иницирующего воздействия субъекта. В определенном смысле «подобное порождает подобное». Освоение происходит не формально и внешне, но в процессе одновременного роста внутренних структур, регулирующих поведение субъекта. На этом уровне социализации происходит формирование внутренних регуляторов поведения и освоение внешних его норм.

Общество с этим типом социального взаимодействия характеризуется динамическим соответствием внешних социальных установлений и внутренних личностных регуляторов. Происходит формирование внутренних регуляторов в зависимости от воздействия внешних установлений при одновременном формировании внешних социальных установлений под действием внутренних регуляторов. Проявлением этого соответствия на психологическом уровне является атмосфера доверия к власти, внутреннего ее признания членами этого общества. Членами общества разделяются все ценности, официально декларируемые властями, принимаются без сопротивления все цели, которые ставятся перед рядовыми гражданами как свои собственные, находят горячий отклик все решения по управлению текущей жизнедеятельностью общества. Легитимность власти — это внутреннее состояние индивидов и общества в целом доверия к власти, когда власть воспринимается как благо, которое любят и желают как одно из составляющих качества сплоченности, благожелательности, взаимного уважения и терпимости в обществе, наличия в нем консенсуса.

Легитимность и насилие как две стороны власти в обществе социальных установлений в их психологическом выражении хорошо охарактеризовал С. Московичи: «Внутренняя вера, дополняющая в различных пропорциях внешнее насилие, — вот формула легитимности. <...> Независимо от причин подчинения оно, в конце концов, тождественно доверию. <...> Здесь достаточно

напомнить, что зерно сомнения у миллионов людей приводит к низвержению даже самого могущественного тирана. Диктатуры противоречат не только правам человека, но и подлинной природе власти. Постоянное насилие порождает апатию, безразличие и враждебность...» [5: с. 313].

Результатом воздействия внутренних регуляторов личности при этом типе социального взаимодействия становится освоение общественными институтами этих регуляторов таким образом, что они перенимают личностные качества, антропоморфизируются, становятся своего рода развернутой эманацией личности, ее экстериоризированной формой.

Со стороны социума должно быть такое же симметричное освоение норм, констант, закономерностей, правил индивида (субъекта, личности), каковое имеется со стороны субъекта при освоении им норм общества — в обоих случаях это освоение является предпосылкой их дальнейшего развития. Точно так же как индивид определяем социумом, так же и социум определяем индивидом — их отношения симметричны.

В пределе своего развития социум и индивид совпадают: социум наполняется индивидуально-личностными характеристиками и становится личностью, а индивид расширяется в процессе своей социализации до пределов социума и становится всем обществом. Различие их состоит только в том, что личность содержит в себе общество в свернутом (интериоризированном) виде, а общество, напротив, является развернутой (экстериоризированной) формой личности.

Намеченный подход позволяет соединить исследование социогенетического развития личности и развития общества в едином общественно-личностном развитии, в котором первое и второе будут являться двумя сторонами единого исторического процесса. Такой подход — назовем его креационистским — дает возможность понять развитие общества одновременно с развитием личности.

Литература

1. *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А». 2004. 816 с.
2. *Кирилина Т.Ю.* Особенности социализации студенческой молодежи в современной России // Вестник Московского государственного университета леса Лесной вестник. 2001. № 3. С. 24–29.
3. *Лал Д.* Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты / Пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева и Ю. Кузнецова. М.: ИРИСЭН, 2007. 338 с.
4. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М: Центр психологии и психотерапии, 1998. 343 с.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания: [сб.: пер.с исп.]. М.: АСТ, 2008. 347 с.
6. Творчество // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 21.

7. Большой словарь по социологии, проект. URL: www.rusword.com.ua <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/tvorchestvo-socialnoe>.

8. Экономика и социология труда. Список терминов, 1999 г. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/580/word/socialnoe-tvorchestvo#a4>.

Literatura

1. *Gudkov L.* Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, «VCIOM-A». 2004. 816 s.

2. *Kirilina T.Yu.* Osobennosti socializacii studencheskoj molodezhi v sovremennoj Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa Lesnoj vestnik. 2001. № 3. S. 24–29.

3. *Lal D.* Neprednamerenny'e posledstviya. Vliyanie obespechennosti faktorami proizvodstva, kul'tury' i politiki na dolgosrochny'e e'konomicheskie rezul'taty' / Per. s angl. T. Danilovoj; pod red. A. Kuryaeva i Yu. Kuzneczoa. M.: IRISE'N, 2007. 338 s.

4. *Moskovichi S.* Mashina, tvoryashhaya bogov. M: Centr psixologii i psixoterapii, 1998. 343 s.

5. *Ortega-i-Gasset X.* Vosstanie mass. Degumanizaciya iskusstva. Besxrebetnaya Ispaniya: [sb.: per. s isp.]. M.: AST, 2008. 347 s.

6. Tvorchestvo // Novaya filosofskaya e'nciklopediya. T. 4. M.: My'sl', 2010. S. 21.

7. Bol'shoj slovar' po sociologii, projekt. URL: www.rusword.com.ua <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/tvorchestvo-socialnoe>.

8. E'konomika i sociologiya truda. Spisok terminov, 1999 g. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/580/word/socialnoe-tvorchestvo#a4>.

V.G. Kovalev

Types of Social Interaction and Social Creativity

The article reveals the interconnection of social creativity and social interaction. The author shows how, depending on one or the other type of social interaction the character and content of social creativity changes. The author substantiates the conclusion of the bilateral character of social creativity, including both formation of the individual and development of society at the same time in their interconnection.

Keywords: individual; society; social interaction; social creativity.

А.С. Каменев

Теория относительности А. Эйнштейна и некоторые философские проблемы времени

В статье рассматривается понятие «времени» и делается попытка его философской реконструкции на основе результатов, следующих из специальной и общей теории относительности Эйнштейна.

Ключевые слова: пространство; время; длительность; метафоричность; процесс; скорость света; гравитация; «парадокс близнецов»; динамика; термодинамика.

Рассматривая науку как деятельность, цель которой — получение «объективной» (насколько это вообще возможно) информации об окружающем нас мире, то есть системы реальных знаний, которые: 1. Теоретически (модельно) формализованы; 2. Эмпирически (экспериментально) проверяемы; 3. Прогностически полезны и практически важны, — мы так или иначе апеллируем к информационной сущности природы (неважно, чем она является на «самом деле»). Стало быть, природа представляется нами как семиотическая реальность — то есть как бы в форме некоторого текста, написанного на определенном языке (например, как «Книга природы», написанная Создателем на языке математики) — Галилей [3; 5].

В любом языке, с помощью которого можно отобразить в упорядоченном виде то или иное событие, должен существовать базовый словарь основных понятий, и таким минимальным словарем, необходимым для описания любых происходящих событий как в быту или в художественной прозе, так и в науке и философии, является система трех координат: Что, Где, Когда, которые психологически вполне обусловлены и закономерно перешли из конкретно-бытовой сферы в область абстрактного мышления, став его важнейшими категориями. Таковыми являются: 1. Вещество (или Материя, характеризующаяся массой); 2. Пространство (ее вместительность, упорядоченное трехмерной системой координат) и 3. Время, то есть длительность, в течение которой с материальными объектами что-то происходит.

В обыденном сознании и в пределах логики так называемого здравого смысла мы традиционно (как самоочевидное и, вероятно, восходящее к архетипу мнение) воспринимаем эти фундаментальные характеристики мира – пространство, время и вещество — в качестве совершенно независимых друг от друга абсолютных сущностей. В течение тысячелетий такая вера была психологически и эмпирически вполне оправдана, а в классическую эпоху философски и научно обоснована. Благодаря впечатляющим успехам небесной механики это представление прочно закрепилось в научном мышлении и, узаконенное авторитетом Галилея и Ньютона, стало постулатом в классической науке. Обыденные представления о времени как о текущей реке (восходящие к Гераклиту), а также выражения художественного языка, фиксирующие это отношение (например, «река времени», «течение времени», «сколько времени прошло» или «время ускорило свой бег» и т. п. метафоры) в значительной степени повлияли на общий смысл понятия времени, в результате чего время в философии, а затем и в науке, приобрело чуть ли не предметную (то есть почти материальную) сущность. Ведь если нечто течет, то есть движется, то оно, во-первых, перемещается относительно чего-то находящегося в покое, а во-вторых, должно обладать материальной природой, т. е. в некотором смысле быть реальной вещью. Но тогда как понять, что из себя представляют «берега» этой реки времени?!

Вообще бытовой язык более тесно связан с научным, чем может поначалу показаться, — на это обращали внимание Уорф, Витгенштейн и др. Последний, например, отмечал: «В повседневном языке нередко бывает, что одно и то же слово осуществляет обозначение по-разному... либо же, что два слова, обозначающих по-разному, внешне употребляются в предложении одинаково... Язык передевает мысли... Отсюда с легкостью возникают фундаментальнейшие подмены одного другим, которыми полна вся философия» [1: с. 15], но, как оказалось, этому подвержена и наука, в частности, механика, где метафорическое понимание времени проявило себя в полной мере. По этому поводу Ю.М. Лотман заметил: «Метафоризм, когда он выступает под маской модели или научного определения, особенно коварен» [6: с. 26] и способен в силу психологической привлекательности создать устойчивую когнитивную традицию.

Именно такая подмена смыслов, когда художественная метафора не только повлияла на научный термин, но и полностью подменила его, привела к тому, что мы шаблонно и некритически говорим о реальности времени, о его течении, скорости, сгущении и т. п. «характеристиках», забывая о том, что время — это только эпифеномен каких-либо реальных процессов, происходящих с предметами, в результате чего появляются различные изменения, за которыми можно наблюдать и фиксировать состояние предметов до изменения (начало) и после него (конец), то есть отмерять длительность процесса или, если угодно, время его осуществления. Однако если допустить, что вокруг вообще ничего не происходит или происходит циклически (обратимо), то есть: или не нарушается симметрия предметов в пространстве,

или предметов вовсе нет, — тогда не будет ни «до», ни «после», так что не возникает никакой мотивации (психологически или рационально обусловленной) вводить в систему мышления идею времени, а в язык — соответствующее ей понятие. Кроме того, при полном отсутствии предметов вообще невозможно помыслить не только время, но и само пространство, на что в свое время в дискуссиях с Ньютоном указывали Беркли и Лейбниц (реляционная модель пространства и времени).

Тем не менее, несмотря на такие соображения, в математическом анализе, разработанном Ньютоном и Лейбницем и доведенном до совершенства выдающимися французскими математиками Лагранжем, Даламбером, Лапласом, Пуассоном и др., именно время как текущая координата выступало в качестве абстрактной независимой переменной, которая позволяла упорядочить такой же абстрактный процесс механического движения условного материального объекта, обладающего массой m , в системе трех пространственных координат: $\{x, y, z\}$ и одной временной t . Причем время (а по сути дела, такой же условный параметр, как масса, длина, ширина и высота) в силу законов динамики Ньютона и свойств интеграла (то есть свойств математического языка) входило в уравнение траектории движения (зависимость пройденного пути от времени) в квадрате: $s = 1/2 * F * t^2 / m$, что формально соответствует его обратимости и симметрии между прошлым и будущим в любом динамическом процессе.

Конкретный смысл и числовое значение независимая переменная t «время» приобретало в результате измерений с помощью какого-либо устойчивого циклического процесса, реализуемого в часах, и длилось от начала эксперимента до его завершения, то есть, по сути дела, просто характеризовало его длительность. Так что в механике универсальная категория «время» выступает как синоним операционального понятия «длительность» какого-либо конкретного процесса и фиксируется с помощью часов, стрелки которых циклически движутся с определенной стандартной скоростью. Таким образом, весь диапазон возможных скоростей процессов (и соответствующих им времен) упорядочивается путем сравнения с показаниями часов, которые устроены именно так, что в них время и скорость — неразрывны и взаимобусловлены. Так что само время как категория при таком подходе никакими признаками глобальности не обладает, а вышеуказанная подмена понятий обусловлена тем, что всё измеряется одними и теми же приборами, градуированными с помощью универсального (при этом тоже вполне условного) эталона, и выражается теми же единицами.

Нелишне напомнить, что еще Августин Аврелий (IV в.), размышляя о природе времени, пришел к представлению о его субъективной психологической обусловленности и иллюзорном характере. В XX же веке стало общеизвестным научным фактом наличие у человека (да и у всех живых организмов) внутренних биологических часов — сложного циклического биохимического

процесса, задающего индивидуальный суточный биоритм (кстати, варьирующийся в довольно широких пределах и редко совпадающий со стандартными сутками), который позволяет нам ощущать то, что мы привыкли называть течением времени. Так что наше ощущение и осознание времени основано на его психо-физиологической природе и неизбежно является субъективным и относительным, и только находясь в социальной среде, мы подчиняемся единому стандарту и привыкаем к идее абсолютности времени.

Так возникает почва для упомянутой смысловой подмены, а в научной среде она еще была подкреплена серией блестящих достижений ньютоновской механики, и постепенно «время» как философская категория приобрело такую характерную черту эмпирического понятия «длительность», как обратимость и аддитивность, но при этом сохранило глобальный и абсолютный характер. Вся эта путаница (возможно, подсознательно основанная на архаических и религиозных мифах о вечном возвращении) закрепились в коллективном сознании, проникла в исторические и социальные науки, а также в некоторые философские учения. Единственное свойство времени, которое могло вызвать сомнения (и вызывало, например у Дидро — памфлет «Сон д'Аламбера»), — так это его обратимость, особенно по отношению к рождению, существованию и смерти живых организмов. Но это были общеполитические соображения, с помощью которых можно было обосновать эту позицию, но не доказать ее строго научно. Доказательства такого рода появились только в конце XIX – середине XX века, и это потребовало разработки нового математического языка и новой «философии нестабильности», — а это была уже новая картина мира, основанная на так называемой синергетической парадигме — (Пригожин, Хакен, Курдюмов и др.).

Но вернемся во времена Лапласа и, приняв время t за независимую текущую координату, как это постулируется в классической механике, определим скорость движения v в виде отношения пройденного пути s ко времени: $v = s / t$. Эта величина также обратима и обладает свойством алгебраической аддитивности, равно как и сам пройденный путь тела массой m под действием силы F , который выражается уравнением траектории движения: $s = 1 / 2 * F * t^2 / m$. Такое положение дел, основанное на строгом математическом доказательстве, огромном эмпирическом материале и формализованное в преобразованиях Галилея, никогда ни у кого не вызывало сомнений и было нормой научного мышления. Мало того, считалось совершенно самоочевидным, что все процессы, происходящие в данный момент времени в пространстве всей Вселенной, будут одновременными, на чем как раз и основаны преобразования Галилея.

Но все изменилось, когда Майкельсон и Морли в последней трети XIX века обнаружили эффект постоянства скорости света, то есть ее независимость от движения источника (неаддитивность). Многочисленные попытки избавиться от этого парадокса стали центральной проблемой механики на целое десятилетие

и связаны с именами крупнейших физиков того времени, но только Эйнштейну удалось полностью решить эту проблему и ввести в научно-философский обиход новое толкование категории времени, а также попутно пространства, массы и энергии. Но для этого ему пришлось создать новый язык, в котором привычные понятия приобрели существенно иной смысл — это была теория относительности, две части которой СТО и ОТО кардинально изменили наши двухтысячелетние представления о мире.

Рассмотрим подробнее специальную теорию относительности (СТО) и вытекающие из нее новые научные и философские представления о категории времени. Это физическая теория пространства и времени и их взаимосвязи с материей и законами ее движения. В ней не рассматриваются эффекты, обусловленные гравитацией, и она создавалась с целью преодолеть трудности, возникшие в классической физике при попытках интерпретации оптических явлений в движущихся средах или при движении источника света. Основным парадоксом в рамках классической физики была независимость (неаддитивность) скорости света c от скорости источника v , то есть $c \pm v = c$, экспериментально доказанная в 1887 году американскими физиками А. Майкельсоном и Э. Морли (Нобелевская премия за 1907 год). Это нарушает преобразования Галилея (в частности, аддитивность скоростей движущихся друг относительно друга материальных тел), а также свидетельствует о невозможности обнаружения эмпирическим методом некой гипотетической светонесной среды — эфира. Последнее обстоятельство позволило Эйнштейну отказаться от концепции эфира как принципиально ненаблюдаемой сущности, а значит, не являющейся объектом естественных наук. Точно так же данную проблему понимал и Нильс Бор — «существует лишь то, что можно измерить», — и это положение стало нормой научной рациональности неклассического периода развития науки.

В основу СТО Эйнштейн положил два постулата:

- а) все инерциальные системы отсчета равноправны;
- б) скорость света в вакууме постоянна и не зависит от скорости источника.

Причем эта величина C является пределом для скоростей любых материальных процессов, по крайней мере, в наблюдаемой области реальности, и может считаться эталоном скорости, который нам дала сама природа. Математическую основу СТО составляют альтернативные преобразования Галилея, преобразования координат и времени при переходе из одной инерциальной системы отсчета в другую, которая движется со скоростью v относительно первой. Это так называемые преобразования Лоренца, полученные в 1904 году выдающимся голландским физиком Х.А. Лоренцом, из которых следуют эффекты, получившие название замедления времени: $t = t_0 / (1 - \beta^2)^{1/2}$ и сокращения длины: $s = s_0 (1 - \beta^2)^{1/2}$, где $\beta = v/c$, и оно всегда меньше единицы. К этим соотношениям Эйнштейн дополнительно вывел формулы увеличения массы движущегося тела по сравнению с его массой покоя: $m = m_0 / (1 - \beta^2)^{1/2}$ и знаменитую формулу связи энергии с массой покоя материальных тел: $E = mc^2$.

Эти соотношения показывают, что в движущейся системе отсчета время течет (пусть «течет» — это метафора) медленнее, линейные размеры тел, измеренные в направлении движения, меньше, а масса тел больше по отношению к тем же величинам в покоящейся системе. Чтобы популярно и убедительно объяснить эффект неодновременности в разных системах отсчета, выраженный формулой $t = t_0 / (1 - \beta^2)^{1/2}$, и, следовательно, показать относительный и локальный характер времени, Эйнштейн придумал мысленный эксперимент, получивший название «Поезд Эйнштейна» (рис. 1). В вагоне поезда по вертикали от потолка к полу движется луч света и предполагается, что скорость поезда v достаточно велика — близка к скорости света C . Для внутреннего наблюдателя с его часами, измеряющими время $T_{ваг.}$, справедливо равенство: $b = C * T_{ваг.}$, поскольку он видит луч, падающий по вертикали b .

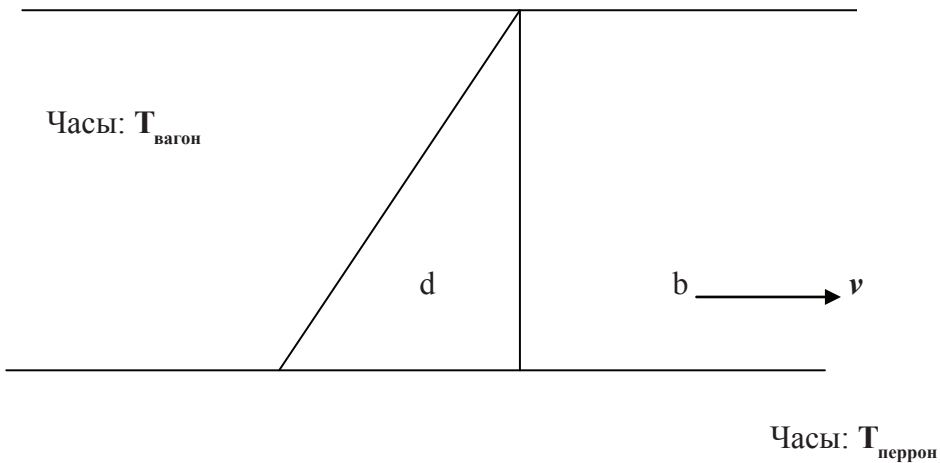

Рис. 1. Схема мысленного эксперимента «Поезд Эйнштейна»

Наблюдатель же, находящийся на перроне со своими часами, показывающими время $T_{перр.}$, в силу векторного сложения скоростей поезда и света, видит луч, идущий по косо́й траектории $d = C * T_{перр.}$, а также фиксирует ее отклонение от вертикали вследствие движения поезда как: $a = v * T_{перр.}$. Параметры a, b, d связаны теоремой Пифагора: $d^2 = a^2 + b^2$, откуда и следует соотношение: $T_{перр.} = T_{ваг.} / (1 - v^2 / C^2)^{1/2}$, — а это и есть нарушение одновременности в разных системах отсчета. То есть получается, что время на перроне (неподвижная система отсчета) как бы «течет» медленнее, чем в движущемся поезде, хотя часы были предварительно точно синхронизированы.

Объяснение этого факта состоит в том, что, в отличие от классических положений галилеевской и ньютоновской физики об абсолютном времени, характерном для всей Вселенной, в теории Эйнштейна время следует понимать как локальное и относительное, «текущее» в разных системах отсчета по-разному относительно друг друга, причем только конкретное измерение может дать ответ на вопрос «Который час в вашей системе?». Но для этого

нужно туда послать сигнал и затем получить ответ, а поскольку скорость света есть предел возможных скоростей во Вселенной, то в случае больших расстояний и при больших скоростях взаимного движения этих двух систем мы неизбежно столкнемся как с запаздыванием ответа, так и с несинхронностью хода часов, а следовательно, зарегистрируем неодновременность событий как точный экспериментальный факт. И хотя на первый взгляд это выглядит очень странно, тем не менее, как заметил Р. Фейнман, это вполне согласуется с нашим способом измерять время [8: с. 26], что делает эту ситуацию объективной. В традиционной же физике идея одновременности чисто умозрительна и предполагает бесконечно большую скорость распространения сигнала, что нефизично.

В какой-либо третьей системе отсчета, движущейся относительно этих двух, расхождение времени (неодновременность событий) было бы совершенно другим, в соответствии с расстоянием и величиной относительной скорости движения, и т. д., — таким образом, в отличие от ньютоновской механики, в СТО вообще нельзя говорить о каком-то истинном «общевселенском» времени. «У каждого наблюдателя должен быть свой масштаб времени, измеряемого с помощью имеющихся у него часов, — разъясняет Стивен Хокинг, — и показания одинаковых часов, находящихся у разных наблюдателей, не обязательно согласуются... Иными словами, теория относительности покончила с абсолютным временем!» [10: с. 40]. Да, только так, отказавшись от идеи абсолютного пространства и времени, можно примирить наши философские и научные представления о мире с достоверным экспериментальным фактом — постоянством скорости света, которую теперь следует считать абсолютной и признать в качестве фундаментального свойства Вселенной. В пределах такой концепции время превращается в психологически удобный инструментальный параметр — в то, что показывают часы в системе того или иного наблюдателя.

Локальный характер времени и зависимость его хода от относительной скорости систем отсчета, в которых находятся наблюдатели, приводят с точки зрения классической ньютоновской физики к знаменитому логическому и физическому абсурду, который получил название «Парадокс близнецов» и многими людьми, далекими от физики, все еще так и воспринимается. Парадокс близнецов возникает как результат мысленного эксперимента, в котором следствия, вытекающие из специальной теории относительности, трактуются в терминах, имеющих привычный смысл в классической физике, — поэтому в языке ньютоновской механики они и воспринимаются как логическое противоречие. Рассуждения заключаются в том, что если один из братьев-близнецов, родившихся на Земле, отправится в космическое путешествие с субсветовой скоростью v и вернется через некоторое время на Землю, где остался другой брат, то, согласно эффекту неодновременности, следующему из СТО, интервал времени, отмеренный по часам брата-космонавта в космическом

корабле (например, 1 год полета туда и обратно) t_K , не совпадет с временем t_3 , которое отмерено на Земле по часам брата-землянина.

Темпоральный разрыв между Землей и космическим кораблем, в зависимости от относительной скорости движения, согласно СТО, выражается формулой: $t_3 = t_K / (1 - v^2 / c^2)^{1/2}$, то есть получается, что время на Земле (только относительно именно этого корабля) в соответствующей пропорции «текло» быстрее, и таким образом, оставшийся брат, который жил по земному времени, состарился на несколько лет, тогда как брат-путешественник стал старше всего на 1 год — то есть на время своего полета туда и обратно. Можно придумать ситуацию, в которой брат-космонавт, вернувшись на Землю после очень длительного полета почти со скоростью света, окажется даже «моложе» своих племянников, а то и внуков — эффекты замедления времени возрастают с ростом скорости.

Да, с точки зрения классической физики Ньютона, где время считается абсолютной характеристикой мира и равномерно течет во всей Вселенной, такие выводы абсурдны и приводят к логическому парадоксу, что послужило в свое время поводом для многочисленных дискуссий. Разрешить этот парадокс в логике классической механики действительно невозможно, но в логике теории относительности это пытались сделать, обратив внимание на то, что в силу симметрии преобразований Лоренца, согласно принципу относительности равномерного движения, а также равноценности любых инерциальных систем отсчета, все рассуждения чисто формально и не выходя за рамки СТО, можно привязать как к системе Земного шара, так и к системе космического корабля. Тогда нетрудно прийти к выводу, что с точки зрения брата-космонавта его собственная система отсчета находится в покое, а Земля и брат, оставшийся на ней, движутся с соответствующей скоростью — значит, в той же мере, согласно СТО, время замедлялось и для него. Следовательно, суммарный эффект темпорального сдвига между кораблем и земным шаром нивелируется, и братья стареют синхронно.

Однако такие возражения носят чисто спекулятивный характер и не обладают признаками научности, поскольку игнорируют принципы верификации и фальсификации, которые требуют выполнения условий эмпирической проверяемости. Чтобы подтвердить или опровергнуть выводы СТО для данного случая, необходимо вернуть брата-космонавта на Землю и сравнить показания часов, но для этого корабль должен изменить траекторию движения, а следовательно, испытать ускорение под действием сил инерции, что переводит его к неинерциальной системе координат. Ничего такого наблюдатель, оставшийся на Земле, не испытает, поэтому, как заметил в этой связи Ричард Фейнман, можно высказать такое правило: «Тот, кто почувствовал ускорение, кто увидел, как вещи скатывались к стенке, и т. д., тот и окажется моложе. Разница между братьями имеет абсолютный смысл, и всё это вполне правильно» [8: с. 27]. Так что само время относительно, но временной разрыв абсолютен.

Конечно, в событиях реальной жизни этот эффект весьма мал, — даже в нашем примере, если скорость ракеты всего лишь на 10 % меньше, чем скорость света, то по земным часам пройдет времени только в 2,3 больше, чем по часам, находящимся в ракете, и временной сдвиг между близнецами составит примерно 2,3 года, а если ее скорость будет отличаться от c примерно на 1 %, тогда этот сдвиг во времени увеличится до 7 раз. Очевидно, что при современной ракетной технике и по отношению к объектам макромира такие рассуждения — это действительно не более, чем мысленный эксперимент. Однако в последние годы эффект замедления времени в системах отсчета, связанных с быстро движущимися объектами (например, короткоживущими космическими частицами или элементарными частицами, разогнанными до околосветовых скоростей в ускорителях), был проверен экспериментально и учитывается при проектировании ускорителей заряженных частиц.

Кроме того, он был подтвержден и другим способом — по расхождению показаний времени так называемых атомных часов, одни из которых были запущены на орбиту в спутнике (скорость порядка 8 км в секунду), а другие, точно такие же, остались на Земле. В этом случае разница во времени была ничтожной и зарегистрировать ее удалось сверхточными методами (используя так называемый эффект Мёссбауэра). В случае же движения космических частиц феномен «парадокса близнецов» проявляется очень заметно. Так, прямые статистически достоверные измерения показывают, что движущийся с субсветовой скоростью нестабильный мюон (μ -мезон) существует в собственной системе отсчета примерно 10^{-6} сек, тогда как время его жизни относительно лабораторной системы отсчета оказывается приблизительно на два порядка больше (примерно 10^{-4} сек), — но тут уже скорость частицы отличается от скорости света всего лишь на сотые доли процента.

Таким образом, все эффекты, предсказанные СТО, в настоящее время подтверждены экспериментально и стали достоверными научными фактами, поэтому о парадоксе близнецов можно говорить лишь как о парадоксах ньютоновского мировидения и пережитках классического мышления, а само время, теперь уже на основе точных экспериментальных данных, толковать как то, что показывают часы в данной системе отсчета. Тогда, метафора «течение времени» соответствует тому, что стрелки часов в разных системах отсчета движутся друг по отношению к другу с разной скоростью (как и все прочие физические и даже биологические процессы — внутренние часы, построенные на биоритмах!), что и порождает между наблюдателями темпоральный разрыв, а само время как относительная длительность процессов в разных системах отсчета выступает как эпифеномен относительной скорости.

Можно на первый взгляд подумать, что «феномен близнецов» в СТО состоит в том, что эффекты теории относительности позволяют продлить биологическую жизнь того человека, который путешествует с субсветовой скоростью, но это не так: если, к примеру, генетически обоим братьям суждено

прожить по 70 лет, то каждый столько и проживет, но соответственно в своем темпоральном мире, то есть в собственной системе отсчета. Следовательно, здесь речь идет только о временном сдвиге между системами отсчета, движущимися относительно друг друга, а не об абсолютной длительности, которой в СТО не существует, и о том, что ньютоновское понятие одновременности и абсолютного времени — это приближение, достаточное только для относительно небольших скоростей, характерных для привычных нам земных повседневных условий, то есть для реальности макромира.

Говоря о достижениях Эйнштейна в СТО, все же необходимо отметить, что математический фундамент специальной теории относительности был заложен задолго до его работ несколькими выдающимися физиками и математиками XIX века, такими как Х.А. Лоренц, А. Пуанкаре и Д.Ф. Фицджеральд, которые, тем не менее, не смогли физически адекватно интерпретировать полученные математические результаты, потому что мыслили в русле классической парадигмы и пытались с чисто формально-математических позиций (долго и безуспешно) примирить результаты наблюдений Майкельсона и Морли и представления старой физики и философии.

По этому поводу Стивен Хокинг писал: «В течение восемнадцати лет такие люди, как Хендрик Лоренц и Джордж Фицджеральд, пытались согласовать эти наблюдения с общепринятыми представлениями о пространстве и времени. Они выдвинули *ad hoc* некоторые предположения, как, например, то, что объекты, двигаясь с большой скоростью, становятся короче (так называемое Лоренц-Фицджеральдовское сокращение длины. — *А.К.*), и весь каркас физики стал неуклюжим и уродливым. В 1905 году Эйнштейн предложил гораздо более привлекательную точку зрения, в которой время не рассматривалось как нечто отдельное и совершенно самостоятельное. Оно сливалось с пространством в четырехмерный объект, называемый пространство – время. Эйнштейна привели к этой мысли не столько результаты экспериментов, сколько желание заставить две части теории слиться в гармоничное целое. Этими двумя частями были законы, управляющие электрическими и магнитными полями, и законы, управляющие движением тел» [9: с. 51].

Однако помимо чисто рациональных соображений научного характера и стремления к математической красоте теории, Эйнштейном руководили и в некотором смысле иррациональные мотивы, источники которых лежат в области образно-художественного восприятия мира. Эйнштейн, обладая блестящей эрудицией, хорошо знал мировую литературу, в частности, произведения Ф.М. Достоевского, которые произвели на него огромное впечатление («Достоевский дал мне больше, чем Гаусс»). Это особенно касается так называемой притчи о грешнике из романа «Братья Карамазовы», где великий русский писатель в присущей ему своеобразной художественной форме, но совершенно отчетливо и недвусмысленно, выразил мысль об относительном характере пространства и времени, о том, что эти категории не абсолютны, а обретают смысл и значение

только через восприятие наблюдателя, то есть, если это выразить в терминах физики, — относительно его системы отсчета. «И присудили, чтобы он прошел во мраке квадрильон километров... и когда кончит он этот квадрильон, то тогда отворят ему райские двери и все простят... — Да это же биллион лет ходу!.. Что же вышло, когда дошел? — А только что ему отворили двери в рай и он вступил, то не пробыв еще двух секунд... воскликнул, что за эти две секунды не только квадрильон, но и квадрильон квадрильонов пройти можно да еще возвысив в квадрильонную степень» [2: т. 10, с. 149–150].

Можно не сомневаться, что представления такого рода о пространстве и времени не случайны и, по-видимому, восходят к архетипу, поскольку также отражены и в античной мифологии («Одиссея»), и в индийском эпосе, и даже в некоторых народных историях — один из примеров такого фольклора Полесья приводит В.В. Налимов [6: с. 73]. Таким образом, интуитивная и метафизическая догадка Эйнштейна о том, что аппарат теории относительности (преобразования Лоренца) — это не просто математический прием, позволяющий чисто формально обойти парадокс постоянства скорости света и сохранить абсолютный характер времени и одновременность, а строгая физическая модель, отражающая фундаментальные свойства мира — не абсолютный и глобальный, а локальный характер пространства и времени и абсолютную и постоянную величину скорости света. Это соединение разных семантических полей может рассматриваться как пример смыслопорождения, которое произошло при взаимодействии двух текстов: естественно-научного, рационально-логического и гуманитарного, образно-художественного [5: с. 155–162; 636]. В этом отношении, несмотря на огромный вклад выдающихся предшественников, фактически создателем специальной теории относительности (как адекватной физической модели и новой концепции пространства – времени) является именно Альберт Эйнштейн.

Вскоре после публикации работ Эйнштейна выдающийся математик (и его учитель) Герман Минковский ввел для универсального описания движения особую систему координат — четырехмерное псевдоэвклидово пространство – время, в котором кратчайшее расстояние между двумя точками (метрика пространства s) определяется четырехмерной теоремой Пифагора: $s^2 = x^2 + y^2 + z^2 - c^2t^2$. Это так называемый пространственно-временной континуум Минковского, в котором время, как таковое, отдельно не представлено, а входит в это уравнение, умноженное на скорость света, и в некотором смысле обладает пространственной сущностью. Как говорил сам Минковский, теперь время и пространство сами по себе превращаются в бледные тени, и только их комбинация представляет собой некоторую реальность [4: с. 196], но это уже новая неклассическая философия.

Теперь рассмотрим более детально общую теорию относительности (ОТО), которая представляет собой дальнейшее развитие теории тяготения и в которой ньютоновское понятие гравитационной силы, свойственной массам всех материальных тел и описывающейся законом всемирного тяготения, трактуется как

проявление геометрической кривизны пространства, искривленного в данной области находящимися там тяготеющими массами. Эйнштейн разработал ОТО в 1915–1917 годах, используя пространство Минковского и обобщив СТО на неинерциальные системы отсчета. Он добавил к этому постулат о тождественности гравитационной и инертной масс, откуда следует, что гравитация и ускорение эквивалентны, а также выдвинул идею о том, что геометрия пространства – времени учитывает распределение материи, а то, что в ньютоновской картине мира понимается как сила гравитации, в новых представлениях соответствует искривлению пространства – времени тяготеющими массами.

Уравнения ОТО описывают изменение геометрических свойств пространства – времени (пространственно-временную метрику) в зависимости от взаимного расположения тяготеющих масс, что не только эквивалентно ньютоновской интерпретации, в которой массивные тела создают ту или иную конфигурацию силовых полей тяготения, описываемых законом всемирного тяготения, но и выявляют более тонкие эффекты, не учитываемые в ньютоновской модели. Таковыми являются:

- а) искривление светового луча в поле тяготения,
- б) смещение перигелия орбиты планеты Меркурий под воздействием гравитации Солнца,
- в) так называемое гравитационное красное смещение.

Все три эффекта в настоящее время проверены экспериментально и количественно с достаточной точностью соответствуют предсказаниям ОТО. Для описания конфигурации искривленного пространства – времени (пространственно-временной метрики) Эйнштейн воспользовался римановой криволинейной геометрией — неевклидовой геометрией пространства с переменной кривизной и математическим аппаратом тензорного анализа. Записанные в тензорных обозначениях законы сохранения инвариантны (то есть не изменяются) относительно любых реально существующих систем отсчета. Понятие прямых линий, по которым в классической механике движется луч света, заменено в ОТО на понятие наиболее прямых траекторий (то есть геодезических линий в данном кривом пространстве), форма которых определяется структурой искривленного пространства – времени. Например, все тела, свободно падающие в поле тяготения Земли или любого другого объекта, движутся по геодезическим траекториям пространства – времени.

На основании ОТО Эйнштейн предсказал упоминавшиеся выше три астрономических эффекта, — одним из важнейших было искривление траектории светового луча, проходящего вблизи массивных тел, например, звезд. Этот эффект получил экспериментальное подтверждение в 1919 году, когда английский астроном Артур Эддингтон, наблюдая положение далеких звезд во время солнечного затмения (когда солнечный свет не мешает наблюдениям), сравнил его с фотографиями звездного неба в обычное время и обнаружил предсказанное Эйнштейном отклонение на $1,75''$. Точность этого

эксперимента была невелика (величина погрешности почти равнялась величине эффекта), однако впоследствии эти измерения были неоднократно проведены с достаточной статистической точностью.

Эффекты красного смещения частоты света при движении луча против сил гравитационного поля (снизу вверх) и фиолетового смещения, возникающие в противном случае (сверху вниз), которые были предсказаны Эйнштейном на основании ОТО, также доказаны экспериментально в 1962 году, посредством прецизионных измерений с использованием излучения лазера. Уменьшение частоты (а значит, увеличение длины) световых волн в зависимости от величины напряженности поля гравитации соответствует замедлению хода времени, то есть и здесь, как и в СТО, получается, что «течение» времени определяется частотой колебаний и время по-прежнему выглядит как эпифеномен скорости процессов.

Стивен Хокинг, отмечая большое прикладное значение этих эффектов, пишет: «Нижние часы, которые были ближе к Земле, в точном соответствии с общей теорией относительности, идут медленнее, чем верхние. Разница хода часов на разной высоте над поверхностью Земли, — указывает он, — приобрела сейчас огромное практическое значение в связи с появлением очень точных навигационных систем, работающих от сигналов со спутников. Если не принимать во внимание предсказаний общей теории относительности, то координаты будут рассчитаны с ошибкой в несколько километров» [9: с. 150].

Необходимо заметить, что факт независимости скорости света (в вакууме) от относительной скорости источника и приемника не нарушает закон сохранения энергии, поскольку в результате эффекта Доплера происходит изменение длины волны (и, следовательно, частоты) света так, что при относительном движении источника и приемника навстречу друг другу частота электромагнитных колебаний увеличивается (фиолетовое смещение), а при движении в противоположном направлении частота уменьшается (красное смещение). Поскольку энергия электромагнитных колебаний E связана с частотой n по формуле $E = hn$, где h — постоянная Планка, то очевидно, что при встречном движении энергия фотонов (квантов электромагнитного поля) возрастает, а в обратном случае — уменьшается, хотя скорость относительного движения фотонов во всех системах отсчета всегда равна скорости света. В настоящее время существуют и альтернативные теории тяготения, но достаточно широкие объяснительные возможности теории относительности пока оставляют за ней право считаться универсальной моделью гравитации.

Локальное замедление времени может быть обусловлено и другими причинами. Согласно ОТО — общей теории относительности, на ход времени влияет также и гравитация, — например, вблизи массивной звезды время течет медленнее, чем в удаленной системе отсчета, откуда ведется наблюдение, а вблизи такого объекта, как черная дыра, время практически полностью останавливается — то есть все процессы, протекающие в этой области, с точки зрения наблюдателя, находящегося в удаленной системе отсчета, происходят с бесконечно малой скоростью. А это как раз и соответствует упоминаемой

ранее умозрительной ситуации (придуманной Дж. Беркли), когда фактически ничего, что вообще можно наблюдать (движение, изменение и т. п.), не происходит, а значит, нет ни «до», ни «после» и такое понятие, как время (коль скоро оно локально, относительно и понимается как эпифеномен движения), просто теряет смысл.

Из уравнений ОТО, отображающих фундаментальные свойства Вселенной, вытекают три решения — стационарное, которое получил сам Эйнштейн и которое не находило должного обоснования, и два нестационарных, которые в 1922 году нашел русский ученый А.А. Фридман, доказавший тем самым возможность нестационарного характера Вселенной. Именно эти два решения лежат в основе теории эволюции Вселенной (стандартная модель Большого взрыва), и одно из них, описывающее расширение космического пространства (разбегание галактик), получило экспериментальное подтверждение и оформлено в так называемом законе Хаббла. Общая теория относительности обусловила бурное развитие космологии как самостоятельной научной дисциплины и, несмотря на целый ряд появившихся к концу XX века альтернативных теорий гравитации, подвергающих ее критике, по-прежнему лежит в основе современной космологической парадигмы. Более того, введенный Эйнштейном в теорию эволюции Вселенной космологический параметр (так называемый λ -член, который он называл величайшей ошибкой своей жизни), учитывается в современной космологической теории как важный параметр и считается великим прозрением Эйнштейна.

Следует особенно обратить внимание на то, что великий физик отнюдь не пренебрегал философией — наоборот, так же как и его выдающиеся современники (Бор, Шредингер, Гейзенберг, Паули и др.), он размышлял и над философскими основаниями новой физики, и над принципами интерпретации ее парадоксальных для классического сознания открытий, и вообще, над принципами научной рациональности, которые могли бы быть наиболее перспективными в этот необычный период развития науки. Эйнштейн по этому поводу писал: «Результаты научного исследования очень часто вызывают изменения в философских взглядах на проблемы, которые распространяются далеко за пределы ограниченных областей самой науки. Какова цель науки? Что требуется от теории, которая стремится описать природу? Эти вопросы, хотя и выходят за пределы физики, близко связаны с ней, так как наука дает тот материал, из которого они вырастают. Философские обобщения должны основываться на научных результатах. Однако, раз возникнув и получив широкое распространение, они очень часто влияют на дальнейшее развитие научной мысли, указывая одну из многих возможных линий развития. Успешное восстание против принятого взгляда имеет своим результатом неожиданное и совершенно новое развитие, становясь источником новых философских воззрений» [11: с. 47–48].

Он считал, что любая научная теория неизбежно требует метафизических оснований и понимал, что ни одна из существующих в то время философских

систем не могла быть адекватной новым знаниям, что новая неклассическая физика требует соответствующей ей новой философии, поэтому за неимением лучшего он брал из различных систем то, что, на его взгляд, могло коррелировать с этими знаниями. Это можно расценить как философский синкретизм, но в любом случае это лучше, чем приверженность философским догмам, которые не поспевают за новыми знаниями и, превращаясь в некое подобие религии, создают когнитивные препятствия на пути познания мира [6: с. 442].

Да, в вопросах методологии познания Эйнштейн занимал двойственную позицию. С одной стороны, он, подобно философам Канту, Джеймсу, Маху и др., а также физикам и математикам Пуанкаре, Планку, Больцману, Винеру и др., считал, что между реальностью природных явлений и понятиями научных теорий соответствие весьма условно и они необходимы для упорядочения результатов эмпирической деятельности, — «Физические понятия — суть свободные творения человеческого разума, а не определены однозначно внешним миром, как это иногда может показаться» [11: с. 30]. Сравнивая естествоиспытателя, рисующего картину мира, с человеком, желающим понять принцип устройства закрытых часов, Эйнштейн указывал на то, что ученый «никогда не может быть уверен в том, что его картина единственная, которая могла бы объяснить его наблюдения. Он никогда не будет в состоянии сравнить свою картину с реальным механизмом и даже не сможет представить себе возможность и смысл такого сравнения» [11: с. 30].

С другой стороны, Эйнштейн все же верил в огромные возможности человеческого разума и научного познания мира, и особенно в мощь методов математического моделирования. В книге «Мир, каким я вижу его» он утверждал, что: «Весь предшествующий опыт убеждает нас в том, что природа представляет собой реализацию простейших математически мыслимых элементов. Я убежден, что посредством чисто математических конструкций мы можем найти те понятия и закономерные связи между ними, которые дадут нам ключ к пониманию явлений природы. Конечно, опыт остается единственным критерием пригодности математических конструкций физики, но настоящее творческое начало присуще именно математике» [4: с. 236].

Что касается предмета этой работы — категории времени, то Эйнштейн понимал не только его относительность и локальный характер (как математический параметр и физическую сущность), но и осознавал его категориальную неопределенность, а также психологически ощущал эфемерность времени, о чем свидетельствует его письмо по поводу кончины одного из немногих близких друзей (Мишеля Бессо). В этом письме родным покойного создатель теории относительности пишет: «Своим прощанием с этим удивительным миром он несколько опередил меня. Но это ничего не значит. Для нас, убежденных физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим — не более чем иллюзия, хотя и весьма навязчивая». Здесь можно догадаться, что Эйнштейн рассматривал все процессы с точки зрения пространства Минковского,

то есть в статичной пространственно-геометрической форме: «Мир событий, — писал он, — может быть описан динамически с помощью картины, изменяющейся во времени и набросанной на фоне трехмерного пространства. Но он может быть также описан посредством статической картины, набросанной на фоне четырехмерного пространственно-временного континуума... С точки зрения теории относительности статическая картина более удобна и более объективна» [11: с. 173]. Тогда получается, что мы все проходим в некотором смысле один и тот же (одинаковый) жизненный путь s , но движемся по нему с разной скоростью v , откуда и выводится продолжительность жизни (то есть длительность существования $t = s/v$). И тогда именно скорость (и ее данный самой природой фундаментальный эталон — скорость света), в противоположность иллюзорному времени, представляет собой истинную реальность.

Однако не все согласны считать время иллюзией. Один из создателей синергетики выдающийся бельгийский ученый И. Пригожин ссылается на эти слова Эйнштейна как на пример его «динамической» трактовки времени и редукционистской интерпретации процессов движения, то есть такого подхода, который принципиально отрицает необратимость времени («стрелу времени», по терминологии А. Эддингтона). Односторонность такого подхода Пригожин видит в том, что как в классической динамике, так и в теории относительности рассматривается механическое движение некоторого уже состоявшегося объекта как целого (где время — это просто текущая координата длительности, упорядочивающая ход событий), тогда как процессы становления объектов и структур, в их самоорганизации и саморазвитии, которые рассматриваются в неравновесной термодинамике, характеризуются большой степенью стохастичности (случайности) и, следовательно, необратимы по своей природе, так что не поддаются описанию динамическими уравнениями [7]. Как раз такие процессы сопутствуют существованию сложных систем и живых организмов, порождая необратимую стрелу времени вследствие необратимого увеличения энтропии, но это уже чисто термодинамический подход, выходящий за пределы механики и оперирующий категориями случайности и вероятности, которые в принципе отсутствуют в динамической картине мира.

Именно язык (то есть математический аппарат) термодинамики необратимых процессов и синергетики, оперируя понятиями энтропии, стохастичности, чувствительной зависимости от начальных условий, бифуркации и тому подобными категориями самоорганизации и саморазвития сложных систем, позволяет научно обосновать антидетерминистские философские представления о необратимости текущего времени и невозможности вернуть прошлое, тогда как язык механики (как Ньютона, так и Эйнштейна) оперирует динамическими уравнениями, в которые параметр времени t входит обратимо, а траектории движения содержат время в квадрате, — поэтому в этом языке время обратимо, а прошлое и будущее симметрично. Так что здесь в самом деле время иллюзорно, а под именем времени, как сказано выше, подразумевается просто относительная длительность процесса,

определяемая его скоростью. Истинную же природу времени как «возникновения чего-то нового» (А. Бергсон «Творческая эволюция») разъясняет нам синергетика и возвращает его в новой ипостаси в философский обиход. Этим примером еще раз иллюстрируется логическая и семантическая несоизмеримость и дискретность различных теорий (как языков описания и интерпретации), описывающих различные уровни реальности, которую мы априори считаем цельной и неделимой, а также здесь проявляется неоднозначность (как минимум двойственность) такого фундаментального для философии понятия, как время, что, однако, не делает его абсолютным.

Создатель теории относительности прекрасно понимал возможности науки своего периода, которая в ряде фундаментальных случаев дала нам математические и физические ответы на вопросы: «как?» и «по какому закону?» это происходит, но верил в то, что наука со временем сможет перейти от этих физических вопросов к вопросам метафизическим: «почему?» и «с какой целью?» это происходит. «Мы хотим, — говорил он, — не только знать, как устроена природа (и как происходят природные явления), но и, по возможности, достичь цели, может быть утопической и дерзкой на вид, — узнать, почему природа является именно такой, а не какой-либо другой». Сейчас не подлежит сомнению, что новая физика требует новой философии и деконструкции (или реконструкции) самых фундаментальных и, казалось бы, незыблемых понятий и категорий, а грандиозную задачу познания мира можно решить только на основе междисциплинарного синтеза всех естественнонаучных и гуманитарных знаний и интегративного стиля мышления.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. ЛФТ. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
2. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Собр. соч.: в 15 т. Т. 10. СПб.: Наука, 1994. 448 с.
3. *Каменев А.С.* Математика и зеркало природы // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2011. Т. 1. С. 95–111.
4. *Клайн М.* Математика. Поиск истины. М.: Мир, 1988. 295 с.
5. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001. 704 с.
6. *Налимов В.В., Драгалина Ж.А.* Реальность нереального. М.: Мир идей, 1995. 432 с.
7. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1984. 432 с.
8. *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. Т. 2. М.: Мир, 1967. 168 с.
9. *Хокинг Ст.* Черные дыры и молодые Вселенные. СПб.: Амфора, 2001. 189 с.
10. *Хокинг Ст.* Краткая история времени. СПб.: Амфора, 2000. 268 с.
11. *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики. М.: Наука, 1965. 328 с.

Literatura

1. *Vitgenshtejn L.* Filosofskie raboty'. Ch. 1. LFT. M.: Gnozis, 1994. 612 s.

2. *Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy' // Sobr. soch.: v 15 t. T. 10. SPb.: Nauka, 1994. 448 s.*
3. *Kamenev A.S. Matematika i zerkalo prirody' // Vestnik MGPU. Seriya «Filosofskie nauki». 2011. T. 1. S. 95–111.*
4. *Klajn M. Matematika. Poisk istiny'. M.: Mir, 1988. 295 s.*
5. *Lotman Yu.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo, 2001. 704 s.*
6. *Nalimov V.V., Dragalina Zh.A. Real'nost' nereal'nogo. M.: Mir idej, 1995. 432 s.*
7. *Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz xaosu. M.: Progress, 1984. 432 s.*
8. *Fejnman R., Lejton R., Se'nds M. Fejnmanovskie lekicii po fizike. T. 2. M.: Mir, 1967. 168 s.*
9. *Xoking St. Cherny'e dy'ry' i molody'e Vselenny'e. SPb.: Amfora, 2001. 189 s.*
10. *Xoking St. Kratkaya istoriya vremeni. SPb.: Amfora, 2000. 268 s.*
11. *E'jnshtejn A., Infel'd L. E'volyuciya fiziki. M.: Nauka, 1965. 328 s.*

A.S. Kamenev

Einstein's Relativity Theory and Some Philosophical Problems of Time

The article considers the concept of “time” and the author makes an attempt of its philosophical reconstruction on the basis of the results, ensuing from Einstein's special and general theories of relativity.

Keywords: space; time; duration; metaphoricity; process; speed of light; gravity; “twin paradox”; dynamics; thermodynamics.

Н.В. Зыбина

Генезис естественно-научной картины мира

Статья посвящена вопросам генезиса естественно-научной картины мира. Отмечается, что развитие науки отнюдь не сводится к простому накоплению и даже обобщению фактов, т.е. к тому, что называют кумулятивным процессом. Все всегда стремятся объяснить факты с помощью гипотез и теорий. Среди них в каждый определенный период выдвигается наиболее общая или фундаментальная теория, которая служит парадигмой или образцом для объяснения хорошо известных фактов и предсказания неизвестных событий.

Ключевые слова: естественно-научная картина мира; научная картина мира; естествознание; генезис; физическая картина мира; научная революция; научно-техническая революция; синергетика.

Представления о свойствах и закономерностях окружающей нас природы возникают на основе тех знаний, которые в каждый исторический период дают конкретные науки, изучающие определенные области явлений и процессов природы. Поскольку природа есть нечто единое целое, постольку и знания о ней должны иметь целостный характер, т.е. представлять собой определенную систему. Такую общую совокупность научных знаний о природе издавна называют учением о природе или естествознанием.

Раньше в естествознание входили все сравнительно немногочисленные знания, которые были известны о природе, но уже с эпохи Возрождения возникают и обособляются отдельные его отрасли и дисциплины, т.е. начинается процесс дифференциации естественно-научного знания. Ясно, что не все знания являются одинаково важными для понимания природы.

Чтобы подчеркнуть фундаментальный характер основных и важнейших знаний о природе, ученые ввели понятие естественно-научной картины мира, под которой подразумевают систему важнейших понятий, принципов и фундаментальных законов, лежащих в основе понимания окружающей нас природы. Сам термин «картина мира» указывает на то, что речь здесь идет не о части или фрагменте мира, а о целостной концепции природы. Как правило, в формировании такой картины природы наибольшее значение приобретают фундаментальные понятия и законы наиболее развитых отраслей естествознания, которые в определенный исторический период выдвигаются в качестве основополагающей науки или лидера естествознания. Не подлежит сомнению, что фундаментальные науки оказывают свое влияние на представления о мире других наук и на ученых определенной эпохи. Но это отнюдь не означает, что другие науки не участвуют

в формировании картины природы. В действительности такая картина возникает как результат синтеза фундаментальных открытий и законов разных отраслей и дисциплин естествознания.

Следует различать естественно-научную картину природы, которая составляет первую часть общей картины мира и формируется из результатов исследований и достижений наук о природе. Общая же научная картина мира представляет собой синтез фундаментальных понятий, принципов и закономерностей естествознания и обществознания.

Сам термин «научная картина мира» применительно к физике ввел Герц, который понимал под ней внутренний образ мира, который складывается у ученого в результате исследования внешнего, объективного мира. Если такой образ адекватно отображает реальные связи и закономерности внешнего мира, то и логические связи между понятиями и суждениями научной картины должны соответствовать объективным закономерностям внешнего мира.

В чем же тогда заключается преимущество научной картины перед непосредственным живым созерцанием внешнего мира, на котором основана, по сути дела, практическая картина мира, создаваемая каждым человеком на основе своего жизненного опыта? Планк считает, что преимущество научной картины мира, благодаря которому она вытеснит все прежние картины, состоит в ее «единстве — единстве по отношению ко всем исследователям, всем народностям, всем культурам». Следовательно, она имеет объективный характер, и поэтому ее цель «состоит не в полном приспособлении наших мыслей к нашим ощущениям, а в полном освобождении физической картины мира от индивидуальности творческого ума» [4].

Наконец, нельзя не отметить, что и Планк и Эйнштейн обращали внимание на то, что научная картина мира любой науки имеет, с одной стороны, ограниченный характер, поскольку она определена предметом конкретной науки. С другой стороны, такая картина относительна в силу исторически ограниченного характера самого процесса человеческого познания. Поэтому построение ее в окончательном, завершенном виде они считали недостижимой целью [1].

По мере развития науки и практики в научную картину мира будут вноситься изменения, исправления и улучшения, но эта картина никогда не обретет характера абсолютной истины.

Анализируя физическую картину мира, Г. Герц, М. Планк, А. Эйнштейн и другие ученые подчеркивали, таким образом, ее общий, целостный и относительный характер. Чтобы яснее понять сущность картины мира, которую создает любая наука, следует сравнить ее с какой-либо общей теорией. Хотя такая теория тоже дает общее, целостное, относительно верное отображение конкретной области реального мира, но по отношению к картине мира соответствующей науки она будет представлять лишь фрагмент, часть этой общей картины. Приблизительно такое же соотношение существует между картиной мира отдельной науки о природе и естественно-научной картиной

мира в целом. В сравнении с картиной отдельной науки естественно-научная картина мира отображает не какую-либо часть или фрагмент исследуемой области природы, а всю природу в целом. Правда, при своем формировании она опирается на общие концепции, фундаментальные понятия, принципы и теории лидирующей в определенный период истории естествознания науки, т. е. на определенную парадигму.

Все эти соображения говорят о тесной взаимосвязи научной картины природы, создаваемой отдельными фундаментальными науками естествознания, с основными их концепциями. Первоначально такие картины отдельных областей природы возникали в рамках частных наук, таких как физика, химия, биология и другие. В дальнейшем в результате обобщения результатов их исследования и созданных концепций с позиций лидирующей в данный период времени науки возникала общая естественно-научная картина природы. Отсюда становится ясным, какую важную роль играет генезис естествознания в формировании научной картины мира.

Генезис — это философская категория, выражающая возникновение, происхождение, становление развивающегося явления. Генезис в науке — описание происхождения, возникновения, становления, развития, метаморфозы и (необязательно) гибели объектов [1].

Естественно-научная картина мира представляет собой систематизированное представление о природе, исторически сформировавшееся в ходе развития естествознания. В эту картину мира входят знания, полученные из всех естественных наук, их фундаментальных идей и теорий. Но история науки свидетельствует, что генезис естественно-научной картины мира большей своей частью был связан преимущественно с развитием физики [1].

Физическая картина мира, с одной стороны, обобщает все ранее полученные знания о природе, а с другой стороны — вводит в физику новые философские идеи и обусловленные ими понятия, принципы и гипотезы, которых до этого не было и которые коренным образом меняют основы физического теоретического знания. При этом старые физические понятия и принципы ломаются, новые возникают, картина мира меняется.

Ключевыми понятиями физической картины мира являются: материя, движение, физическое взаимодействие, пространство и время, причинно-следственные связи в мире и их отражение в форме физических законов, место и роль человека в мире. Важнейшим из них является понятие материи. Поэтому революции в физике всегда связаны с изменением представлений о материи. В истории физики Нового времени это происходило дважды. В XIX веке был совершен переход от утвердившихся к XVII веку атомистических, корпускулярных представлений о материи к полевым (континуальным). В XX веке континуальные представления были заменены современными квантовыми. Поэтому можно говорить о трех последовательно сменявших друг друга физических картинах мира.

В истории развития науки можно выделить три четко и однозначно фиксируемые радикальные смены научной картины мира, научных революций.

Обычно их принято персонифицировать по именам трех ученых, сыгравших наибольшую роль в происходивших изменениях.

1. Аристотелевская (VI–IV вв. до н. э.). В результате этой научной революции возникла сама наука, произошло отделение науки от других форм познания и освоения мира, созданы определенные нормы и образцы научного знания. Наиболее полно эта революция отражена в трудах Аристотеля. Он создал формальную логику, т. е. учение о доказательстве — главном инструменте выведения и систематизации знания, разработал категориально понятийный аппарат. Он утвердил своеобразный канон организации научного исследования (история вопроса, постановка проблемы, аргументы за и против, обоснование решения), дифференцировал само знание, отделив науки о природе от математики и метафизики

2. Ньютоновская научная революция (XVI–XVIII вв.). Ее исходным пунктом считается переход от геоцентрической модели мира к гелиоцентрической. Этот переход был обусловлен серией открытий, связанных с именами Н. Коперника, Г. Галилея, И. Кеплера, Р. Декарта, И. Ньютона, подвел итог их исследованиям и сформулировал базовые принципы новой научной картины мира в общем виде.

Основные изменения:

- Классическое естествознание заговорило языком математики, сумело выделить строго объективные количественные характеристики земных тел (форма, величина, масса, движение) и выразить их в строгих математических закономерностях.
- Наука Нового времени нашла мощную опору в методах экспериментального исследования явлений в строго контролируемых условиях.
- Естествознание этого времени отказалось от концепции гармоничного, завершенного, целесообразно организованного космоса, по их представлениям Вселенная бесконечна и объединена только действием идентичных законов.
- Доминантой классического естествознания становится механика. Все соображения, основанные на понятиях ценности, совершенства, целеполагания, были исключены из сферы научного поиска.
- В познавательной деятельности подразумевалась четкая оппозиция субъекта и объекта исследования. Итогом всех этих изменений явилась механистическая научная картина мира на базе экспериментального математического естествознания.

3. Эйнштейновская революция (рубеж XIX–XX вв.). Ее обусловила серия открытий (открытие сложной структуры атома, явление радиоактивности, дискретного характера электромагнитного излучения и т. д.). В итоге была подорвана важнейшая предпосылка механистической картины мира — убежденность в том, что с помощью простых сил, действующих между неизменными объектами, можно объяснить все явления природы [5].

Выдвижение на передний край естествознания биологических проблем, а также особая специфика живых систем дали повод целому ряду ученых заявить о смене лидера современного естествознания. Если раньше таким бесспорным лидером считалась физика, то теперь в таком качестве все больше выступает биология. Основой устройства окружающего мира теперь признается не механизм и машина, а живой организм. Однако многочисленные противники такого взгляда не без основания заявляют, что поскольку живой организм состоит из тех же молекул, атомов, элементарных частиц и кварков, то по-прежнему лидером естествознания должна оставаться физика.

По-видимому, вопрос о лидерстве в естествознании зависит от множества разнообразных факторов, среди которых решающую роль играют значение лидирующей науки для общества, точность, разработанность и общность методов ее исследования, возможность их применения в других науках. Несомненно, однако, что самыми впечатляющими для современников являются наиболее крупные открытия, сделанные в лидирующей науке, и перспективы ее дальнейшего развития. С этой точки зрения биология второй половины XX столетия может рассматриваться как лидер современного естествознания, ибо именно в ее рамках были сделаны наиболее революционные открытия.

Научно-техническая революция, развернувшаяся в последние десятилетия, внесла много нового в наши представления о естественно-научной картине мира. Возникновение системного подхода позволило взглянуть на окружающий нас мир как на единое, целостное образование, состоящее из огромного множества взаимодействующих друг с другом систем. С другой стороны, появление такого междисциплинарного направления исследований, как синергетика, или учение о самоорганизации, дало возможность не только раскрыть внутренние механизмы всех эволюционных процессов, которые происходят в природе, но и представить весь мир как мир самоорганизующихся процессов. Главное достижение синергетики и возникшей на ее основе новой концепции самоорганизации состоит в том, что они помогают взглянуть на природу как на мир, находящийся в процессе непрестанной эволюции и развития [2].

Картина мира, рисуемая современным естествознанием, необыкновенно сложна и проста одновременно.

Сложна, потому, что способна поставить в тупик человека, привыкшего к согласующимся со здравым смыслом классическим научным представлениям.

Идеи начала времени:

- корпускулярно-волновой дуализм квантовых объектов;
- внутренняя структура вакуума, способная рождать виртуальные частицы, и другие подобные новации придают нынешней картине мира немножко «безумный» вид. (Впрочем, когда-то мысль о шарообразности Земли тоже выглядела совершенно «безумной»).

Но в то же время эта картина величественно проста, стройна и где-то даже элегантна. Эти качества ей придают в основном уже рассмотренные нами ведущие принципы построения и организации современного научного знания:

системность, глобальный эволюционизм, самоорганизация, историчность. Данные принципы построения научной картины мира в целом соответствуют фундаментальным закономерностям существования и развития самой Природы [2].

Системность означает воспроизведение наукой того факта, что Вселенная предстает как наиболее крупная из известных нам систем, состоящая из огромного множества элементов (подсистем) разного уровня сложности и упорядоченности. Под системой обычно понимают некое упорядоченное множество взаимосвязанных элементов. Эффект системности обнаруживается в появлении у целостной системы новых свойств, возникающих в результате взаимодействия элементов (атомы водорода и кислорода, например, объединенные в молекулу воды, радикально меняют свои обычные свойства). Другой важной характеристикой системной организации является иерархичность, субординация — последовательное включение систем нижних уровней в системы более высоких уровней. Системный способ объединения элементов выражает их принципиальное единство: благодаря иерархичному включению систем разных уровней друг в друга каждый элемент любой системы оказывается связан со всеми элементами всех возможных систем. Именно такой принципиально единый характер демонстрирует нам окружающий мир. Подобным образом организуются и научная картина мира, и создающее ее естествознание. Все его части ныне теснейшим образом взаимосвязаны — сейчас уже нет практически ни одной «чистой» науки. Все пронизано и преобразовано физикой и химией.

Самоорганизация — наблюдаемая способность материи к самоусложнению и созданию все более упорядоченных структур в ходе эволюции. Механизм перехода материальных систем в более сложное и упорядоченное состояние, по-видимому, сходен для систем всех уровней. Эти принципиальные особенности современной естественно-научной картины мира и определяют в главном ее общий контур, а также сам способ организации разнообразного научного знания в нечто целое и последовательное. Однако есть еще одна особенность современной научной картины мира, отличающая ее от прежних вариантов. Она заключается в признании историчности, а следовательно, принципиальной незавершенности настоящей, да и любой другой научной картины мира [3].

Литература

1. Анцупов А.Я., Шитлов А.И. Словарь конфликтолога. М.: ЭКСМО, 2009. 526 с.
2. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС, 1997. 288 с.
3. Планк М. Единство физической картины мира. М.: УРСС, 1997. 288 с.
4. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 2012. 421 с.

Интернет-ресурсы

5. Архипкин В.Г., Тимофеев В.П. Учебное пособие по дисциплине «Концепция современного естествознания». Красноярск: Изд-во Красноярского государственного

технического университета, 2002. 320 с. URL: <http://kirensky.ru/ru/knews/studentam-i-aspirantom/natural>.

6. *Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П.* Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 2011. 380 с. URL: <http://www.any-book.ru/book/show/id/1537563>, свободный.

Literatura

1. *Ancupov A.Ya., Shipilov A.I.* Slovar' konfliktologa. M.: E'KSMO, 2009. 526 s.

2. *Kapicza S.P., Kurdyumov S.P., Malineczkij G.G.* Sinergetika i prognozy' budushhego. M.: URSS, 1997. 288 s.

3. *Plank M.* Edinstvo fizicheskoy kartiny' mira. M.: URSS, 1997. 288 s.

4. *Stepin V.S., Goroxov V.G., Rozov M.A.* Filosofiya nauki i texniki. M.: Kontakt-Al'fa, 2012. 421 s.

Internet-resursy'

5. *Arxipkin V.G., Timofeev V.P.* Uchebnoe posobie po discipline «Konceptiya sovremennogo estestvoznaniya». Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gosudarstvenno-tekhnicheskogo universiteta, 2002. 320 s. URL: <http://kirensky.ru/ru/knews/studentam-i-aspirantom/natural>.

6. *Karpinskaya R.S., Liseev I.K., Ogurczov A.P.* Filosofiya prirody': koe'volyucionnaya strategiya. M.: Interpraks, 2011. 380 с. URL: <http://www.any-book.ru/book/show/id/1537563>, svobodny'j.

N.V. Zybina

The Genesis of the Natural and Scientific Picture of the World

The article is devoted to the problems of genesis of the natural and scientific picture of the world. The author notes, that the development of science by no means can not be reduced to a mere accumulation of facts and even the generalization of facts, i.e. to what is called a cumulative process. Everyone always seeks to explain the facts by means of hypotheses and theories. Among them, at any given period there extends the most general or fundamental theory, which serves as a paradigm or a model for explanation of the well-known facts and predictions of unknown events.

Keywords: natural and scientific picture of the world; scientific picture of the world; natural science; genesis; physical picture of the world; scientific revolution; scientific and technological revolution; synergetics.

А.Р. Дзиов

Студент и наука: воспитание творчеством

В статье рассматривается проблема активизации творческой активности и индивидуального творческого мышления студентов в условиях информационного общества. Отмечается губительное влияние практицизма и однобокой ориентированности на достижение материального благополучия на состояние научно-исследовательского интереса студенчества. Аргументированно объясняется необходимость восстановления и дальнейшего развития общероссийской системы научно-технического творчества студентов на основе инновационных программ повышения качества профессионального образования, учета его взаимозависимости с экономикой страны и ее отдельных регионов.

Ключевые слова: российское студенчество; система научно-технического творчества; информационное общество.

В социализации современного студенчества особое значение приобретает формирование и развитие научной активности, развитие индивидуального творческого мышления студентов путем сквозной научно-исследовательской работы. Научно-исследовательскую работу студентов (НИРС) следует рассматривать как высшую форму трудовой активности студента, как логическое и творческое продолжение и в какой-то степени завершение его учебно-профессионального труда. Это — важнейший фактор трудового, профессионального, экономического и духовно-нравственного становления будущих специалистов, их творческой и социальной зрелости. Сами студенты считают, что НИРС способствует выработке умения работать с научной литературой, каталогами и справочниками, свободно ориентироваться в Интернете и потоках разнообразной информации. Научный поиск способствует рациональному планированию бюджета времени, более глубокому усвоению изучаемых курсов, формирует умения и навыки в постановке проблем и разрешении противоречий, умению логически и критически мыслить, делать самостоятельные выводы [1: с. 132–137.].

Исследовательский подход позволяет студенту видеть перспективы развития страны, хозяйства, своей отрасли и специальности, сформулировать, предложить и выполнить социальный и научно-производственный заказ, начиная от генерации идеи до сдачи действующего образца и его внедрения.

По данным Росстата, численность населения, занятого в экономике, в 2011 году составляла 70 732 тыс. человек. В этот же период численность персонала, занятого исследованиями и разработками, составила 735 273 человек, что соответствует более 1 % от численности населения, занятого в экономике. Собственно же состав исследователей в 2011 году насчитывал 374 791 человек (или 0,52 % от численности занятого населения). Менее трети из них имели ученую степень, в том числе доктора наук — 27 675 человек (или 7,4 % от численности всех исследователей) и кандидата наук — 81 818 человек (или 21,8 % от численности всех исследователей) [4].

По абсолютным масштабам кадровый потенциал науки Россия продолжает сохранять одно из ведущих мест в мире, уступая лишь Китаю, США и Японии. В сопоставлении с другими странами по доле исследователей в общей численности научного персонала в 2000–2013 годах место России определяется между Италией (43 %) и Германией (59 %), находясь в интервалах 48–51 % [6].

Во многих научных публикациях констатируется, что в ряде научных направлений отставание от мировых лидеров увеличилось в связи с исчерпанием имевшихся ранее научных заделов. При этом с каждым годом все сильнее ощущается нехватка профессиональных молодых научных, научно-педагогических и инженерно-технических кадров, способных прийти на замену стареющим кадрам. Во весь рост встает задача не только сохранения, но и воспроизводства научных и научно-педагогических кадров для отечественного научно-технологического комплекса. Процесс сохранения и воспроизводства кадрового потенциала науки должен обеспечивать плавную смену поколений исследователей без потери накопленного потенциала и преемственность в развитии отечественных научных школ.

Современные глобальные вызовы проецируются на российский профессионально-образовательный и научно-технологический комплекс развитием следующих тенденций:

- обострением конкуренции в сфере исследований и разработок в мировом масштабе;
- возрастанием значения человеческого капитала в качестве важнейшего ресурса;
- качественными изменениями в структуре исследований и разработок в связи с переходом к новому шестому технологическому укладу, в том числе, усилению конвергенции технологий, формированию на этой базе в странах-лидерах нового технолого-экономического «ядра», что должно способствовать динамичному развитию новых направлений научных исследований и ускоренному развитию мультидисциплинарных научных исследований.

В современном мире нарастает острая конкурентная борьба в научно-технической сфере за высококвалифицированные кадры. Россия понесла в этой сфере невосполнимые потери, не сумела воспользоваться своим значительным научным заделом и преимуществами советской науки. В стране сокращается численность персонала, занятого в секторе исследований и разработок. Продолжается отток ученых за границу, в страны с более благоприятными условиями для жизни и занятий научной деятельностью.

В первое пореформенное десятилетие не только ослабла, но практически была свернута прежняя система научно-исследовательской работы студентов. К числу отрицательных факторов, наносящих в последние годы репутационный удар по системе подготовки студентов, аспирантов и докторантов, относится масштаб распространенности плагиата, поразивший высшую школу в ее творческом начале. Студент стал выступать как приложение к Интернету. Практически открыто в Интернете функционирует рынок по изготовлению и продаже рефератов, курсовых и дипломных работ и даже диссертаций. Фактически это означает девальвацию вузовского диплома, научных степеней и званий.

В науке происходит процесс обновления научных кадров, но вопрос закрепления молодежи в науке со студенческой скамьи остается открытым. Для начинающих исследователей, приходящих в науку, помимо профессиональной привлекательности научных исследований по выбранной научной дисциплине, весьма актуальными являются проблемы, связанные с обеспеченностью жильем; возможностью быстрого продвижения по карьерной лестнице; достойной оплатой труда и наличием в научных организациях современной лабораторной базы. Во многом от их решения будет зависеть, насколько успешно адаптируются в отечественной науке молодые кадры.

В настоящее время многоплановая задача подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации фактически сведена в рамках института аспирантуры к более узкой задаче — выполнению конкретных научных исследований в определенной научно-предметной сфере в форме диссертации. По существу, отброшена за «ненужностью» одна из важнейших функций аспирантуры — образовательная. Для повышения уровня профессиональной подготовки аспирантов и создания системы действенного контроля за их обучением целесообразно formalизовать технологию послевузовского профессионального образования на принципах регулярного и систематического обучения. Это обуславливает настоятельную необходимость разработки и введения в действие государственного образовательного стандарта послевузовского профессионального образования. При этом необходимо обеспечить преемственность отдельных звеньев системы образования, основанной на единых сопряженных образовательных стандартах различных ступеней вузовской и послевузовской профессиональной подготовки. Послевузовское профессиональное образование должно характеризоваться высокой степенью диверсификации и индивидуализации структуры комплексной подготовки исследователя к изменяющимся условиям профессиональной деятельности [3].

В настоящее время наиболее развитые государства концентрируют у себя свыше 90 % мирового научного потенциала и контролируют около 80 % глобального рынка наукоемких технологий. Они интенсивно создают новую технологическую базу, основанную на новейших открытиях и достижениях в области биотехнологий, информатики, нанотехнологий и др. Действительно, на современном этапе научно-технического и технологического обновления производства возрастает роль информационного ресурса. Основу информатизации общества в сравнении с индустриальным этапом составляют в перспективе не традиционные материальные ресурсы, которые к тому же имеют свои пределы и во многом исчерпаны, а информационные факторы, интеллектуальные способности людей, их свободная инициатива, творчество. В информатизацию производства входит компьютеризация как ее техническая база. Интеллектуально-информационный фактор становится решающим в системе производства, обеспечивает фазовый переход знаний в «силу», прямую материализацию знания посредством вещественно-энергетических и трудовых процессов в едином научно-производственном цикле. Нарастает скорость изменения ряда ключевых мирохозяйственных тенденций, обусловленная активизацией инновационной деятельности. В условиях глобализации тиражирование инноваций, их освоение в сфере производства идет настолько стремительно, что зачастую происходящие перемены трудно зафиксировать. Основным направлением инновационной активности становится сфера услуг — информационных, финансовых, инженерно-конструкторских, медицинских и социальных технологий.

Сегодня наука широко оперирует понятием «информационное общество». Применительно к студенчеству и социальному институту высшей школы оно имеет самое непосредственное отношение. Это важная, но лишь одна из сторон и характеристик в понимании сути того общества, в котором мы живем, в понимании тех или иных качественных изменений, которые в нем происходят. Но при всей своей возрастающей роли информационный аспект не дает нам понимания целостности и качественных параметров сущностного изменения общества.

В целях повышения самостоятельности и активности личности в учебно-познавательной деятельности и ее саморазвитии использование информационного ресурса в современных образовательных технологиях требует все большего уплотнения информации и увеличения скорости ее обработки. Гераклитовский вывод о том, что многознание уму не научает, подтверждается всем лавинообразным информационным потоком. «Яндекс» и «Гугл» еще никого не сделали умнее, тем более — добрее, совестливее и, наконец, счастливее.

В практическую плоскость должна быть поставлена проблема восстановления и дальнейшего развития общероссийской системы научно-технического творчества студенческой молодежи на новой основе, в новых социально-экономических реалиях. Взять, к примеру, один из современных информационно-

технологических феноменов — Интернет. Студенты черпают необходимую информацию, минуя привычные и официальные средства и каналы массовой информации. Банк доступных учебных материалов содержит сотни тысяч рефератов, курсовых и дипломных работ, шпаргалок и докладов по самым различным предметам. В связи с этим снижается удельный вес студентов, систематически и самостоятельно работающих в библиотеках и читальных залах. Широкое распространение получила «скачка» контрольных работ, курсовых, рефератов и даже дипломных работ прямо из Интернета.

Требуется свободное, умелое и ответственное использование широких возможностей новой информационно-технологической системы. Интернет — дополнительный мощный, хотя и внутренне противоречивый ресурс, дающий возможность для активизации учебно-познавательной деятельности и творческого развития студента. Конечно, практицизм, оборотистость и установка на жизненный успех, понимаемый только в ракурсе материального благополучия и соответствующего социального статуса, значительно ослабили и понизили установку студентов на занятия наукой.

Стабилизация и оздоровление социально-экономического положения способствует восстановлению традиционного для нашего студенчества интереса к научному творчеству и повышению пошатнувшегося на время престижа науки. Об этом убедительно свидетельствует масштабный проект старейшего российского вуза — МГТУ им. Н.Э. Баумана по реализации первой научно-социальной программы в новой России, начатой уже в далеком и тяжелом 1991 году. На первое мероприятие этой программы под названием «Шаг в будущее» — политехнический коллоквиум — приехали всего 72 школьника. Сейчас же этой программой охвачено около ста пятидесяти тысяч молодых людей [5].

В нашей стране положено начало развитию интегрированных образовательных систем, которые в перспективе могут объединить учебные заведения различных ступеней с научными центрами и производственными предприятиями.

В целях воспроизводства кадров в научно-образовательной сфере обеспечения межведомственной координации мер государственной поддержки и социальной защиты кадров науки и высшего образования была осуществлена разработка и реализация Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

Серьезным стимулом развития инновационной деятельности студенчества в системе высшего образования стала реализация инновационных программ в рамках приоритетного национального проекта «Образование». Основной акцент в нем был сделан на повышение качества профессионального образования, его взаимозависимости с экономикой страны и отдельных регионов. Большинство вузов-победителей благодаря значительным бюджетным средствам смогло существенно усилить инновационный компонент, связанный с разработкой и коммерциализацией научно-технологических новшеств. Произошел рост затрат на исследования и разработки в секторе высшего

профессионального образования. Удельный вес исследований, выполняемых в секторе высшего образования, увеличился с 4,6 % в 2000 году до 9 % в 2011 году. В начатой реорганизации РАН ее смысловое ядро должно составить не отчуждение науки от имущества, земли и финансов, а создание механизма и организация структуры, связывающей науку с отраслями промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы, особенно в ее тесной связи с высшей школой и развертыванием научно-технического творчества молодежи. Это будет способствовать ускоренному и наиболее эффективному внедрению практических результатов научной деятельности в жизнь страны. Совместно с Российской академией наук и Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров» предприняты определенные меры по развитию системы отбора, подготовки и привлечения к научной деятельности талантливой молодежи, поддержки научно-технического творчества школьников, студентов и молодых ученых, а также по расширению участия регионов в данной работе. Так, возобновлен ежегодный межведомственный открытый конкурс на лучшую научную работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам в вузах России, который проводится с 1972 года (конкурс НИРС). По его итогам более 1200 студентов и курсантов удостоиваются медалей и дипломов Министерства образования и науки.

Сегодня имеются весьма существенные различия между учебной и научно-исследовательской работой студентов. И они сохраняются еще длительное время. В перспективе, по своей направленности и сути, они должны составить единый учебно-исследовательский процесс при все большем сближении по характеру, содержанию и форме этих двух основных видов академической деятельности студентов. И главное здесь — в качественных сдвигах студенческого труда. Необходима перестройка учебно-методической работы, иной характер должны приобрести лекции, семинарские занятия, лабораторные работы, производственная практика, курсовые и дипломные работы должны быть наполнены исследовательскими элементами. Весьма поучительные советы и практические рекомендации молодым исследователям содержатся в монографии «Культура научного творчества», имеющей занимательный подзаголовок «О чем не пишут в учебниках» [2:]. Научные кружки, а это наиболее массовая форма приобщения студентов к научному творчеству, в перспективе должны перерасти в исследовательские проблемные группы.

Поле научных проблем, тем, подтем и узловых вопросов в их содержательном и организационном аспектах определяют их координацию на вузовском уровне, отраслевом и региональном разрезе, выстраивает систему НИРС в целом. К настоящему времени созданы первые предпосылки к восстановлению и актуализации системы научно-технического творчества студентов. Россия была и должна оставаться духовно-интеллектуальным лидером современного мира — в этом состоит сверхзадача развертывания масштабной и полной системы научно-технического творчества молодежи и студенчества.

Литература

1. *Ветошкин А.П.* Место и роль студенчества в развитии социалистического общества. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 204 с.
2. *Карпов А.О.* Научное образование в современной школе // Народное образование. 2004. № 9. С. 47–56.
3. *Пахомов С.И., Аристер Н.И., Венковский Н.У.* Послевузовское профессиональное образование: состояние, проблемы и тенденции развития // Высшее образование сегодня. 2009. № 12. С. 8–16.
4. Российский статистический ежегодник 2012: Статистический сборник. М.: Росстат, 2013. 717 с.
5. *Садовская В.С.* Культура научного творчества. М.: Наука, 2012. 94 с.
6. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утвержден Председателем Правительства Российской Федерации 23 марта 2013 г. ДМ-П13-1795). URL: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: 19.04.2015).

Literatura

1. *Vetoshkin A.P.* Mesto i rol' studenchestva v razvitii socialisticheskogo obshhestva. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1986. 204 s.
2. *Karpov A.O.* Nauchnoe obrazovanie v sovremennoj shkole // Narodnoe obrazovanie. 2004. №. 9. S. 47–56.
3. *Paxomov S.I., Arister N.I., Vinskovskij N.U.* Poslevuzovskoe professional'noe obrazovanie: sostoyanie, problemy' i perspektivy' razvitiya // Vy'sshee obrazovanie segodnya. 2009. № 12. S. 8–16.
4. Rossiyskiy statisticheskiy yezhegodnik 2012: Statisticheskiy sbornik. Moskva: Rosstat, 2013. 717 s.
5. *Sadovskaya V.S.* Kul'tura nauchnogo tvorchestva. M.: Nauka, 2012. 94 s.
6. Prognoz dolgosrochnogo social'no-e'konomicheskogo razvitiya na period do 2030 goda (utverzhdzen Predsedatelem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii 23 marta 2013 g. DM-P13-1795). URL: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (data obrashheniya: 19.04.2015).

A.R. Dziov

Student and Science: Upbringing by Means of Creativity

The article considers the problem of activation of creative activity and the individual creative thinking of students in conditions of information society. The author notes the detrimental effect of practicality and one-sided focus on achieving financial well-being on the state of scientific and research interest of the students. The author reasonably explains the need of restoration and further development of nationwide system of scientific and technical creativity of students on the basis of innovative programs of improvement of the quality of vocational education, taking into account its interdependence with the economy of the country and its individual regions.

Keywords: Russian students; the system of scientific and technical creativity; information society.

С.В. Чёрненькая

Гипертекст как способ организации учебного материала

В статье анализируется гипертекст как одна из информационных технологий, применяемых в учебном процессе, выделяются особенности его построения и восприятия.

Ключевые слова: гипертекст; интенциональность; интертекстуальность.

Факт, что организация учебного процесса прямо влияет на его эффективность, не оспаривается никем, тем не менее этот вопрос при обсуждении проблем преподавания философии, как правило, не поднимается. Современное требование обязательного использования информационных технологий в преподавании философии, в истории которой имеются веками сложившиеся и проверенные временем традиции подачи учебного материала (диалоги Сократа, вопросы учеников и ответы Учителя в школе Конфуция и др.), поднимает проблему представления учебного курса философии в информационном пространстве современного образования. Нужно отметить, что широкое применение информационных технологий в дидактических целях совмещается в нашем образовании с отсутствием теоретического рассмотрения сущности этого процесса, его влияния на обучающихся. Компьютеризация образования оказалась не теоретико-методологической проблемой, а конкретно-практической задачей [1]. В частности, гипертекст как один из способов подачи электронного текста до сих пор не является в нашей стране объектом ни лингвистического, ни философского анализа, соответственно не выявлены категории, принципы, составляющие его специфику (отличие от традиционного письменного текста), особенности восприятия, при том, что электронные, гипертекст прежде всего, способы организации и подачи информации принципиально меняют характер коммуникативных процессов. Имея опыт работы с учебными гипертекстами по философии, хотелось бы остановиться на специфике создания учебных гипертекстов.

Гипертекст — это электронный способ подачи письменного текста на экран монитора компьютера. Возникнув как техническое средство, он превращается в самостоятельный способ существования информации, имеющий свои особенности. Следует отметить, что использование гипертекстов в учебном процессе является *всегда дополнительным, вспомогательным средством*. В рамках аудиторных занятий гипертекст, как и другие информационные технологии, является скорее фоновым средством. Тем не менее гипертекст более, на наш взгляд, нежели другие формы организации учебного материала, позволяет учитывать особенности философского знания, стимулировать активность студентов.

Гипертекст представляет нелинейный, дискретный текст, распадающийся на фрагменты, которые выступают самостоятельными композиционными единицами. Естественно, что они снабжены определенной системой поиска и доступа к информации. Традиционный печатный текст также обладает некоторой структурой в соответствии со своей жанровой спецификой (главы, параграфы, абзацы и т. д.), имеет определенную систему доступа к ним (оглавление и т. д.). Специфика гипертекста — он не имеет жесткого направления в развертывании информации, точнее, оно не задается только автором, а определяется в большей степени самим читателем. Интерес читателя, его свободный выбор организуют порядок следования единиц текста, соответственно устанавливая контекстные связи, конструирующие смысл. Традиционный книжный текст позволяет вернуться к уже прочитанному, забежать вперед, но последовательность составляющих текст языковых единиц читатель изменить не может. Идеология гипертекста позволяет совместить замысел автора с интересами читателя. Таким образом, гипертекст принципиально меняет процесс порождения и восприятия информации, соотношение автора и читателя, применение его в учебных целях создает новые возможности для организации и понимания учебного материала.

Следует отметить, что гипертекст — это не просто сумма отдельных текстов. Попытки непосредственно конвертировать печатные тексты в гиперсреду, как правило, не удаются [6], что связывают с имплицитностью структуры печатного текста. В гипертексте важна соотносимость его отдельных частей друг с другом. Разработка алгоритмов такого соотнесения и составляет специфику гипертекста.

Гипертекст — автор

Гипертекст обладает собственными правилами построения информационного пространства — весь объем информации должен быть изложен в виде небольших законченных текстов, снабженных системой ссылок. Необходимость реализовать в гипертексте два его структурных элемента, с одной стороны, налагает определенные ограничения на сам процесс создания текста, с другой — автор текста начинает мыслить его категориями.

Автор не может предугадать перемещения читателя, следовательно, гипертекст должен содержать множество ходов и выходов, быть насыщен внутренними связями. Деятельность автора сводится не просто к определенному структурированию текста, а к гипертекстовой интерпретации исходной информации. Гипертекст есть потенциально открытый текст, он может быть дописан как самим автором, так и читателем. Такое дополнение, расширяя информационное пространство текста, в то же время не нарушает, не изменяет его структуру, целостность. Важно, что любой открытый текст, в первую очередь создаваемый в учебных целях, не может быть произвольно использован читателем или слушателем. Открытый текст часто определяют как «текст в движении» (У. Эко). Но это движение направляется структурой текста, в то же время предполагая свободное перемещение читателя по тексту. «Открытость» учебного гипертекста, значимость субъективного фактора в интерпретации предложенного материала «не устраняет» автора.

Сделав экскурс в философию Средних веков, можно вспомнить о теории аллегории, которую развивали св. Иероним, Августин, Беда Достопочтенный, Иоганн Скот Эриугена, Бонавентура, Фома Аквинский и другие. Данная теория утверждала возможность чтения и толкования Священного Писания (а позже в эпоху Возрождения — и произведений искусства) не только в буквальном смысле, но и в трех других: моральном, аллегорическом, анагогическом (мистическом). Читатель в зависимости от духовного состояния мог «выбрать» одну из возможных интерпретаций. Но предлагаемые интерпретации были четко определены и не позволяли произвольного толкования Св. Писания. Учебный гипертекст выступает способом организации учебного материала, соответственно фигура преподавателя, автора гипертекста, выступает направляющей.

Гипертекст — читатель

Гипертекст позволяет излагать вопросы, выявляя их сложность, противоречивость, неоднозначность подходов к решению, сопоставляя и противопоставляя их. Организуя учебный материал, мы можем рассмотреть вопрос и в историческом, и в социально-культурном, и в отвлеченно-теоретическом аспекте, показать его развитие и логику, обоснованность решения вопроса в тот или иной период, при этом информационно не перегружая курс. Используя систему ссылок, можно учитывать уровень подготовки студентов, специфику института и т. д. Допустим, в лекции по социальной философии текст, выведенный на экран, распадается на три части (фреймы), каждая из которых представляет собой самостоятельный текст. Эти фрагменты существуют самостоятельно и изолированно, отделены друг от друга, и в то же время одновременное присутствие на экране различных текстовых фрагментов предполагает возникновение контекстных связей между ними.

Лекция - Microsoft Internet Explorer

Тема лекции:

Проблема общества в философии

Структура лекции

1. Постановка проблемы
2. Понятие социального
3. Феномен деятельности
 - 3.1 Специфика деятельности
 - 3.2 Потребности и интересы
4. Проблема общества
5. Функционирование общества
6. Выводы
7. Основные понятия

Постановка проблемы

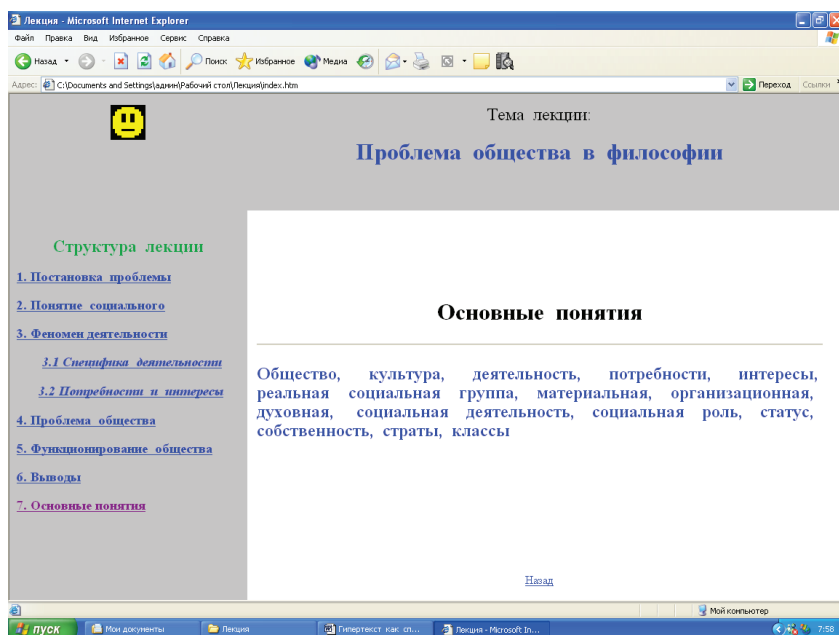
Философия(социальная философия) рассматривает общество как форму коллективного взаимодействия людей, выявляя законы его функционирования, а также действия отдельного индивида как социального существа.

Одним из основных в социальной философии является понятие социального.

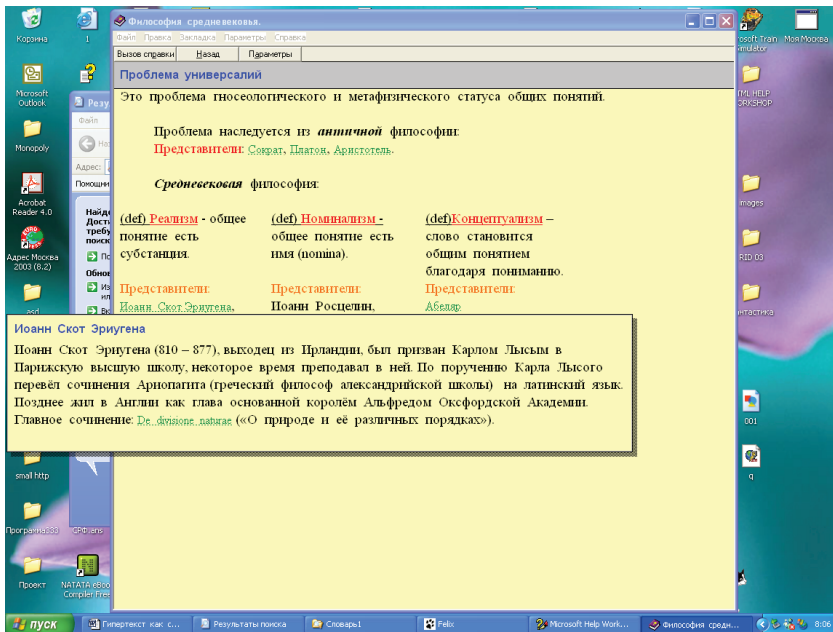
[Далее](#)

Пуск | Мои документы | Лекция | Интернет как... | Лекция - Microsoft In... | 7:56

Мы видим проблему, рассматриваемую в лекции, — общество как объект философского анализа; узловые моменты анализа — структуру лекции, и основной текст в виде тезиса, выявляющий содержание одного из вопросов лекции. Дальнейшее развертывание материала в данном случае намечено путем выделения либо определенных понятий в главном текстовом фрагменте, либо в акцентировании структурных элементов лекции. Представляется важным показать студентам структуру изучаемой темы и последовательность изложения вопросов, выделить понятийный каркас, зависимость значения понятия от контекста употребления. Содержание основных понятий может быть раскрыто по ходу лекции либо в завершении лекции следует остановиться на каждом или на определенных понятиях.

Рассматривая тот или иной вопрос, мы выявляем его содержание: допустим, в лекции по средневековой философии — средневековую проблему универсалий как проблему статуса общих понятий в средневековой культуре. При необходимости делаем экскурс в Античность (различие подходов к данному вопросу у Платона и Аристотеля); наведя курсор на имя Платона, Аристотеля, студент может получить информацию о данных философах в связи с изучаемым вопросом, выделив курсором их основные работы, упоминаемые в тексте по данному вопросу, — информацию о содержании этих сочинений. Указав различные подходы к проблеме универсалий в Средневековье (реализм, номинализм, концептуализм), можно остановиться на современном подходе к проблеме и т. д.

Гипертекст в силу нелинейного построения информации позволяет выявлять и детализировать, уточнять, расширять, в зависимости от цели преподавателя или студента, определенный материал. В печатном тексте структура имплицитна, гипертекст дает практически неограниченные возможности ее экспликации. Работая с линейным текстом, студент выстраивает, структурирует материал определенным образом. Гипертекст уже структурирован. Но эксплицитность представления структуры не упрощает восприятие текста, скорее наоборот, студент может дополнять текст, встраивать в него свои комментарии и т. д. Гипертекст «материально» реализует диалог автора и читателя: переход читателя от одних единиц текста к другим, их корреляция определяется читательским интересом и позицией.

Автор — читатель

В условиях письменной коммуникации автор и его текст — начальное, определяющее звено. Гипертекст, меняя отношения автора и читателя, ослабляет «диктат» автора, требует соучастия читателя в организации информации. Усиливается творческая активность читателя, самостоятельность его позиции; если воспользоваться терминологией Г. Шпета, выделявшего пассивную и активную интерпретацию, осуществляется последняя. При рассмотрении гипертекста можно использовать категории *интенциональности* и *интертекстуальности*.

В печатном тексте, как правило, один предмет авторского описания и анализа; в гипертексте, в том числе и учебном, может возникнуть явление множественной интенции. Студентам предлагается заверченный материал

(что не отрицает его открытости), который должен быть воспринят определенным образом, но поскольку студенты вовлекаются во взаимодействие с преподавателем в рамках информационного пространства, то такое соучастие неизбежно привносит в гипертекст их интересы, точки зрения, жизненный (а возможно, и профессиональный) опыт. Но следует отметить, что семантические связи между структурными элементами гипертекста не позволяют принципиального изменения проблематики текста, смысла высказывания, замены его на противоположный. Выявление различных точек зрения, с которых текст может быть воспринят и понят, модифицирует и обогащает содержание гипертекста без ущерба для начального «смыслового» ядра. Интертекстуальность проявляется во взаимосвязях текстовых единиц, с одной стороны, и текста с различными метатекстами, с другой. Гипертекст явно, «зримо» демонстрирует плюральность нашего понимания, явление множественности интерпретации текста и в то же время границы возможной интерпретации, соотношения текста с контекстом.

При создании учебных гипертекстов основным вопросом является определение семантики информационного пространства. Этот вопрос сегодня остается открытым. Преподаватель исходит из определенного понимания содержания предмета и собственного опыта изложения данного материала. Построение учебного гипертекста требует учитывать природу, особенности излагаемого материала и особенности его восприятия. Если при подготовке учебного материала мы некоторое содержание преобразуем в определенное выражение, то при восприятии текста план выражения переходит в план содержания. Здесь каждый преподаватель «практически» сталкивается с проблемой «герменевтического круга» в рассуждении, проблемой соотнесения понимания и изложения определенного материала. Мы излагаем материал в зависимости от того, как его понимаем. Понимание таким образом предшествует всякому грамматическому и логическому оформлению. В то же время понимаемый материал уже должен быть словесно, в том числе логически, оформлен. В герменевтике данный круг определяют как выражение двусторонности акта понимания, требующего для своего осуществления наличности говорящего и komponующего, с одной стороны, слушающего и понимающего, с другой. Герменевтический круг: чтобы понимать, нужно выделять логическое, логически оформить данный материал, но чтобы изложить логически материал, нужно его уже понимать, разрешается, если к понимаемому и излагаемому подходить не со стороны только формы, но и со стороны содержания, смысла. В одном из своих дневников Г.Г. Шпет писал: «Суть моего открытия заключается в осознании необходимости рассматривать явление со стороны его смысла, а не причинно-следственных связей» [4]. Если подойдем к понимаемому и излагаемому со стороны содержания, отмечал он, то убедимся, что речь идет не о двух разных содержаниях, а об одном и том же. Это содержание имеет свои формы, как присущие всякому содержанию, общие как со стороны понимания, так и со стороны изложения.

Формы изложения, по существу своему, оказываются формами внешними и направляются, как правило, внешними факторам: целями изложения и т. д. Формы понимания соответственно остаются внутренними, т. е. строятся, направляясь по самому смыслу. Формы изложения, как и понимания, могут определяться случайными, индивидуальными целями. Но философский анализ (и текст, в том числе учебный) предполагает, что, выбирая формы изложения, мы обращаемся к смыслу. Создавая учебный гипертекст, мы имеем дело с анализом содержания учебного материала. Фреймы, из которых состоит гипертекст, выступают смысловыми единицами, актуализация которых читателям (студентам) помогает понять содержание предложенного им материала.

Философия как теоретическая дисциплина требует, чтобы в соответствующих гипертекстах от одной самостоятельной информационной единицы к другой осуществлялся именно смысловой переход. Допустим, в приведенном выше примере проблема универсалий рассматривается в рамках проблематики средневековой философии, Аристотель и Платон выделены в рамках данного информационного поля в связи с проблемой универсалий. В процессе создания гипертекста можно заложить фреймы, которые будут актуализированы в ходе дальнейших лекций. Допустим, к средневековой проблеме универсалий можно вернуться в рамках изучения современной философии: проблемы соотношения мышления и языка, различных подходов к анализу текста, понимания слова в контексте, семантики и прагматики естественных и формализованных языков. Таким образом, информационные единицы выступают не как рядоположенные, а связанные в единое семантическое пространство, и гипертекст, сам по себе потенциально бесконечный, порождает лишь те интерпретации, которые предусмотрены его собственной стратегией. Образующийся смысловой каркас лекции, в рамках которого разъясняются учебные вопросы, помогает сформировать у студента целостное представление о предмете, систематизировать имеющиеся знания. Смысловые единицы требуют не только от преподавателя, но и от студентов определенного категориального развертывания мысли, выступая условиями и средствами их мышления, способствуют выработке навыков и склонности к рациональному, а не интуитивному построению рассуждений.

Литература

1. *Абрамова Н.Т.* Ценности образования, новые технологии и неявные формы знания // Вопросы философии. 1998. № 6. С. 58–66.
2. *Бу Геранзон.* Практический интеллект // Вопросы философии. 1998. № 6. С. 66–78.
3. *Войскунский А.Е.* Метафоры Интернета // ВФ. 2001. № 11. С. 64–79.
4. *Шнет Г.* Дневники (I) — из семейного архива (рукопись).
5. *Эко У.* От Интернета к Гуттенбергу // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 5–14.
6. *Hofmann M., Simon L.* Problemlusung Hypertext. Grundlagen, Entwicklung, Anwendung. Munchen, Wien, 1995.

Literatura

1. *Abramova N.T.* Cennosti obrazovaniya, novy'e tekhnologii i neyavny'e formy' znaniya // *Voprosy' filosofii.* 1998. № 6. S. 58–66.
2. *Bu Geranzon.* Prakticheskij intellekt // *Voprosy' filosofii.* 1998. № 6. S. 66–78.
3. *Vojskunskij A.E.* Metafor'y' Interneta // *VF.* 2001. № 11. S. 64–79.
4. *Shpet G.* Dnevnik (I) — iz semejnogo arxiva (rukopis').
5. *E'ko U.* Ot Interneta k Guttenbergu // *Novoe literaturnoe obozrenie.* 1998. № 32. S. 5–14.
6. *Hofmann M., Simon L.* Problemlusung Hypertext. Grundlagen, Entwicklung, Anwendung. Munchen, Wien, 1995.

S.V. Chiornenkaya

Hypertext as a Way of Organizing the Educational Material

The article analyzes the hypertext as one of the information technologies used in the educational process. The author allocates the peculiarities of its construction and perception.

Keywords: hypertext; intentionality; intertextuality.

Рахиль Наджафов

Место и роль философии исламского региона в эволюции европейской философии

В статье утверждается на основе обобщения результатов российских, западных и турецких ученых, что в основе многих философских идей и теорий, сформировавшихся в Европе до и после Ренессанса, находятся и занимают значительное место идеи и теории философов исламского культурного региона, снабдивших свои переводы важнейшими комментариями и трактовками, способствовавшими формированию новой философской атмосферы Запада.

Ключевые слова: Авиценна; авероизм; университеты Франции и Италии.

Из истории известно, что начиная с VIII века в культурном регионе ислама широко распространяется практика переводов памятников античной философии на восточные языки [14]. Активизация переводов произведений образцов античной философии, поначалу на сирийский*, а затем на арабский языки, в скорейшем времени способствовала большому оживлению в сфере науки и просвещения на Востоке и зарождению новой, пронизанной исламскими идеями, просветительской атмосферы.

По мнению английского исследователя К. Баттерворса, эта же ситуация намного позднее повторилась и на Западе. «Точно так же как античная философия ступила ногой на Восток, арабоязычные философы, врачеватели, математики, географы Востока, продолжившие и развившие античную философскую традицию, ступили ногой на Запад, привнеся сюда новую мысль, новое слово» [9: с. 80]. Согласно Баттерворсу и Уотту Монтгомери, хотя западный мир и не отказался от отсталой системы собственного философского мышления, не представлявшей

* Сирийский язык — уже с конца IX в. мертвый литературный язык, в основе которого лежал арамейский диалект говоривших по-арамейски христиан. С образованием арабского халифата сирийский язык сыграл роль передатчика между античной греческой наукой и арабской, так как сочинения греческих авторов в первый период (период правления Аббасидов, с 750 г.) переводились сирийскими христианами на арабский не с подлинника, а с сирийского языка.

особой ценности, и поначалу воспринял «в штыки» идеи восточных мыслителей, то позднее они пошли ему лишь на пользу. Античные философские произведения, по новому переосмысленные и снабженные комментариями восточных мыслителей, стали теперь переводиться на французский, английский языки. Переводчики обращались не только к античным авторам, но и к трудам восточных авторов, предлагавших великолепные произведения в области философии, математики, астрономии, химии, истории, географии, социологии и прочих научных направлений. К примеру, Б. Карлыга отмечает, что некто по имени Йоханна аль-Исбани перевел труд Ибн Сины «Мантык» («Логика»), с его помощью Гундиссалинус перевел также труд Авиценны «Аш-Шифа» («Книга Исцеления») и труд Аль-Газали «Макасид аль-фаласифа» («Намерения философов»), Герард де Кремона перевел несколько произведений Аль-Кинди. Эти примеры можно продолжить. Из сказанного становится ясно, что широкое распространение переводов арабоязычных авторов сыграло свою значительную роль в преддверии периода Возрождения [2: с. 24]. Вкратце это можно выразить так, что все то, что европейцы прочитали из оригинальных произведений Аристотеля и Платона, но не сумели осмыслить, они восприняли из трудов Ибн Сины, Ибн Рушда и уже на основе этого изложили свои философские воззрения. Здесь нужно отметить важный момент, заключающийся в том, что мусульманские философы не ограничивались лишь переводом античных философов, а анализировали их труды, дополняли и сопровождали их своими обширными комментариями, теориями и идеями, чем оживили чуть было не угасшее наследие античной цивилизации. Мы видим, что на большое число европейских философов, живших в XIII–XIV веках, широкое воздействие оказали труды мусульманских мыслителей. Абдуррахман Бадави отмечает, что Альберт Магнус (1207–1280), известный как Альберт Великий, в своих трудах обширно ссылаясь на Ибн Сину, заимствовал у него такие идеи и взгляды, как идея о Душе, идеи Деятельного Разума, Мира Разумов, взаимоотношений Творца и Человека и другие, а также пытался их исследовать. Фома Аквинский и Альберт Великий создали ряд произведений под влиянием идей Аль-Фараби [2: с. 12].

Философское направление *аверроизм*, непосредственно связанное с именем философа и общественного деятеля Ибн Рушда, стало в Европе независимым философским течением и сплотило вокруг себя множество последователей. Можно привести имена многих европейских философов, представляющих идеи данного направления. Из истории известно, что влияние Ибн Рушда на философские системы Западной Европы продолжалось довольно длительное время, до XVII века [14: с. 15]. В Европе Ибн Рушда знают как выдающегося комментатора и толкователя античной греческой философии. Таким образом, рассматривая период формирования западной мысли и ее направлений, можно заметить большее влияние Ибн Рушда (аверроизма), нежели идей Аль-Фараби и Ибн Сины. На протяжении двух-трех веков аверроизм оставался одним из влиятельных философских течений. Из множества

исследовательских работ на эту тему можно прийти к выводу о том, что аверроизм начинается с переводом комментариев Ибн Рушда к трудам Аристотеля, выполненных Мишелем Скоттом в 1228–1235 годах. Мишель Скотт служил астрологом при дворе короля Фридриха II в Палермо. Одним же из самых ярких представителей аверроизма являлся Сигер Брабантский (1235–1284). Широко исследовавшая эту проблему Г.В. Шевкина в своей работе «Сигер Брабантский и парижские аверроисты» отмечает, что в среде интеллигенции Парижского университета философию Ибн Рушда почитали за самую истину и отстаивали эти взгляды. Эти люди являлись сторонниками идеи Ибн Рушда о «двойственной истине» и наряду с философской истиной не отрицали существования и религиозной. Среди европейских философов, к примеру, монах *Жан де Жандун* в своих письмах критического содержания к Фоме Аквинскому убежденно отстаивал верность идей философии Ибн Рушда, называя последнего «покровителем или хранителем философии».

Ахмад Фуад аль-Ихвани, категорически отвергая критические доводы в адрес Ибн Рушда и высказываясь о ценности его заслуг и комментариев, отмечал, что отделение государства от церкви в Европе впоследствии возникло именно благодаря принципу Ибн Рушда о раздельности существований философской мысли и религиозной веры [16: с. 299].

Обосновавший эти взгляды в своих произведениях *Марсилий Падуанский* подчеркивал необходимость использования этих идей в политической науке. *Марсилий Падуанский* отмечал, что аверроизм подразумевает наличие одного начала у двух находящихся друг с другом в противоречии понятий, религиозном и философском. Аль-Ихвани, разъясняя трактовку Ибн Рушдом Аристотеля и выявляя всю сложность решения задачи, стоявшей перед Аверроэсом и прославившей его в Европе, пишет: «Однажды Ибн Рушд был тайно приглашен Ибн Туфейлем и поведал ему о трудностях, возникших у “Эмира правоверных” (подразумевается кордовский халиф) с пониманием Аристотеля и различных его переводов». Он пишет: «Если кто-нибудь собрал эти произведения, и хорошенько осмыслив, разъяснил бы всю их сущность, то он оказал бы этим неоценимую услугу людям, помогая понять эти труды». Ибн Туфейль, ссылаясь на преклонный возраст и свою занятость на служебном посту, попросил Ибн Рушда взять эту задачу на себя. Таким образом, Ибн Рушд начал писать комментарии к трудам Аристотеля. Это прославило его как комментатора, и эта грань его таланта стала наиболее известной в средневековой Европе. Эту мысль французский ученый Буже выразил следующим образом: «C'est an qualité de ‘ commentateur ‘ d'Aristote que le philosophe arabe andalous Averroes (1126–1198) est devenu célèbre», что в переводе с французского означает: «В этом же году, в качестве комментатора Аристотеля прославился арабский андалусский философ Аверроэс (1126–1198)».

Ко всему вышесказанному можно также добавить, что, несмотря на обилие работ на тему влияния мусульманского Востока на западную культуру, мышление

и уклад жизни, роль исламской религии, в особенности воздействие находящегося под ее влиянием философского мышления исламского культурного региона, на возникновение университетов Европы все еще до конца не изучены. Внимательно анализируя эту актуальную проблему, мы также заметили, что западные средневековые источники, начиная с XIII века, подтверждают наличие значительного влияния научных направлений исламского Востока, в особенности его философской мысли на последовательное открытие университетов в центральных городах Европы (Париж, Оксфорд, Мадрид, Будапешт и др.). Самыми значимыми из этих университетов были университеты Парижа и Болоньи (1200 г.). Исламская мысль оказала большое влияние на эти университеты, которые под влиянием философских идей Ибн Сины и Ибн Рушда сыграли важную роль в процессе «латинизации». Университет Парижа — «*Universitas magistrorum et studentium Paris*» — что на латыни означает «Научное Собрание учителей и студентов Парижа», по утверждению современных западных авторов, возник в форме деятельности кружка, сплотившего ряды учителей и учеников, вдохновленных идеей «универсальности знания» [13: с. 67]. Только в 1200 году, когда король Филипп Август, поддерживаемый Папой *Иннокентием III* поставил целью скоординировать работу некоторых кафедральных школ в едином центре, университет Парижа обрел свой университетский статус и структуру [5: с. 24].

Ван Стинберген отмечает, что эти свои статусы Университеты, в краткие сроки превратившиеся в центры европейской христианской культуры, получили от Папского режима, являвшегося высшей еkkлезиастической властью, контролировавшей их деятельность [13: с. 30].

В университетах Западной Европы приоритет в учебном процессе отдавался теологии. Все науки в конечной цели были систематизированы в направлении теологии. То есть автор отмечает, что в университетах Парижа и Болоньи исследования проводились в рамках церкви. В университетах был определен распорядок, и направления были разделены по уровням. На первой ступени университетского обучения, на факультете искусства, так называемые «свободные искусства». После прохождения этого курса студенты получали право на обучение на юридическом, медицинском и теологическом факультетах университета [7: с. 13]. Факультет искусства достался в наследство от школ свободного искусства XIII века в Париже, и можно сказать, что в основе этих школ лежала система Абеяра. Бенсон пишет: «В логической науке Абеяра признавал основной “логику Аристотеля” и включил в процесс обучения филологию, диалектику и риторику, определяемых понятием “*trivium*”». В учебном процессе в Университетах использовались два основных метода. Первый назывался *Lectio* — то есть урок. Здесь преподавались труды Аристотеля, теология (учение Петра Ломбарда) и Библия. Второй — назывался *disputatio* — то есть дискуссия. Имевшие вид *научного семинара*, эти дискуссии проходили под контролем какого-либо учителя или же выдержавшего экзамен на зрелость ученика» [8: с. 87].

Известно, что переводы Ибн Сины на латинский язык трудов Аль-Фараби и Аль-Кинди еще с 1180 года использовались в школах свободного искусства в качестве учебников. В начале XIII века на факультет искусств Парижского университета начинают поступать книги с трактовыми философии Аристотеля, выполненные арабскими философами. Это вызвало большой интерес к философам исламского региона и породило обширные дискуссии в среде Парижского университета. Произведения Аль-Фараби, Аль-Кинди, Ибн Сины, Аль-Газали, Ибн Рушда и других философов исламского культурного региона были переведены на латынь и завоевали большую популярность в среде европейских ученых [8: с. 8]. Эти произведения в учебную программу Парижского университета включили педагоги и ученики факультета искусств. Именно эти центры требовали включить указанные произведения в библиотеку университета. В результате этих требований в рамках Парижского университета образовалось движение «парижских аверроистов». До открытия Парижского университета мусульманская мысль имела много серьезных сторонников на Западе. Серьезность и важность данной проблемы отмечала и Г.В. Шевкина. Поэтому отсутствие преподавания восточной философии в Парижском университете в период правления папской власти вызвало недовольство учителей и студентов на уровнях школ и вошло в историю как «университетские кризисы» [3: с. 40; 6].

Во время открытия Парижского университета некоторые учителя и студенты в качестве учебников использовали произведения Ибн Сины. Во главе этих учителей стоял англичанин по происхождению Джон Бланд. Благодаря знанию арабского языка он сумел ознакомиться как с трудами Аристотеля, так и с работами мусульманских авторов.

Потребность университетских педагогов и студентов в произведениях мусульманских авторов, а особенно переводов Аристотеля с арабского на латынь, и включение их в университетский курс привело к крупному кризису в 1210 году. В этот период Парижский церковный собор принимает решение, наряду с философскими книгами Аристотеля, запретить преподавание в университете произведений Аль-Фараби, Ибн Сины, Аль-Газали и других авторов. Однако поскольку этот запрет игнорировался, его вновь пришлось наложить в 1215 году. Таким образом, нужду в произведениях мусульманских ученых люди удовлетворяли различными окольными путями. Но такие учителя и студенты отстранялись от управления учебным процессом. Среди таких преподавателей оказались Амальрик Бенский, Давид Динантский и некий Мауриций (Маврикий) Испанский, ставший известным благодаря своему рьяному интересу к мусульманской теологии [8: с. 142].

А. Бадави отмечает присутствие большого числа сторонников мусульманской мысли в среде парижских преподавателей. Согласно *Pere de Vauksa* во главе этих преподавателей стоял Гильом Овернский (ум. в 1249). Эта личность считалась главой сторонников учения Авиценны в Париже. Гильом

Овернский однажды на уроке провозгласил Ибн Сину самым величайшим философом мусульманской мысли и произнес его имя в течение урока 40 раз. Из источников становится ясно, что, несмотря на запреты, наложенные на преподавателей университета, студенты всё же подпольным способом добывали и изучали книги философов исламского культурного региона. После запрета 1215 года сформировалась тайная студенческая группа, проявлявшая интерес к исламской мысли и философии. В 1230 году в университете появились движения «сторонников учения Ибн Сины».

Хотя А. Бадави относит возникновение аверроизма в университетах Европы к 1230 году, дата этого события восходит к более раннему времени, так как уже в 1229 году в университете Парижа существовала проблема обсуждений философских идей Ибн Рушда, породивших острую полемику. Другой, притягивающей внимание проблемой является перевод Майклом Скоттом в 1227 году комментариев Ибн Рушда к произведению Аристотеля «О небе», о котором стало известно в Университете. Все это свидетельствует о большом интересе к трудам Аверроэса в среде парижских преподавателей и студентов, существовавшем уже не позднее 1225 года. Это способствовало появлению «аверроизма». В результате интереса к Ибн Рушду, в свою очередь, появился и лагерь его противников. Эту сторону проблемы подробно изучил Сейид Муджтаба Лари. В конечном счете идеи Ибн Рушда были оценены как «монопсихизм», а сторонники этих идей — как «монопсихисты», и подверглись резкому осуждению. Согласно теории монопсихизма, Ибн Рушд отделяет в концепции разума деятельный разум от возможно сущего разума и, возвышая способность степени восприятия возможно сущего разума относит его ко всем людям. Эта идея Ибн Рушда проистекала от его желания объединить всех людей, независимо от их расовой, религиозной и национальной принадлежности в мире, посредством существования общего возможно сущего разума. Эта идея преследовала цель — оказать сильное воздействие на христианскую мысль, убеждая о всеобщем равенстве людей на уровне разума. В результате мы видим, что Ибн Сина и Ибн Рушд отстаивали прямо противоположную существующим в современном мире теориям об уровне умственного неравенства идею о всеобщем разуме. Они не делили способность человеческого разума к мышлению на полюсы, не противопоставляли Восток Западу, превознося уровень одного выше, чем у другого. Согласно философам, пропагандировавшим идеи и воззрения исламского культурного региона, на определенных этапах истории любой народ может оказаться в авангарде передовых научных достижений. Однако основной целью должна являться не культивация чувства собственного превосходства, а стремление развиваться и достичь всемирного прогресса вместе с другими народами.

Также необходимо отметить и то, что выделяющийся среди университетов Европы Парижский университет с первых лет своего открытия развивается под влиянием арабоязычной философской мысли. Первый век существования университета (1200–1300) проходит под знаком дискуссий, связанных с аверроизмом,

а произведения исламских философов в период Ренессанса оказали глубокое влияние на умы парижских интеллектуалов. Интеллектуальные круги Парижа, в ответ на ограниченные идеи религиозной схоластики, пропагандируемые церковью, более всего обращались именно к философам Востока, более всего к трудам и комментариям Ибн Рушда, а также к трудам других представителей философской мысли исламского культурного региона.

Появившийся в 1225 году, в европейских университетах Парижа, в Сорбонне, и Болоньи, аверроизм на протяжении долгого времени преподавался в них тайно. Еще в 1265 году Сигер Брабантский, являвшийся сторонником «крайнего» аверроизма, устно преподавал уроки философии Ибн Рушда в Парижском университете. Это послужило причиной резкого недовольства папского режима и в 1267–1268 годах привело к возникновению ряда запретов. Аверроизм открыл путь дискуссиям, перешагнувшим за порог Парижского университета [4: с. 12]. Ренан пишет, что до Святого Бонавентуры и Фомы Аквинского некоторые теологи написали произведения против идей Ибн Рушда, где его обозначили как «ошибочного толкователя идей перипатетизма» [3; 6]. Таким образом, решением от 1270 года в Парижском университете было запрещено преподавание 13 философских тезисов. Это были тезисы, связанные с понятиями «монопсихизма», «волевого детерменизма», «вечности мира», «отрицанием божественной воли» [3; 6; 11]. После наложения этих запретов в период между 1270–1277 годами университет переживает годы напряженной борьбы. Эти кризисы приводят в 1277 году к увеличению числа запрещенных тезисов до 210 и становятся причиной для обвинений некоторых преподавателей и студентов и привлечения их к суду инквизиции.

Надеемся, что приведенные выше ссылки на источники и научную литературу достаточно убедительно показывают влияние философской классики региона исламской культуры на развитие западноевропейской средневековой философии, а также на ее научную, духовную и нравственно-политическую актуальность на современном этапе.

Литература

1. Кулизаде З. Закономерности развития восточной философии и проблема «Запад – Восток». Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1984. 170 с.
2. Очерки арабо-мусульманской культуры V–XV вв. М.: Мысль, 1982. С. 75–215.
3. Ренан Э. Аверроэс и аверроизм // Собр. соч. Т. 8. Киев: Изд-во Фиха, 1902. 340 с.
4. Фролова Е.А. История средневековой арабо-исламской философии: учеб. пособие. М.: Ин-т философии РАН, 1995. 175 с.
5. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.
6. Шевкина Г.В. Сигер Брабантский и парижские аверроисты 13 в. М.: Мысль, 1972. 179 с.
7. Bedevi Abdurrahman. Batı Düşüncesinin Oluşumunda İslam'ın Rolü, çev. M. Tan, İstanbul, 2002.

8. *Benson R.L. Constable G.* Renaissance and Renewal in the Twelfth Century, Oxford 1982. S. 421–461.
9. *Butterworth Ch. E. Kessel B. A.* İslam Felsefesinin Avrupa'ya Girişi, türkçe çev. Ö. M. Alper, İstanbul 2001. S. 41–81.
10. *Karlığa B.* İslam Düşüncesinin Batı Düşüncesine Etkileri, İstanbul 2004.
11. *Steenbergen V.F.* La Philosophie au XIIIème Siècle, Louvain-Paris 1966. S. 91–120.
12. *Şeyban L.* Reconquista: Endülüs'te Müslüman-Hıristiyan İlişkileri, İstanbul 2003.
13. *Steenbergen V.F.* La Philosophie au XIIIème Siècle, Louvain-Paris 1966. S. 91 120.
14. يفظل دم حم عم ج رصم "خيرات قفسالفل أيف قرشمأ" دادغب: 1927، ص 375

Literatura

1. *Kulizade Z.* Zakonomernosti razvitiya vostochnoj filosofii i problema «Zapad – Vostok». Baku: Izd-vo AN Azerbajdzhanskoj SSR, 1984. 170 s.
2. Ocherki arabo-musul'manskoj kul'tury' V–XV vv. M.: My'sl', 1982. S. 75–215.
3. *Renan E'.* Averroes's i averroizm // Sobr. soch. T. 8. Kiev: Izd-vo Fixa, 1902. 340 s.
4. *Frolova E.A.* Istoriya srednevekovoj arabo-islamskoj filosofii: ucheb. posobie. M.: In-t filosofii RAN, 1995. 175 s.
5. Filosofskij e'nciklopedičeskij slovar'. M.: Sovetskaya E'nciklopediya, 1983. 840 s.
6. *Shevkina G.V.* Siger Brabantskij i parizhskie averroisty' 13 v. M.: My'sl', 1972. 179 s.
7. *Bedevi Abdurrahman.* Batı Düşüncesinin Oluğumunda İslam'ın Rolü, çev. M. Tan, İstanbul, 2002.
8. *Benson R.L. Constable G.* Renaissance and Renewal in the Twelfth Century, Oxford 1982. S. 421–461.
9. *Butterworth Ch. E. Kessel B. A.* İslam Felsefesinin Avrupa'ya Girişi, türkçe çev. Ö. M. Alper, İstanbul 2001. S. 41–81.
10. *Karlığa B.* İslam Düşüncesinin Batı Düşüncesine Etkileri, İstanbul 2004.
11. *Steenbergen V.F.* La Philosophie au XIIIème Siècle, Louvain-Paris 1966. S. 91–120.
12. *Şeyban L.* Reconquista: Endülüs'te Müslüman-Hıristiyan İlişkileri, İstanbul 2003.
13. *Steenbergen V.F.* La Philosophie au XIIIème Siècle, Louvain-Paris 1966. S. 91 120.
14. يفظل دم حم عم ج رصم "خيرات قفسالفل أيف قرشمأ" دادغب: 1927، ص 375

Rachel Najafov

The Place and Role of Philosophy of Islamic Region in the Evolution of European Philosophy

This article argues on the basis of summarizing the results of Russian, Western and Turkish scholars that in the basis of many philosophical ideas and theories that have been formed in Europe before and after the Renaissance, there are and occupy a significant place ideas and theories of the philosophers of the Islamic cultural region, who provided their translations by the most important commentaries and interpretations, that promoted the formation of a new philosophical atmosphere of the West.

Keywords: Avicenna; Averroism; universities of France and Italy.

Шабанпур Монирех

Мировоззрение Древнего Ирана, отраженное в персидской живописи

Одной из особенностей персидской живописи является символичность и избегание реалистичности. Некоторые исследователи видят истоки этой особенности в том, что персидская живопись является исламским искусством. В данной статье автор с помощью аргументов доказывает, что отсутствие интереса иранских художников к реализму имеет корни в мировоззрении древних иранцев, которое сформировалось до распространения в Иране ислама.

Ключевые слова: персидская живопись; реалистичность; исламское мировоззрение.

Во многих трудах, посвященных персидской живописи, отсутствие реализма в ней объясняется тем, что художник исповедует ислам. Иранские художники начали творить еще до Рождества Христова и уже тогда создавали произведения, в которых отсутствует какой бы то ни было реализм. И это при том, что греческие художники в ту же эпоху создавали крайне реалистичные изображения, полностью основанные на подражании природе. Обе эти традиции по-своему ценны и достойны изучения. Идеал красоты для греческого художника — это обнаженное совершенное тело, а идеал для иранского художника выражен в абстрактном и символическом образе человека, изображенного в профиль, или же в образе существ с человеческой головой и туловищем животного, или крылатых людей, и т. п. Нельзя в ходе поверхностного сопоставления говорить, что художник, который со всей точностью и тщательностью выточил из камня фигуру барана и создал абстрактную фигуру человека в полном убранстве, просто неспособен на иное. Даже при беглом взгляде на искусство Ирана, Месопотамии и Ассирии можно ясно почувствовать их сходство. Из исторических документов известно, что греческие художники нанимались на службу в Ахеменидской империи, но мы видим, что в ахеменидских рельефах нет и следа духа греческого искусства. Причины этому кроются в особенностях эстетики иранских художников и заказчиков-меценатов.

Несмотря на это многие иранские и иностранные исследователи пребывают в уверенности, что иранская живопись заимствовала исламскую идею, основанную на неприятии реалистичных изображений в этой религии, и по этой причине лишена какого бы то ни было реализма и натурализма. Один из иранских исследователей недавно опубликовал книгу, посвященную отрицанию изображений в исламе, где в историческом обзоре утверждает,

что в целом создание изображений запрещено всеми религиями: «Поскольку для буддизма характерно неприятие идолов и скульптур, не связанных с религиозными темами, он создавал препятствия для развития живописи и скульптуры. В Китае буддийские монахи установили правила иконописи, чтобы художники не брали за образец человеческое тело... В Торе сказано: “Не нарушай запрет, делая себе форму подобия любого образа: изображение мужчины или женщины, изображение всякого животного, которое на земле; изображение всякой птицы крылатой, летящей по небу”. Христианская церковь в период своей активности также отвергала любые виды изображений, считая их пережитком языческих культов, и с ненавистью взирала на статуи многобожников, призванные изображать их богов» [1: с. 40].

Исламские мыслители, запрещающие живопись, опираются на 90-й аят суры «Аль-Маида» (Трапеза), в котором Господь говорит: «О те, которые уверовали! Воистину опьяняющие напитки, азартные игры, каменные жертвенники (или идолы) и гадальные стрелы являются скверной из деяний дьявола. Сторонитесь же ее, — быть может, вы преуспеете» [3: с.123]. В арабском языке здесь употреблено слово *ансаб*, под которым некоторые ученые предлагают понимать живопись и скульптуру. В персидском толковом словаре это слово объясняется таким образом: «Существительное, множественное число от слова *насаб*, обозначающего изваяния, которым арабы поклонялись в доисламский период» [5]. Как можно видеть, в этом аяте отсутствует прямое указание на запрет изображений. В персидском языке слово *сурат* имеет множество значений, среди них такие: «очертания», «творение», «форма», «изображение», «картина», «отображение», «внешность», «внешняя форма», «тело» и «корпус». У слова *тимсаль* есть значения: «образ», «фигура», «форма», «изваяние», «изображение», «изображение предмета» и «изображение фигуры». «Но поскольку повеления, выраженные в исламском законе, излагались по-арабски, необходимо также изучить смысл этих двух слов в арабском языке. *Сурат* (мн. число *сувар*) в арабском языке имеет значения “лицо”, “очертания”, “реальность” и “искусственно созданное”. *Тимсаль* (мн. число *тама-силь*) является производным от корня *ма-са-ла* и представляет собой форму отглагольного существительного третьей породы. *Масал* значит «подобие», «пример», а третья порода имеет значения “сходство”, “аналог”. Из этого следует, что *тимсаль* — это изображение *сурата*. Поэтому лингвисты объясняют *тимсаль* (образ) как нарисованный *сурат* (форма) и говорят, что тень каждой вещи — ее образ» [1: с. 41].

По этой же причине некоторые толкователи понимают под словами «образ» и «форма» живопись и создание изображений. Но, как было показано выше, Коран не содержит аятов, напрямую запрещающих создание изображений, и только комментаторы ввели для слова *ансаб* толкование «живопись». Но существует множество преданий, в том числе: Передают такие слова пророка ислама: «В Судный день Господь подвергнет создателей изображений

тяжелейшему наказанию». Почему это ремесло порицалось и почему Господь отправит создававших изображения в ад? Ответ на этот вопрос можно найти в этом же предании (хадисе): в Судный день, перед тем как создатели изображений будут низвергнуты в ад, им будет приказано оживить созданное ими. Следовательно, это ремесло порицается из-за действия, заключенного в нем. «Художник подражает Творцу и уподобляет себя Ему. Но, поскольку он не является истинным Творцом, его творение выходит ущербным. Господь велит художнику довести свое творение до совершенства, чтобы показать ему всю абсурдность и лживость претензий на роль Творца. В отличие от истинного Творца, художник не способен вдохнуть жизнь в свое создание и не может довести его до совершенства, и за это ему в удел достается проклятие Господа» [6: с. 11].

В предании говорится, что Аиша, жена пророка, повесила у себя в доме занавеску, украшенную изображениями, и пророк сказал ей: «Убери ее подальше от меня, иначе изображения находятся передо мной во время молитвы». Аиша сообщает: «Божий посланник снял эту занавеску, и я разорвала ее надвое, а из этих двух половинок сшила подушки, на которые опирался пророк». Смысл этого предания в том, что пророк порицал не изображения в целом, но только в том случае, если они препятствуют совершению ритуалов поклонения. В том же случае, если они предназначены исключительно для украшения, в них нет ничего плохого.

Здесь выражено отношение ислама к изображениям: это не запрет, но опасение того, что молящийся в мечети будет отвлекаться на нечто, что помешает глубокому сосредоточению на молитве. По этой же причине в мечетях репертуар ограничивается орнаментами и изображениями растений, которые носят декоративный характер.

Важно и подлежит обсуждению тот факт, что иранские художники и до прихода ислама не предпринимали попыток создания реалистичных изображений природы и с самого начала воспринимали окружающий мир через абстракцию и символ, и эта же тенденция получила продолжение в эпоху ислама. И даже ислам не смог помешать им создавать свой идеальный мир. Специалисты по искусству Востока много писали об исламском искусстве и об отходе от реализма. Эрнст Кюхнель пишет: «Богобоязненность, смешанная со страхом, помешала тому, чтобы любовь к реальности и склонность к преумножению смогли устранить существующие препятствия, и это стало причиной возникновения декоративных рисунков, которые также были почерпнуты из реальности...» [4: с. 56]. Всего лишь небольшое исследование на тему искусства Древнего Ирана заставляет читателя задуматься над тем, является ли такое суждение об иранском искусстве справедливым. Да, если бы иранское искусство было подобным искусству Древней Греции и после прихода ислама вдруг, одновременно, обнаружило бы склонность к абстракции и отвлеченным символам, это было бы справедливо. Но поскольку мы являемся свидетелями того, что традиции доисторического искусства Ирана

имеют продолжение и в исламскую эпоху, мы понимаем, что это не что иное, как особый взгляд иранского художника, который воссоздает окружающий мир таким, как он ему нравится, а не таким, как он его видит. А.М. Кеворкиан пишет по этому поводу: «В иранской живописи основную, центральную, роль играл цвет. Основной причиной этого следует считать то, что художники усвоили авестийское представление о цвете как о первой дочери света. Создание красителей научило их тому, что, если посмотреть на небольшое количество непрозрачной пыли, полученное из некоторых определенных минеральных солей, подвергнутых тщательной очистке, при свете дня, то они превращаются в чистой краску. При таком взгляде они воспринимали краски, скорее, не как материальную субстанцию» [2: с. 60]. Абдольрафи Хагигат пишет об этом следующее: «Значение этой нравственной истины, а именно божественного света, во всех элементах природы и ее влияние на сотворение мира прослеживается в картинах персидских художников. Вера в божественный свет существовала у иранских художников с древних времен, и этот свет (“фаррах” или “фарр”, которое преобразовалось в “хур” в значении “солнце” [7: с. 149].

Среди других достижений искусства Древнего Ирана, которые можно в изобилии обнаружить в иранской живописи исламского периода, — это изображение прекрасных, дарующих усладу садов. Анализ этих изображений позволил сделать множество выводов, например, о том, что эти сады были созданы на основе описаний садов, присутствующих в Коране. Но и здесь, обращаясь к искусству Древнего Ирана, мы видим, что эти сады имеют долгую историю в культуре Ирана, настолько древнюю, что даже само слово «сад» (*баг* или *пардис*) произошло от древнеперсидского слова *паури-даоза* и вошло во французский и английский языки (*paradise*).

«В соответствии с зороастрийской традицией сад является лучшим местом для соединения с высшим миром, поскольку между земной природой и воображаемым идеальным миром находится “извечный свет”, или, лучше сказать, с одной стороны — соединение с духовным миром, а с другой — погружение в собственный внутренний мир. Начиная с той самой эпохи Ахеменидов зороастрийские священнослужители (мобеды) во время сооружения культовых зданий, которые служили местом связи падишаха с небесными силами, уделяли внимание традиции. В центре места поклонения размещали скрытую от посторонних взоров площадку под названием *паридайза*, или *фирдаус*. В этом месте, рядом с тронном падишаха, разводили священный огонь как символ мира, в котором нет места грязи и нечистоте. Это место, которое одновременно было и открытым, и закрытым, формировало культовое сооружение» [2: с. 59].

Чтобы доказать высказанное нами мнение, что относить иранское искусство к искусству ислама в целом неправомерно, можно обратиться как к произведениям народного промысла, так и изобразительного искусства. Для того чтобы аргументированно снять с иранского искусства ярлык «исламское», достаточно одних только сокровищ древнеиранского искусства. Духовность

и божественность были характерны для верований и помыслов иранских художников не только в исламский период, но и в эпохи, предшествовавшие появлению ислама. Иранские художники создавали свои произведения, опираясь на эти самые воззрения, и в исламский период они, учитывая современные им условия и запросы общества, довели свои творения до совершенства.

Литература

1. *Джабаран М.* Изображение в исламе. Тегеран: Сурехмехр, 2004.
2. *Кеворкиан А.М.* Сады воображения / Пер. П. Марзбан. Тегеран: Фарзанруз, 1998.
3. Коран. Тегеран: Марказ нашр коран, 2010.
4. *Кюхнель Э.* Исламское искусство / Пер. Х. Тахери. Тегеран: Тус, 2008.
5. *Пурджавади Н.* История запрета на создание изображений в исламе // Кетаб мах Хонар. Тегеран, 2001. № 37.
6. *Хагигат А.* Национальная история искусства и иранских художников. Тегеран: Моалефан ва Мотарджеман, 1990.
7. Персидский словарь. URL: <http://farsilookup.com/p2p/seek.jsp?lang=fa&word>.

Literatura

1. *Dzhabaran M.* Izobrazhenie v islame. Tegeran: Surexmexr, 2004.
2. *Kevorkian A.M.* Sady' voobrazheniya / Per. P. Marzban. Tegeran: Farzanruz, 1998.
3. Коран. Тегеран: Markaz nashr koran, 2010.
4. *Kyuxnel' E'.* Islamskoe iskusstvo / Per. X. Taxeri. Tegeran: Tus, 2008.
5. *Purdzhavadi N.* Istoriya zapreta na sozdanie izobrazhenij v islame // Ketab max Xonar. Tegeran, 2001. № 37.
6. *Xagigat A.* Nacional'naya istoriya iskusstva i iranskix xudozhnikov. Tegeran: Moalefan va Motardzheman, 1990.
7. Persidskij slovar'. URL: <http://farsilookup.com/p2p/seek.jsp?lang=fa&word>.

Shabanpur Monireh

World Outlook of Ancient Iran, as Reflected in the Persian Painting

One of the features of Persian painting is its symbolic character and avoidance of realism. Some scholars see the origins of this feature in the fact that the Persian painting is an Islamic art. In this article the author by means of arguments proves that the lack of interest of the Iranian artists to realism derives from the worldview of the ancient Iranians, which was formed before the overcome of Islam in Iran.

Keywords: Persian painting, realism, Islamic worldview.

Б.Н. Бессонов

Уильям Шекспир — великая творческая личность

В статье анализируется творчество великого английского поэта и драматурга У. Шекспира (1564–1616), подчеркивается глубинный философский смысл его произведений, благодаря которому творчество Шекспира оказало огромное влияние на всю мировую литературу последующих эпох.

Ключевые слова: гуманизм; эпоха Возрождения; нравственные идеалы.

«Порвалась дней связующая нить.

Как мне обрывки их соединить» [2: с. 41]

Уильям Шекспир принадлежит к замечательной плеяде гуманистов XV–XVI веков. Его творчество, наряду с творчеством Петрарки, Боккаччо, Эразма Роттердамского, Томаса Мора, Рабле, Монтеня и Сервантеса — вершина художественного творчества эпохи Возрождения.

За свою короткую жизнь (он прожил всего 52 года — и какое удивительное совпадение — родился и умер 23 апреля) Шекспир написал 37 пьес всех жанров: комедий, драм и трагедий, четыре поэмы и 154 сонета. Исторические пьесы Шекспира — грандиозная панорама событий, жизни и борьбы людей. Шекспир не стремился описывать исторических деятелей и исторические события с действительной точностью.

В его пьесах поведение исторических деятелей порой неестественно. На это указывали, в частности, В. Гёте, Л. Толстой и другие. Л.Н. Толстой, анализируя, например, «Короля Лира» отмечал, что в этой трагедии много надуманных сцен. Трудно допустить, что король Лир мог поверить злым дочерям Гонерилье и Регане, а любимую и любящую Корделию отвергнуть. Отношения между Глостером и его сыновьями Эдгаром и Эдмундом также весьма неправдоподобны.

Отечественный исследователь творчества Шекспира А. Аникст также отмечает немало неточностей в его произведениях. У Шекспира Клеопатра,

жившая в I в. до н.э. играет на бильярде, изобретенном в XVI веке. Во времена Юлия Цезаря в Риме раздаются бой часов, хотя впервые часы с боем были изобретены в XIV веке. В «Короле Лире», где действие происходит в древней Британии в один из первых веков нашей эры, Глостер читает в очках, изобретенных лишь в XII веке. Жители Трои, Афин и Древнего Рима носят средневековую одежду — кафтаны, шляпы, перчатки, фартуки ремесленников.

Но с точки зрения общей характеристики эпохи в произведениях Шекспира все достоверно. Герои его пьес — живые люди. Шекспир показал их во всей многогранности их жизни: и в качестве участников больших исторических событий, и в кругу семьи; он описал их радости и печали, мужество и слабость. Они верят в Рок, Судьбу, Фортуну, но отнюдь не пассивны. Их обуревают страсти, толкают их и на подвиги, и на кровавые злодеяния.

«Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! Поступками так близок к ангелам! Почти равен Богу, — разумением! Краса вселенной! Венец всего живущего! [2: с. 59]» — восклицает Гамлет.

Но тот же Гамлет горько говорит: «Быть честным — по нашим временам значит быть единственным из десяти тысяч [2: с. 54]». В наше время, утверждает он, добродетель просит прощения у порока за добро.

В «Тимоне Афинском», «Тите Андронике» на порочность человека Шекспир указывает еще более остро:

Все вкривь идет; прямого ничего
Нет в проклятой натуре человека,
И подлость лишь прямая в ней пряма. («Тимон Афинский») [8: т. 7, с. 219]

Что же толкает людей на преступления, на путь зла? Эгоизм, корысть, властолюбие. Шекспир особенно осуждает властолюбие и корыстолюбие феодалов, ради своих эгоистических интересов ввергающих страну в междоусобицу:

О, долго Англия была безумна,
Сама себя терзала в исступленье...
Повинны в этом Йорки и Ланкастры:
Раздор их дикий рвал на части мир. («Ричард III») [7: с. 173]

Шекспир выступает за сильную королевскую власть, способную положить конец междоусобным войнам. Однако, выступая за сильную власть государя, Шекспир осуждает морально развращенных властителей, сеющих зло, готовых на любые преступления. Только излечившись от ослепления блеском власти, люди становятся сами собой (Ричард II, Король Лир). Шекспир горячо сочувствует обездоленным. Он убежден: когда не станет бездельников, когда все станут трудиться, не станет и обездоленных.

Когда попов пахать заставят
Трактирщик пива не разбавит,
Портной концов не утаит,
Сожгут не ведьм, а волокит,

В судах наступит правосудье,
Долгов не будут делать люди,
Забудет клеветник обман
И не полезет вор в карман,
Закладчик бросит деньги в яму,
Развратник станет строить храмы, —
Тогда придет конец времен,
И пошатнется Альбион,
И сделается общей модой
Ходить ногами в эти годы. («Король Лир») [б: т. 1, с. 525]

Простые люди изображаются Шекспиром с явной симпатией. Они грубоваты, простоваты, но сколько в них юмора, как глубоко они постигают смысл жизни! Вспомним беседу двух могильщиков между собой, а также разговор одного из них с Гамлетом.

Гамлет. Сколько времени человек пролежит в земле, пока не сгниет?

Первый могильщик. Да что ж, если он не сгнил раньше смерти — ведь нынче много таких гнилых покойников, которые и похороны едва выдерживают, — так он вам протянет лет восемь, а то и девять лет; кожевник, тот вам протянет девять лет.

Гамлет. Почему же он дольше остальных?

Первый могильщик. Да шкура у него, сударь, от ремесла такая дубленая, что долго не пропускает воду; а вода, сударь, великий разрушитель для такого собачьего мертвеца» [б: т. 1, с. 276].

Да, признает Гамлет, «мужик носком задевает пятки придворному и берет им болячки...» [б: т. 1, с. 275].

Люди из народа делают свое дело, даже войну, руководствуясь здравым смыслом, без ложных фраз о верности и героизме. Когда Генрих V, скрывая свое лицо под маской, говорит своим солдатам, что «нигде смерть не была бы мне так желанна, как возле короля», то солдаты возражают: «...Если дело короля не правое, с него за это взыщется, да еще как!» («Генрих V»)

Шекспир знает, что цена за победу истины и добра, правды и справедливости слишком высока: зачастую гибнут чистые души. Вражда семей Монтекки и Капулетти преодолевается смертью их детей — Джульетты и Ромео.

Нам грустный мир приносит дня светило —
Лик прячет с горя в облаках густых.

В сущности, в мире, природе царит гармония.

Земля — природы мать, — ее ж могила:
Что породила, то и схоронила.
Припав к ее груди, мы целый ряд
Найдем рожденных ею разных чад.
Все — свойства превосходные хранят;
Различно каждый чем-нибудь богат.
Великие в себе благословенья
Тяют цветы, и травы, и камня. («Ромео и Джульетта») [б: т. 1, с. 138, 156]

Так говорит брат Лоренцо словами Шекспира. Однако:

Гармония подобная живет
 В бессмертных душах; но пока она
 Земною, грязной оболочкой праха
 Прикрыта грубо, мы ее не слышим... («Венецианский купец») [7: с. 544]

* * *

Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года в городе Стратфорде. Его отец Джон Шекспир был перчаточником. Некоторое время был даже одним из руководителей города. Однако впоследствии за пренебрежение своими общественными обязанностями был исключен из списка городских старейшин. Мать — Мэри Шекспир. Из восьмерых детей, рожденных ею, три девочки умерли в детстве. Уильям окончил Стратфордскую грамматическую школу. Главным предметом в школе была латынь. Ученики читали басни Эзопа и «Эклоги» итальянского гуманиста Баптисты Мантуанского, изучали трактаты Цицерона, произведения римских поэтов Вергилия и Овидия, драматургов Плавта, Теренция, философа Сенеки. Больше всего из древних Шекспир любил Овидия; его «Метаморфозы» он знал очень хорошо.

В 1582 году в возрасте 18 лет У. Шекспир женился на Эни Хетеуэй. Вскоре у них родилась дочка Сьюзен, а через два года Эни родила двойню — еще дочь и сына. В 1585 году Уильям покинул Стратфорд и перебрался в Лондон, где начал играть на сцене и писать для театра.

Работал Шекспир очень интенсивно, опираясь при этом на исторические хроники, ранние и современные ему драматургические произведения. С 1593 по 1598 год он написал четырнадцать пьес — ежегодно по две пьесы! И все они пользовались успехом. В 1593 году им создана пьеса «Ричард III». Герцог Глостер (будущий Ричард III) — властолюбивый злодей. Физические недостатки озлобили его против всего мира.

Чем в этот мирный и тщедушный век
 Мне наслаждаться? Разве что глядеть
 На тень мою, что солнце удлиняет,
 Да толковать мне о своем уродстве?
 Раз не дано любовными речами
 Мне занимать болтливый пышный век,
 Решился стать я подлецом и проклял
 Ленивые забавы мирных дней. [7: с. 16]

Ради достижения своих целей он готов на все, на любое преступление, на предательство, на ложь.

Творю я зло — и сам о зле горланю;
 И беды тайные, что создал я,
 Тяжелым грузом на других валю...
 Дочь брата в жены я себе возьму,
 А то мой трон — на хрупком хрустале.

Зарезав братьев, на сестре жениться!
Неверный путь! Но нет уже помех.
Я в кровь вошел, и грех мой вырвет грех;
И слезы жалости мне не идут. [6: т. 1, с. 46, 123]

И Глостер добивается своего, завоевывает Анну, несмотря на то, что она ненавидит его, зная, что он убийца ее близких.

Каким даром убеждения надо обладать, чтобы доказать Анне свою любовь?! Ричард сумел это сделать. Он дает Анне, охваченной чувством ненависти, свой меч:

Не медли, нет: я Генриха убил;
Но красота твоя — тому причина.
Поторопись: я заколол Эдварда;
Но твой небесный лик меня принудил. [6: т. 1, с. 29]

Анна не может убить человека, ослепленного, как ей кажется, страстной любовью к ней.

Глостер — злодей, но от мучений совести освободиться даже он все-таки не в силах. Один из его подручных-убийца так говорит о совести: «Совесть — опасная штука. Она превращает человека в труса... Совесть — стыдливый, краснеющий бес, который бунтует в человеческой груди и мешает во всех делах. Он всякого человека сделает нищим... Всякий, кто хочет ладно жить, должен постараться прожить собственным умом и без всякого совестливого беса» [6: т. 1, с. 52–53].

Глостер, добившись своего, став королем — Ричардом III — не может найти покоя.

О, совесть робкая, как мучишь ты!..
В поту холодном трепетное тело...
У совести моей сто языков,
Все разные рассказывают сказки,
Но каждый подлецом меня зовет...
Грехи мои — чернее нет грехов —
В суде толпятся и кричат: «Виновен!» [7: с. 165]

И тем не менее в минуту опасности Ричард III решителен и смел. На призыв своего соратника Кетсби спастись Ричард отвечает:

Раб, жизнь свою поставил я и буду
Стоять, покуда кончится игра...
Коня! Коня! Венец мой за коня! [7: с. 171–172]

В 1595 году Шекспир написал трагедию «Ромео и Джульетта» о прекрасной, возвышенной любви Ромео и Джульетты, которые из-за вражды семей трагически погибают.

Когда родные враждующих семей собираются в склепе, где лежат тела Ромео и Джульетты, герцог, правитель Вероны, с печальным укором говорит:

А где ж враги — Монтекки, Капулетти?
Вас бич небес за ненависть карает,
Лишив вас счастья силою любви! [6: т. 1, с. 137]

В 1599 году Шекспир написал пьесу «Юлий Цезарь». Брут и Кассий решают убить Цезаря, опасаясь, что он может установить тираническое правление. Брут, любимец Цезаря, убежден:

Да, только смерть его: нет у меня
Причины личной возмущаться им,
Лишь благо общее. [8: т. 2, с. 175]

Юлий Цезарь — сильная личность. На предостережения жены и авгуров не выходить из дома в день намеченного покушения Цезарь отвечает:

Нет, Цезарь выйдет.
Трус умирает много раз до смерти,
А храбрый смерть один лишь раз вкушает! [8: т. 2, с. 189]

Цезарь осознает свое величие. В день покушения в сенате он особенно величественен:

...Знай, Цезарь справедлив и без причины
Решенья не изменит...
Так и земля населена людьми,
И все они плоть, кровь и разуменье;
Но в их числе лишь одного я знаю,
Который держится непоколебимо,
Незыблемо; и человек тот — я. [8: т. 2, с. 198–199]

Заговорщики убили Цезаря. Сподвижник Цезаря Антоний блестяще переигрывает Брута. Осторожно, не обвиняя прямо, он подвел народные массы к убеждению, что заговорщики — убийцы подлинно благородного Цезаря.

Бруту и Кассию трудно противостоять войску, собранному Антонием и Октавием. Но они вступают в последнее в их жизни сражение. И как тепло, как трогательно прощаются Брут и Кассий накануне решающей битвы!

Брут

Не знаю, встретимся ли мы опять.
Поэтому простимся навсегда.
Прощай же навсегда, навеки, Кассий!
И если встретимся, то улыбнемся;
А нет — так мы расстались хорошо.

Кассий

Прощай же навсегда, навеки, Брут!
И если встретимся, то улыбнемся;
А нет, — так мы расстались хорошо... [8: т. 2, с. 245–246]

Удивительный пример верности и дружбы!

Особое место среди всего написанного Шекспиром занимает трагедия «Гамлет» (1601). Гамлет — принц Датский; его отец — король — предательски убит

своим братом Клавдием, ставшим королем, а мать, даже не пережив траура по погибшему мужу, вышла замуж за его убийцу. Гамлет, узнав об этом, потрясен:

Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить! [2: с. 41]

«Дания — тюрьма», «весь мир — тюрьма», «из людей меня не радует ни один...» — таков его приговор миру.

Гамлет ищет истину, правду, мучительно размышляет о средствах, какими можно прийти к ним. В знаменитом монологе «Быть или не быть?» он с горечью говорит о сомнениях, которые терзают его душу:

Быть иль не быть, вот в чем вопрос.
Достойно ль
Смириться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление.
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? [2: с. 72]

Но трагедия жизни в том, что зачастую результат нашей борьбы ничтожен, более того — горе, бессмысленная смерть людей. Гамлет, встретив войско норвежского полководца Фортинбраса, спрашивает, куда оно идет. Ему отвечает капитан:

Сказать по правде, мы идем отторгнуть
Местечко, не заметное ничем.
Лишь званье, что земля. [2: с. 113]

Гамлет потрясен:

Двух тысяч душ, десятков тысяч денег
Не жалко за какой-то сена клочок!
Так в годы внешнего благополучья
Довольство наше постигает смерть
От внутреннего кровоизлиянья. [2: с. 113].

Главный противник Гамлета — Клавдий, убийца его отца, умен и проницателен. От чувствует, понимает, что Гамлет отнюдь не сумасшедший, что он опасен для него, а потому замышляет его предательски убить. И в то же время душа Клавдия больна, его терзают муки совести.

На реплику хитрого Полония:

Все мы так:
Святым лицом и внешним благочестьем
При случае и черта самого
Обсахарим. [2: с. 72]

Клавдий отвечает (самому себе):

Удушлив смрад злодейства моего.
На мне печать древнейшего проклятья:
Убийство брата. Жаждою горю,
Всею сердцем рвусь, но не могу молиться.
Помилованья нет такой вине. [2: с. 72]

«Отелло» (1604) — еще одна трагедия о любви, о коварстве и предательстве.

Отелло — прямой, благородный человек, смелый полководец. Он горячо любит Дездемону. Он судит о людях по себе и верит в их благородство. Его антипод — Яго — умен, эгоистичен, хитер, обладает сильной волей. «Быть таким или иным — зависит от нас самих. Каждый из нас сад, а садовник в нем — воля. Расти ли в нас крапиве, салату, тмину, чему-нибудь одному или многому, заглохнуть ли без ухода или пышно разрастись — всему этому мы сами господа» [6: т. 1, с. 326].

Он циничен; любовь, по его мнению, всего лишь «прихоть крови и по-блажка воли». Он клеветает на Дездемону: она-де обманывает Отелло.

В конце концов Отелло, опутанный интригами Яго, поверил в измену Дездемоны.

Должна увянуть сорванная роза...
Я задушу тебя — и от любви
Сойду с ума. Последний раз, последний.
Я плачу и казню, совсем как небо
Которое карает, возлюбив. [6: т. 1, с. 431]

Узнав страшную для себя истину, что он убийца его верно любящей, чистой, прекрасной Дездемоны, Отелло принимает решение оборвать и свою жизнь.

Я отнял жизнь твою и сам умру,
Пав с поцелуем к твоему одру. [6: т. 1, с. 449]

В 1605 году Шекспир написал новую трагедию — «Король Лир». Король Лир, желая отойти от дел, решает разделить свое королевство между тремя своими дочерьми. Гонерилья и Регана лицемерно клянутся ему в горячей любви, младшая Корделия, которой отвратительна лживость сестер, говорит просто и кратко:

Я вас люблю,
Как долг велит, —
Не больше и не меньше. [6: т. 1, с. 458]

Лир не понимает Корделию: «И больше ничего?». «Ничего». Он возмущен, не слушает предостережения графа Кента.

Совсем не знак бездушья — молчаливость.
Грешит лишь то, что пусто изнутри. [6: т. 1, с. 460]

Он отвергает младшую дочь: «Из ничего не выйдет ничего». Спустя короткое время Гонерилья и Регана предали, изгнали отца. Их жестокость потрясла Лира. В нем пробуждаются человеческие чувства, он начинает понимать, что такое страдание, сострадание, любовь. Он осознает, как глубоко обидел Корделию. Униженный, изгнанный, Лир в бурю оказывается в степи, где встречает Эдгара, сына графа Глостера, притворившегося сумасшедшим нищим. Он поражен: «...вот это, собственно, и есть человек... На нем все свое, ничего чужого... Все мы с вами поддельные, а он настоящий. Неприкрашенный

человек...» [5: т. 1, с. 530]. Лир понял, насколько несправедлив порядок, когда одежда определяет значимость человека:

Сквозь рубища грешок ничтожный виден,
Но бархат мантий прикрывает все.

И он, еще недавно требовавший почета, свиты, теперь срывает с себя одежды: «Долой, долой с себя все лишнее!» [6: т. 1, с. 530].

Встреча с Корделией, которая вернулась, чтобы помочь отцу в беде, переродила Лира; ему теперь, когда он снова обрел дочь, не нужны ни титул короля, ни богатство, ни другие подобные блага.

Пускай нас отведут скорей в темницу.
...Мы в каменной тюрьме переживем
Все лжеученья, всех великих мира,
Все смены их, прилив их и отлив. [6: т. 1, с. 584]

Корделия погибает, ее подло убивают по приказу Эдмунда. Страданию Лира нет предела.

Тебя навек не стало,
Навек, навек, навек, навек, навек! [6: т. 1, с. 599]

Сердце его разбилось, жизнь утратила для него смысл. Он умирает.

Спустя год после «Короля Лира» Шекспир публикует новую трагедию — «Макбет». Макбет — смелый воин, знающий цену дружбе и благодарности; в то же время он — честолюбивый человек; он предательски убивает короля Дункана, гостящего в его доме.

Прежде чем совершить убийство, Макбет всё-таки колеблется: слишком много добра сделал для него король. Но леди Макбет подталкивает мужа:

Настройся поотважнее, и мы
Не промахнемся. [6: т. 1, с. 622]

Преступление совершено. Макбет становится королем. И что же? Он раздавлен преступлением, совесть не даст ему покоя, она «убивает его сон».

Я пожил на своем веку. Я дожил
До осени, до желтого листа.
На то, что скрашивает нашу старость, —
На преданность, любовь и круг друзей, —
Не вправе я рассчитывать. Проклятья,
Прикрытые трусливой лестью, —
Вот что мне осталось, да дыханье жизни,
Которую б не прочь я прекратить,
Когда бы с нею мог расстаться. [6: с. 686]

Страдает и леди Макбет. Измученная душевно, она умирает. Макбет получает известие о ее смерти накануне битвы с Малькольмом, сыном Дункана:

Не догадалась умереть попозже,
Тогда б я был свободней, чем сейчас!

Мы дни за днями шепчем: «Завтра, завтра».
 Так тихими шагами жизнь ползет
 К последней недописанной странице.
 Оказывается, что все «вчера»
 Нам сзади освещали путь к могиле.
 Конец, конец, огарок догорел!
 Жизнь — только тень, она — актер на сцене.
 Сыграл свой час, побегал, пошумел —
 И был таков. Жизнь — сказка в пересказе
 Глупца. Она полна трескучих слов
 И ничего не значит. [6: т. 1, с. 690]

Но Макбет смел, он привык смотреть опасности в лицо:

Я жить устал, я жизнью этой сыт
 И зол на то, что свет еще стоит.
 Бить сбор! Тревогу!
 Если гибель мне,
 Хочу погибнуть в воинской броне. [6: т. 1, с. 691]

«Злодей с душой великой», как сказал о Макбете В.Г. Белинский, погибает.

Еще одна трагическая пьеса — «Антоний и Клеопатра» (1607) — о любви египетской царицы Клеопатры и римского полководца Антония.

Клеопатра использует страстную любовь Антония в своих политических интересах. Она побуждает его вести борьбу даже против Рима. В этой борьбе Антоний погибает. Погибает достойно.

Не надо сокрушаться о плачевном
 Моем конце. Пускай тебя утешая
 Воспоминанья о счастливых днях,
 Когда прославленнейшим, величайшим
 Я был среди властителей земных.
 Я умираю не позорной смертью.
 Я не склонился, сняв трусливо шлем,
 Пред соплеменником победоносным,
 Но принял смерть как римлянин, который
 Был римлянином честно побежден... [6: т. 1, с. 837–838]

Смерть Антония преображает Клеопатру, в душе ее происходит перелом:

Я слышу, как зовет меня Антоний. —
 Я вижу, он встает навстречу мне,
 Поступок мой отважный одобряя...
 Иду, супруг мой. Так назвать тебя
 Я мужеством завоевала право.
 Я — воздух и огонь; освобождаюсь
 От власти прочих, низменных стихий... [6: т. 1, с. 858]

Прекрасны комедии Шекспира. («Мера за меру», «Все хорошо, что хорошо кончается», «Троил и Крессида», «Два веронца», «Сон в летнюю ночь», «Венецианский купец», «Бесплодные усилия любви», «Много шума из ничего»,

«Как вам это понравится», «Двенадцатая ночь», «Укрощение строптивой». В них ключом бьет радостная, веселая жизнь.

Тот, у кого нет музыки в душе,
Кого не тронут сладкие созвучья
Способен на грабеже, измену, хитрость;
Темны, как ночь, души его движенья,
И чувства все угрюмы, как Эреб;
Не верь такому... («Венецианский купец») [7: с. 545]

Один из персонажей комедии «Укрощение строптивой» так выражает кредо своей жизни:

Я рад, что твердо вы решили сласть
Сладчайшей философии вкусить,
Но только, мой хозяин, преклоняясь
Пред этой добродетельной наукой,
Нам превращаться вовсе нет нужды
Ни в стоиков... ни в чурбаны.
И, Аристотелевы чтя запреты,
Овидием нельзя пренебрегать.
Поупражняйтесь в логике с друзьями,
Риторикой займитесь в разговорах,
Поэзией и музыкой утешьтесь,
А математику и вместе с нею
И метафизику примите в дозах,
Не больших, чем желудок позволяет.
В чем нет услады, в том и пользы нет;
Что вам по нраву, то и изучайте. [6: т. 2, с. 21]

В этой комедии Шекспир раскрывает также мудрость, к которой пришла «укрощенная» Катарина:

Мы только слабостью своей сильны.
Чужую роль играть мы не должны.

Вместе с тем в своих комедиях Шекспир пишет о любви отнюдь не только в шутовском тоне, но и весьма возвышенно и поэтично:

Джулия

Так научи меня, придумай способ,
Как я могла бы, не теряя чести,
Путь предпринять к Протею дорогому...
Его лишь взором душу я питаю —
Так сжался же над голодом моим:
Я пищи так давно уж не имела.
Когда б познала муки ты любви,
Скорей огонь ты снегом разожгла бы,
Чем пыл любви гасила бы словами...
Чем больше тушишь, тем сильнее горит он... («Два веронца») [9: с. 231–232]

Большинство своих сонетов Шекспир также посвятил прославлению любви. Вот как он описывает возлюбленную:

Сравню ли с летним днем твои черты?
 Но ты милей, умеренней и краше.
 Ласкает, нежит и терзает нас
 Своей случайной прихотью природа.
 А у тебя не убывает день,
 Не увядает солнечное лето.
 И смертная тебя не скроет тень, —
 Ты будешь вечно жить в строках поэта.
 Среди живых ты будешь до тех пор,
 Доколе дышит грудь и видит взор. (*Сонет 18-й*) [6: т. 2, с. 722]

* * *

Не соревнуюсь я с творцами од,
 Которые раскрашенным богиням
 В подарок преподносят небосвод
 Со всей землей и океаном синим.
 В любви и в слове — правда мой закон,
 И я пишу, что милая прекрасна,
 Как все, кто смертной матерью рожден,
 А не как солнце или месяц ясный.
 Я не хочу хвалить любовь мою, —
 Я никому ее не продаю! (*Сонет 21-й*) [6: т. 2, с. 723]

* * *

Кто под звездой счастливо рожден —
 Гордится славой, титулом и властью.
 А я судьбой скромнее награжден,
 И для меня любовь источник счастья.
 Но гаснет солнца благосклонный взор,
 И золотой подсолнух гаснет тоже.
 Но нет угрозы титулам моим
 Пожизненным: любил, люблю, любим. (*Сонет 25-й*) [6: т. 2, с. 725]

А вот строки из сонета, который мне особенно нравится:

Чтобы любовь была нам дорога,
 Пусть океаном будет час разлуки,
 Пусть двое, выходя на берега,
 Один к другому простирают руки.
 Пусть зимней стужей будет этот час,
 Чтобы весна теплей пригрела нас! [6: с. 741]

«Цимбелин», «Зимняя сказка», «Перикл», «Буря» — последние работы великого художника.

В «Буре» мудрый и добрый Гонзало успокаивает своих потерпевших кораблекрушение и попавших на необитаемый остров спутников картиной идеальной жизни.

Правленье было бы противоположно
Обычному; намека на торговлю
Там не было б, судов в помине нету,
Не знали б грамоты, и не служили
Ни богачи, ни бедняки, — не стало б
Межей, наследств, хозяйства, виноделья,
Зерна, вина, елея не вкушали б,
Ничем не занимались бы все прачки
И женщины, но чистее и невиннее
Правления нет.
Природные продукты б добывались
Без пота и труда. Измен, коварств,
Мечей, ножей и всякого оружия
Там не было б. Природа доставляла
Естественно обильное питанье
Невинному народу. [5]

Пороки цивилизации уже во времена Шекспира беспокоили умы лучших людей. А сегодня человечество, чтобы спастись, выжить, просто обязано отказаться от прежних критериев цивилизации, нацеленных на покорение природы, на конкуренцию, на насилие людей по отношению друг к другу.

И еще нужно сказать о юморе Шекспира, точнее, о юморе его героев. Возможно, он несколько тяжеловесен. Но в любом случае добродушен, вызывает смех. Пожалуй, самый яркий образ смешного человека, созданный Шекспиром, — это образ Фальстафа, центрального комического персонажа нескольких его пьес. Фальстаф — добродушный, веселый гуляка, хитрец, обманщик. Он отнюдь не трус, хотя делает заявления, с этой точки зрения его как бы порочащие:

«Ладно. Да умрет Персид, если вздумает наткнуться на мой меч! Если же я буду так глуп, что сам на него полезу, пусть он накажет меня и сделает из меня котлету. Не люблю я шуток с этой честью, чтоб ее черт побрал, — вот чем они кончаются. Полюбуйтесь на мертвого сэра Уолтера, как он оскалился! Нет, мне жизнь дороже. Если она совместима с честью, что ж, пожалуйста, я не возражаю. А если нет, то почетного конца все равно не избежать, незачем и беспокоиться».

И далее:

«...у меня нет охоты отдавать жизнь раньше времени. К чему мне торопиться, если бог не требует ее у меня? Пусть так, ... честь меня окрыляет. А что если честь меня обескрылит, когда я пойду в бой? Что тогда? Может честь приставить мне ногу? Нет. Или руку? Нет. Или унять боль от раны? Нет. Значит, честь — плохой хирург? Безусловно. Что же такое честь? Слово. Что заключено в этом слове? Воздух...» («*Генрих IV*») [3: с. 225, 218]

Фальстаф постоянно совершает смешные проделки: в чехле вместо пистолета носит бутылку хереса, на поле боя притворяется мертвым, присваивает себе заслугу сразить важного противника. Однако он не совершает подлостей, не пресмыкается ни перед кем, даже перед королем. Он никого не предает. А принц Генри, прежде большой его приятель, став королем Генри V, предает его:

Прохожий, кто ты? Я тебя не знаю.
 Молись усердней, старый человек.
 Седые волосы, а сам как дурень.
 Такой же долго снился мне старик,
 Как ты, беспутный, спившийся и толстый.
 Я позабыть стараюсь этот сон. [3: с. 359]

Фальстаф — в сущности, символ, выражающий отрицание Шекспиром главных принципов феодальной этики, рыцарской чести и т. п.

* * *

Итак, У. Шекспир — один из величайших представителей эпохи Возрождения, один из титанов этой ярчайшей эпохи в истории человечества. Его герои — также люди Возрождения. Живые, яркие, сильные. Им присущи все душевные движения — любовь, дружба, ревность, предательство, смелость, мужество, властолюбие, корысть, зависть, ненависть, благородство, доброта.

Шекспир — великий талант. Он проник в самые глубины души человека. Показал, как низко может он пасть, как легко зло может восторжествовать над честностью, добротой и прямоотой сердца. Вместе с тем Шекспир доказал, что человеческие честность, достоинство, дух непобедимы.

События, им описываемые, образы героев, им изображенные, не способны оставить нас равнодушными. Мы переживаем, следя за интеллектуальной и нравственной борьбой участников событий, за их душевными страданиями. Мы сочувствуем Отелло и Лиру, нас воодушевляет высота духа Гамлета, нас восхищают Ромео и Джульетта своей торжествующей верностью любви, Антоний и Клеопатра — своей нравственно искупающей, нравственно очищающей любовью.

Гамлет, Отелло, Лир, Корделия, Дездемона погибают в борьбе со злом. Но и злодеи не торжествуют, возмездие настигает и их.

Стойкость духа — суть философии творчества Шекспира.

Терпи. Будь наготове.
 В слезах явились мы на свет.
 И в первый миг, едва вдохнули воздух,
 Мы стали жаловаться и кричать. («Король Лир») [6: т. 1, с. 568]

В жизни и гибели человека есть особый промысел, уверен Шекспир.

Если теперь, так, значит, не потом; если
 не потом, так, значит, теперь; если не теперь,
 То все равно когда-нибудь; готовность — это все.
 Раз то, с чем мы расстаемся, принадлежит
 Не нам, так не все ли равно — расстаться рано? Пусть будет.
 («Гамлет») [6: т. 1, с. 291].

О творчестве Шекспира можно говорить много. Хочется привести слова В. Гюго, который очень емко сказал о Шекспире так: «Кто говорит “поэт”, обязательно говорит в то же время “историк” и “философ”. Гомер включает

в себя Геродота и Фалеса. Шекспир — такой же человек о трех лицах. Кроме того, он художник, и какой! Огромный художник!... У Шекспира есть трагедия, комедии, феерия, гимны, фарс, всеобъемлющий божественный смех, устрашающее и отталкивающее, — если выразить все одним словом — драма. Он простирается от одного полюса до другого. Он принадлежит и к Олимпу и к ярмарочному балагану» [1: т. 14, с. 262].

* * *

В последние три года своей жизни Шекспир, говорят, ничего не писал. Он наслаждался покоем и беседой с друзьями в своем родном Стратфорде.

По моему велению могилы
Послушно возвратили мертвецов.
Все это я свершил своим искусством.
Но ныне собираюсь я отречься
От этой разрушительной науки.
Хочу лишь музыку небес призвать,
Чтоб ею исцелить безумцев бедных,
А там — сломаю свой волшебный жезл
И схороню его в земле. А книги
Я утоплю на дне морской пучины
Куда еще не опускался Лот. [4: т. 8, с. 200]

23 апреля 1616 года Уильям Шекспир умер. На его могильной плите по его же, загодя сделанному, распоряжению была высечена следующая эпитафия:

Друг, ради Господа, не рой
Останков, взятых сей землей;
Нетронувший блажен в веках,
И проклят — тронувший мой прах. [10: с. 387]

На мемориальной же доске, установленной над могилой великого писателя, благодарные потомки сделали такую надпись: «Умом подобного Нестору, гением — Сократу, искусством Марону, его земля покрывает, народ оплакивает, Олимп приемлет».

*Стой, путник, и прочти, коли учен,
Кто здесь завистливою смертью заключен.
В кумире — сам Шекспир — угас с ним мир живой;
Сей камень с именем какой ценить ценной? —
В сей жизни, словно паж, служить должна
Поэзия плодам его ума. [10: с. 391]*

Литература

1. Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. М.: Художественная литература, 1956.
2. Шекспир У. «Гамлет» в русских переводах XIX–XX вв. / Пер. Б. Пастернака. М.: Интербук, 1994.
3. Шекспир У. Исторические хроники. М.: Слово, 2010.

4. *Шекспир У.* Полн. собр. соч.: в 8 т. М., 1957–1960.
5. *Шекспир У.* Пьесы в переводе М. Кузмина. М.: Моск. рабочий, 1990.
6. *Шекспир У.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Лексика, 1997.
7. *Шекспир У.* Собр. соч. Воронеж: Инфа, 1993.
8. *Шекспир У.* Собр. соч.: в 8 т. / Пер. М. Зенкевича. М.: Интербук, 1997.
9. *Шекспир У.* Укрощение строптивой. Два веронца. Венецианский купец. Сон в Иванову ночь. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997.
10. *Шенбаум С.* Шекспир. Краткая документальная биография. М.: Прогресс, 1985.

Literatura

1. *Gyugo V.* Sobr. soch.: v 15 t. T. 14. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1956.
2. *Shekspir U.* «Gamlet» v russkix perevodax XIX–XX vv. / Per. B. Pasternaka. M.: Interbuk, 1994.
3. *Shekspir U.* Istoricheskie xroniki. M.: Slovo, 2010.
4. *Shekspir U.* Poln. sobr. soch.: v 8 t. T. 8. M., 1957–1960.
5. *Shekspir U.* P'esy' v perevode M.Kuzmina. M.: Mosk. rabochij, 1990.
6. *Shekspir U.* Sobr. soch.: v 2 t. M.: Leksika, 1997.
7. *Shekspir U.* Sobr. soch. Voronezh: Infa, 1993.
8. *Shekspir U.* Sobr. soch.: v 8 t. / Per. M. Zenkevicha. M.: Interbuk, 1997.
9. *Shekspir U.* Ukroshhenie stroptivoj. Dva veroncza. Venecianskij kupecz. Son v Ivanovu noch'. Rostov-n/D.: Feniks, 1997.
10. *Shenbaum S.* Shekspir. Kratkaya dokumental'naya biografiya. M.: Progress, 1985.

B.N. Bessonov

William Shakespeare is a Great Creative Personality

The article analyzes the work of the great English poet and playwright W.Shakespeare (1564-1616). The author emphasizes the deep philosophical meaning of his works, thanks to which the work of Shakespeare has had a serious impact on the entire world literature of subsequent years.

Keywords: humanism; epoch of Renaissance; moral ideals.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»,
2015, № 2 (14)**

Бессонов Борис Николаевич — заведующий общеуниверситетской кафедры философии МГПУ, профессор, доктор философских наук.

Глазунов Николай Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой менеджмента и экономики культуры Самарского государственного института культуры.

Дзиов Артур Русланович — кандидат филологических наук, доцент, и. о. ректора Шадринского государственного педагогического института.

Жукоцкая Александра Васильевна — доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Зыбина Наталья Владимировна — аспирант общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Каменев Александр Сергеевич — доктор химических наук, профессор кафедры географии Института математики, информатики и естественных наук МГПУ.

Ковалев Владислав Григорьевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры культуры и дизайна РГСУ.

Наджафов Рахиль — доктор философии, научный сотрудник отдела истории философии и общественной мысли Института философии, социологии и права НАН Республики Азербайджан.

Чёрненькая Светлана Васильевна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Шабанпур Монирех — аспирант кафедры культурологии и антропологии Московского государственного университета культуры и искусств.

**«МСТТУ Vestnik» / Authors,
Series «Philosophical Sciences», 2015, № 2 (14)**

Bessonov Boris Nikolayevich — Doctor of Philosophy, professor, head of the all-university department of Philosophy, MCTTU.

Glazunov Nikolai Gennadievich — Ph.D. (Philosophy), docent, acting head of Management and Economics of Culture department, Samara State Institute of Culture.

Dzirov Artur Ruslanovich — Ph.D. (Philology), docent, acting rector, Shadrinsk State Pedagogical Institute.

Zhukotskaya Aleksandra Vasilevna — Doctor of Philosophy, professor, all-university department of Philosophy, MCTTU.

Zybina Natalia Vladimirovna — postgraduate, all-university department of Philosophy, MCTTU.

Kamenev Aleksandr Sergeevich — Doctor of Chemistry, professor of Geography department, Institute of Mathematics, Informatics and Natural Science, MCTTU.

Kovalev Vladislav Grigorievich — Ph.D. (Pedagogics), docent, Culture and Design department, RSSU.

Najafov Rachel — Doctor of Philosophy, researcher of History of Philosophy and Social Thought department, Institute of Philosophy, Sociology and Law, Azerbaijan National Academy of Sciences, Republic of Azerbaijan.

Chernenkaya Svetlana Vasilievna — Ph.D. (Philology), all-university department of Philosophy, MCTTU.

Shabanpur Monireh — postgraduate student, Anthropology and Cultural Studies, Moscow State University of Culture and Arts.

E-mail: philos-mgpu@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам.

Журнал адресован научно-педагогическим работникам, педагогам высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам — всем, кто интересуется вопросами философского осмысления истории человечества и цивилизации, современной жизни общества, сущности человека в свете его творческой деятельности, проблемами устойчивого развития мира в эпоху глобализации и экологического кризиса, участия человека в судьбе планеты.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [З: с. 147], по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Философские науки» обращаться к составителю, заместителю главного редактора *Бирич Инне Алексеевне*.

Телефон редакции (499) 181-66-29. E-mail: philos-mgpi@mail.ru.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Философские науки»
№ 2 (14), 2015

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *Б.Н. Бессонов*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

В.П. Бармин

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 09.07.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.